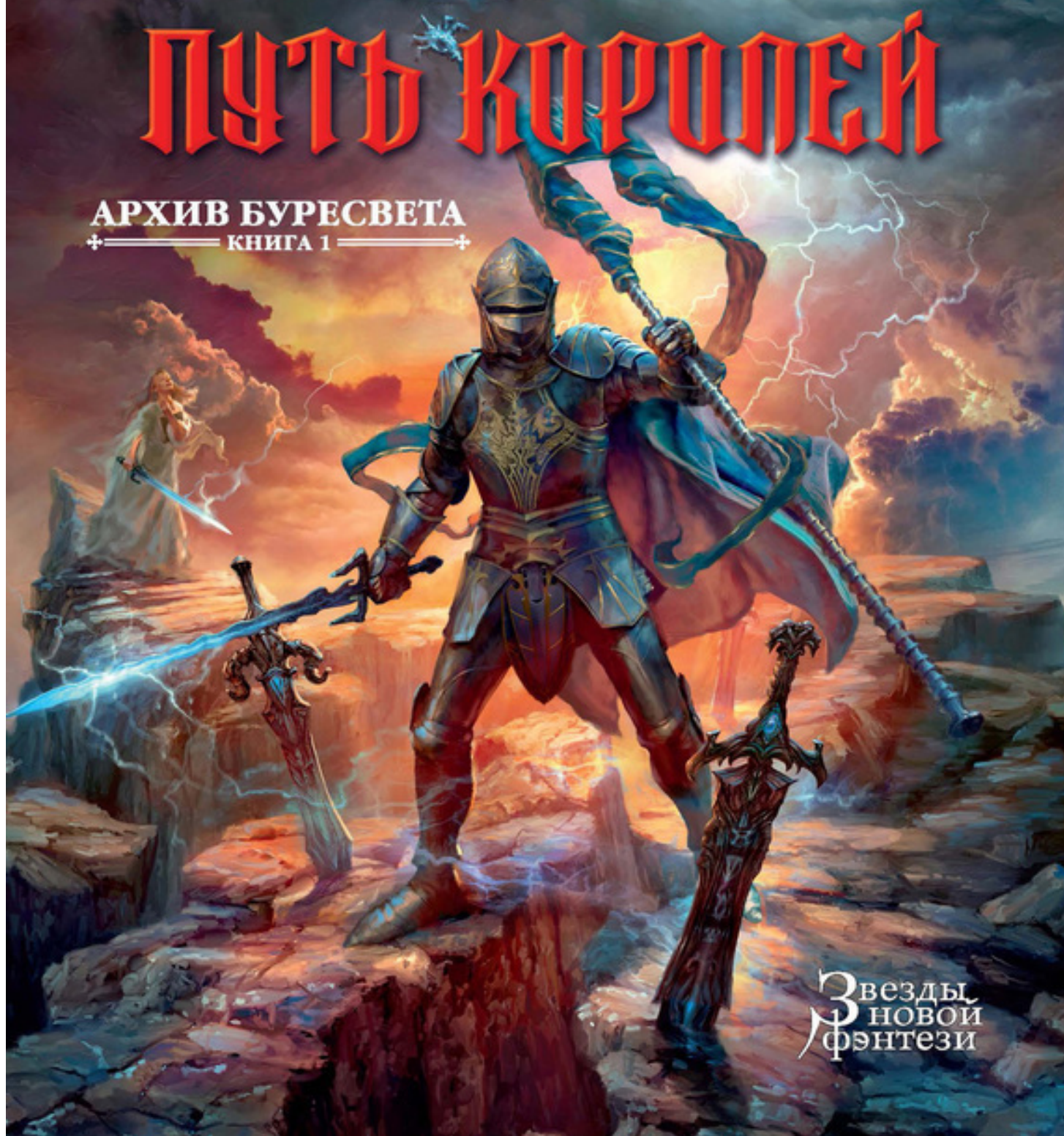

БРЕНДОН САНДЕРСОН

ПУТЬ КОРОЛЕЙ

АРХИВ БУРЕСВЕТА
✦ ————— КНИГА 1 ————— ✦

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон

Путь королей

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Сандерсон Б.

Путь королей / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-12050-1

Масштабная сага погружает читателя в удивительный мир, не уступающий мирам Дж. Р. Р. Толкина, Р. Джордана и Р. Сальваторе. Уникальная флора и фауна, тщательно продуманное политическое устройство и богатая духовная культура – здесь нет ничего случайного. Рошар – мир во власти великих бурь, сметающих все живое на своем пути. Но есть и то, что страшнее любой великой бури, – это истинное опустошение. Одно лишь его ожидание меняет судьбы целых народов. Сумеют ли люди сплотиться перед лицом страшной угрозы? Найдется ли тот, для кого древняя клятва – жизнь прежде смерти, сила прежде слабости, путь прежде цели – станет чем-то большим, нежели просто слова?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-12050-1

© Сандерсон Б., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	9
Пролог	10
Часть первая	20
1	20
2	28
3	37
4	46
5	53
6	61
7	74
8	85
9	98
10	102
11	106
Интерлюдии	113
И-1	113
И-2	116
И-3	118
Часть вторая	123
12	123
13	137
14	144
15	151
16	168
17	178
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Брендон Сандерсон

Архив Буресвета

Книга 1

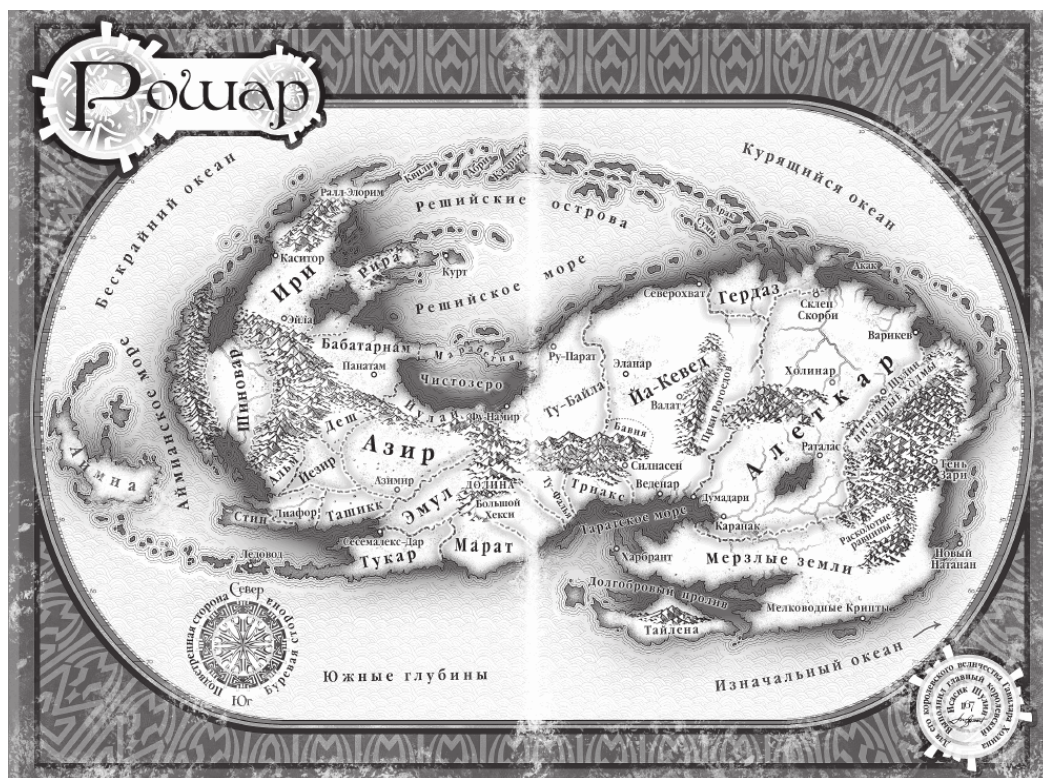
Путь королей

Эмили – слишком терпеливой, слишком доброй и слишком прекрасной, чтобы можно было описать словами. Но я все равно пытаюсь это сделать.

© Н. Осояну, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие

Калак обогнул цепь грозных скал и наткнулся на издыхающего громолома. Гигантское чудище лежало на боку, выпиравшие из его груди острые гребни потрескались и раскрошились. Из гранитных плеч скелетоподобной твари торчали неестественно длинные конечности. Глаза – темно-красные пятна на клиновидной морде – выглядели двумя остывающими озерцами лавы, рожденной в недрах камня.

Даже спустя столько веков Калак по-прежнему вздрагивал, оказываясь так близко к громолому. Передние лапы монстра были размером с человека. Калака уже убивали такими лапами – ничего приятного.

Приятная смерть вообще большая редкость.

Калак обошел тварь, пробираясь через поле битвы с удвоенной осторожностью. Вокруг простиралась равнина, покрытая скалами диковинных форм – ближайшие казались колоннами, сотворенными самой природой, – и повсюду лежали трупы. Растений почти не было.

Скальные выступы и нагромождения валунов пестрели многочисленными шрамами. Там, где сражались связующие потоки, остались груды обугленного щебня. Изредка Калак проходил мимо расщелин необычной формы, откуда из камня вывалились чудовища, чтобы ринуться в битву.

Многие из тел, что он видел, принадлежали людям, но далеко не все. Кровь всех оттенков смешалась – красная, оранжевая, фиолетовая. Хотя мертвецы не шевелились, в ушах у Калака стоял слабый гул. Эхо мучительных стонов, отголоски скорбных воплей. Победе следовало звучать иначе. Над чахлой растительностью, над сваленными в кучу трупами вился дым. Даже камни местами тлели. Пыленосцы потрудились на славу.

«И все-таки я выжил, – подумал Калак, торопясь к месту встречи, и приложил руку к груди. – На этот раз я действительно выжил».

События приняли опасный оборот. Умирая, Калак терял право выбора и отправлялся назад. Пережив Опустошение, он все равно должен был все повторить – вернуться в жуткую обитель боли и пламени. А что, если он просто возьмет и... останется здесь?

Рискованные мысли, от них несет предательством. Калак прибавил шаг.

Место встречи, которое все десять, по своему обыкновению, выбрали перед началом битвы, располагалось в тени высокой скалы – устремленного в небо шпиля. Выжившие должны были вернуться сюда. Странное дело, но Калака дожидался только Йезриен. Неужели остальные восемь погибли? Всякое случалось. На этот раз битва оказалась чрезвычайно яростной, одной из самых тяжелых. Силы врага с каждым разом крепили.

Приблизившись к основанию шпиля, Калак понял свою ошибку и нахмурился. Там красовались семь великолепных мечей, вонзенные в камень. Покрытые узорами и знаками, они отличались друг от друга по форме и выглядели истинными шедеврами. Он опознал каждый. Оставшись без хозяев, Клинки Чести исчезли бы.

Клинок Чести – оружие, по силе превосходящее даже осколочный клинок. Неповторимое. Драгоценное.

Йезриен стоял вне круга мечей, глядя на восток.

– Йезриен?

Мужчина в бело-голубом покосился на прибывшего. На вид Йезриену не дашь больше тридцати, как и много веков назад. Аккуратная черная борода; красивый наряд обгорел и покрылся пятнами крови. Йезриен повернулся к Калаку, заложив руки за спину.

– Что происходит? – спросил Калак. – Где все?

– Ушли. – Низкий голос был исполнен королевского спокойствия. Йезриен уже много веков не носил корону, но сохранил привычки монарха. Казалось, его ничто не может заставить врасплох. – Случилось что-то вроде чуда. На этот раз погиб только один.

– Таленель. – Не хватало лишь Клинка Чести, который принадлежал Таленелю.

– Да. Он до последнего удерживал перевал у реки на севере.

Калак кивнул. Тальн всегда выбирал битвы, всем казавшиеся безнадежными, и побеждал в них. А еще нередко погибал до исхода боя. Теперь он там, где им всем надлежит быть между Опустошениями. В обители кошмаров.

Калак понял, что дрожит. Когда же он успел так ослабеть?..

– Йезриен, я не вернусь туда, – прошептал Калак, шагнув вперед и схватив товарища за руку. – Просто не могу!

Он признался – и будто что-то сломалось внутри. Как долго все это длилось? Его пытали на протяжении веков или, возможно, тысячелетий. Он давно сбился со счета. Каждый день начинался с огня, с крючьев, вонзавшихся в плоть. С того, что его рука сгорала – кожа, мясо, кость... И запах. О Всемогущий, этот ужасный запах!

– Оставь свой меч, – сказал Йезриен.

– Что?

Йезриен кивком указал на кольцо мечей:

– Меня избрали, чтобы подождать. Не было уверенности в том, что ты выжил. Мы... приняли решение. Пришло время покончить с Клятвами.

Калак содрогнулся от ужаса:

– А последствия?

– Ишар убежден, что для соблюдения Договора Клятв хватит и одного из нас. Не исключено, что мы покончим с циклом Опустошений.

Калак и Йезриен посмотрели друг на друга. Слева от них что-то дымилось. Позади раздавались стоны умирающих, терзая слух. В глазах бессмертного короля Калак увидел боль и скорбь. Возможно, даже малодушие. Глаза человека, который замер на самом краю бездонной пропасти.

«Всемогущий Всевышний, – подумал Калак. – Выходит, он тоже сломался?»

Все они сломались.

Калак повернулся и прошел к невысокому скальному выступу, откуда открывался полный вид на поле боя.

Среди великого множества мертвых бродили выжившие. Мужчины в грубых одеяниях держали в руках копья с бронзовыми наконечниками. Полной противоположностью им были воины в блестящих доспехах. Мимо прошел отряд: четверка в изодранных дубленых шкурах и коже скверной выделки следовала за могучей фигурой в серебряных латах, покрытых замысловатым узором. До чего разительный контраст...

Йезриен подошел к нему.

– Мы кажемся им богами, – пробормотал Калак. – Они верят в нас. Только мы можем им помочь.

– У них есть Сияющие. Этого достаточно.

Калак покачал головой:

– Так врага не удержать. Сам знаешь, он что-то придумает.

– Возможно, – согласился король Вестников и ничего больше не объяснил.

– Как же Тальн?

Запах горелой плоти. Пламя. Боль, боль, боль...

– Лучше пусть страдает один, чем десять, – прошептал Йезриен, равнодушный, словно тень, темное подобие поборника чести и истины, озаренного горячим и ярким светом.

Король Вестников снова подошел к кольцу мечей. В его руках появился Клинок Чести – соткался из тумана и покрылся каплями росы.

– Калак, все уже решено. Дальше каждый из нас пойдет своим путем и не будет искать встречи с другими. А клинки необходимо оставить здесь. Наш Договор Клятв завершен.

Он поднял меч и вонзил его в камень рядом с семью остальными. Ненадолго застыл, глядя на Клинок Чести, а потом склонил голову и отвернулся, словно его одолел стыд:

– Мы по собственной воле взвалили это бремя на свои плечи. Значит, можем и отказаться от него, если нам так хочется.

– А что мы скажем людям? – спросил Калак. – Какими словами они будут поминать этот день?

– Все просто, – ответил Йезриен, перед тем как уйти. – Объявим, что они наконец-то победили. Это довольно легкая ложь. И кто знает? Может, она еще окажется правдой.

Калак следил за Йезриеном, пока тот не затерялся в выжженной дали. Потом призвал собственный Клинок Чести и вонзил в камень рядом с остальными восемью. Повернулся и зашагал в сторону, противоположную той, куда ушел король Вестников.

В какой-то момент не удержался и оглянулся. В кольце мечей зияло единственное пустое место, отведенное десятому клинку и тому, кого они потеряли.

Тому, кого они бросили.

«Прости нас», – подумал Калак.

И ушел.

Книга первая Путь королей

4500 лет спустя

Карта Алеткара и окрестностей, созданная королевскими картографами его величества Гавилара Холина около 1167 г.

Пролог Убивать

«Любовь человеческая – хлад, горный ручей всего-то в трех шагах от льда. Мы ему принадлежим. О Буреотец... Мы ему принадлежим. Осталась лишь тысяча дней, и грянет Буря бурь».

Записано в первый день недели пала месяца шаш 1171 года, за 31 секунду до смерти. Наблюдалась темноглазая беременная женщина средних лет. Ребенок не выжил.

Вдень, когда Сзет-сын-сына-Валлано, несправедник из Шиновара, готовился убить короля, он нарядился в белое. Белая одежда была традицией паршенди, чуждой ему. Но Сзет подчинился хозяевам, не требуя объяснений.

Он сидел в большой комнате с каменными стенами. Здесь было жарко, как в печке, из-за двух огромных очагов. Яркий свет от огня падал на пирующих, их кожа покрывалась бусинками пота, пока они танцевали и пили, орали, пели и хлопали в ладоши. Некоторые, покрасневшись, падали без чувств, не выдержав буйного празднества, – их желудки оказались неважными бурдюками для вина. Мертвецы пьяных гуляк из пиршественного зала уносили приятели, чтобы уложить в подготовленные заранее постели.

Сзет не качался в такт барабанам, не пил сапфировое вино и не пытался танцевать. Он сидел на скамье в дальнем углу – неподвижный слуга в белой одежде. Мало кто на празднике, устроенном по случаю подписания договора, обращал на него внимание. Он был просто слугой, а шинцев легко не замечать. Здесь, на востоке, привыкли считать соплеменников Сзета покорными и безвредными – и, как правило, не зря.

Барабанщики изменили ритм. Новая мелодия встряхнула Сзета, словно комнату вдруг захлестнули волны невидимой крови, пульсирующей в такт бьющимся сердцам. Хозяева Сзета – в более цивилизованных королевствах к ним относились с презрением, как к дикарям, – сидели за отдельными столами. У них была черная кожа с красными разводами. Паршенди – так их называли – дальние родственники куда более послушного и услужливого народа, известного в большей части мира как паршуны. До чего же странно... Это имя им дали аleti. «Паршенди» означало нечто вроде «паршуны, которые умеют думать». Почему-то ни одна, ни другая сторона не находили это оскорбительным.

Паршенди привели своих музыкантов. Поначалу светлоглазые аleti чувствовали себя неуютно: для них барабаны были главными музыкальными инструментами темноглазых простолюдинов. Однако вино – непревзойденный убийца обычаев и правил, и к этому моменту знать аleti самозабвенно танцевала.

Сзет начал пробираться через зал. Празднество затянулось – король и тот ушел к себе несколько часов назад, – но многие продолжали развлекаться. По пути Сзету пришлось обогнуть родного брата короля, Далинара Холина, спяну уснувшего прямо за столом. Крепкий пожилой мужчина истово гнал прочь всех, кто пытался увести его отдыхать. Где же Ясна, королевская дочь? Элокар, сын и наследник короля, сидел за столом для почетных гостей, возглавляя пиршество в отсутствие отца. Он беседовал с двумя гостями: темнокожим азирцем, у которого на щеке было странное бледное пятно, и худым мужчиной, по виду аleti, который все время озирался по сторонам.

Те, с кем пировал принц, не представляли никакого интереса. Стараясь держаться подальше от наследника престола, Сзет прошел вдоль стены зала, мимо барабанщиков. Над головами музыкантов носились спрены музыки, маленькие духи в облике кружащихся про-

зрачных лент. Барабанщики заметили Сзета, когда он приблизился. Им предстояло скоро уйти вместе с остальными паршенди.

Они не казались ни оскорбленными, ни рассерженными и все-таки собирались нарушить договор, подписанный всего-то несколько часов назад. В этом не было смысла. Но Сзет не задавал вопросов.

На выходе из зала он прошел между рядами ламп – они выступали из стен у самого пола и излучали ровный лазурный свет. Это внутри сияли сапфиры, наполненные буресветом. Святотатство! Как местные осмеливались использовать нечто столь божественное для освещения комнаты? Хуже того, ученые-алети, по слухам, были близки к созданию новых осколочных клинков. Сзет надеялся, что это просто безмерное хвастовство. Иначе миру следует готовиться к тому, что от далекой Тайлены до горделивого Йа-Кевода родители начнут говорить со своими детьми на языке алети.

Этот народ внушал почтение. Даже опьянение не мешало алети вести себя с прирожденным изяществом. Мужчины, высокие и статные, носили темные шелковые одеяния с двумя рядами пуговиц на груди, с замысловатой серебряной и золотой вышивкой. Любой из них мог сойти за генерала на поле боя.

Женщины выглядели еще ревнительнее. Они носили роскошные шелковые платья, которые плотно облегали фигуру, и предпочитали яркие цвета, выделяясь на фоне темных нарядов мужчин. Левый рукав платья длиннее правого и закрывал руку целиком. У алети странные представления о приличиях.

Черные волосы дамы укладывали в высокие прически, заплетали в замысловатые косы или оставляли свободными. Частенько их украшали золотыми лентами и драгоценными камнями, излучавшими буресвет. Красота. Святотатственная красота.

Пиршественный зал остался позади. Пройдя совсем немного, Сзет миновал дверь, за которой развернулся Пир нищих. Такова была традиция алети: по соседству с королем и его гостями в отдельном зале пировали беднейшие из горожан. Мужчина с длинной серо-черной бородой сидел на пороге, точно куль, и глупо улыбался – был ли он пьян или не в ладах с головой, Сзет не понял.

– Ну и как я тебе? – спросил незнакомец, еле ворочая языком. Засмеялся и понес какую-то околесицу, протягивая руку к бурдюку с вином.

Значит, все-таки пьяный. Сзет скользнул мимо него и пошел дальше, вдоль ряда статуй Десяти Вестников из древнего пантеона Ворин. Йезерезе, Иши, Келек, Таленелат. Он всех посчитал и понял, что скульптур только девять. Кого-то не хватает. Отчего убрали изваяние Шалаш? Король Гавилар, по слухам, был ревностным воринистом. Даже излишне ревностным, как говорили некоторые.

Коридор поворачивал направо, огибая куполообразный дворец по периметру. Это был королевский – третий – этаж, и Сзета со всех сторон окружал камень. Стены, потолок, пол... Святотатство! Нельзя попирать ногами камень. Но ему-то что? Он неправедник. Хозяева приказывают – он выполняет.

Сегодня приказы включали белую одежду. Свободные белые штаны, веревка вместо пояса и полупрозрачная рубашка с длинными рукавами и глубоким воротом. У паршенди принято убийцам одеваться в белое. Сзет не спрашивал, но хозяева все же объяснили, зачем нужен белый цвет.

Чтобы быть смелым. Чтобы не затеряться в ночи. Чтобы предупредить.

Ведь тот, кого ты идешь убивать, должен увидеть твое приближение.

Сзет повернул направо – в коридор, который вел прямо в королевские покои. На стенах горели факелы, но их свет не насыщал коридор, как жидкий бульон не насыщает после долгого поста. Вокруг факелов танцевали крошечные спрены пламени, точно сгустки света, превратившиеся в насекомых. От такого освещения никакой пользы. Сзет потянулся за своим

кошелем со сферами, но замер, увидев впереди еще несколько синих огней: на стене висела пара бурсветных ламп и в сердцевине каждой горели яркие сапфиры. Он подошел к одной из них и протянул руку, чтобы обхватить защищенный стеклом драгоценный камень.

– Эй, ты! – крикнул кто-то на алетийском.

На пересечении коридоров стояли два стражника. Два, потому что этой ночью в Холинар заявили дикари. Конечно, предполагалось, что паршенди и алетии теперь союзники. Но союзы, как известно, бывают очень зыбкими.

Этот рухнет, не пройдет и часа.

Сзет наблюдал за приближением воинов. Вооружены копьями – не светлоглазые, а значит, не имеют права носить мечи. Но на красных нагрудниках видны узоры, как и на шлемах. Высокородные граждане, пусть и темноглазые, и в королевской гвардии у них уважаемые должности.

В нескольких футах от Сзета один из стражей махнул копьем:

– Пошел вон, быстро. Тебя здесь не должно быть.

У алетии была смуглая кожа и усики, обрамлявшие губы и переходившие в бороду.

Сзет не шелохнулся.

– Ну? – поторопил стражник. – Чего ждешь?

Убийца глубоко вдохнул и сосредоточился на бурсвете. Тот хлынул в него, струясь из двух сапфировых ламп на стене, и наполнил, как воздух наполняет легкие. Бурсвет за клубился внутри Сзета, а коридор вдруг погрузился в тень, словно вершина холма, которую загордило от солнца облачко.

Тепло и ярость света наполнили убийцу, будто в его вены впрыснули бурю. Внезапный прилив сил по-своему опасен: теперь Сзета переполняла жажда действовать, двигаться, атаковать.

Он затаил дыхание, удерживая бурсвет. Но тот все равно просачивался. Бурсвет можно было хранить в себе недолго, в лучшем случае несколько минут. Он ускользал из человеческого тела, которое слишком похоже на губку. Сзету доводилось слышать, что Приносящие пустоту могли удерживать его в себе сколько хотели... Только существовали ли они на самом деле. Его кара свидетельствовала, что нет. Честь утверждала, что да.

Пылая священной мощью, Сзет повернулся к стражникам. Очевидно, они заметили, что над его кожей клубится похожее на дым сияние. Стоявший впереди алетии прищурился и помрачнел. Неправедник не сомневался, что стражнику раньше не доводилось видеть подобное. Насколько Сзету было известно, он убил всех камнеходцев, которые видели его в действии.

– Кто... кто ты такой? – В голосе охранника не осталось былой твердости. – Дух или человек?

– Кто я? – прошептал Сзет, глядя мимо воина в конец длинного коридора, и частица света вырвалась из его рта. – Я тот, кто... сожалеет.

Моргнув, убийца связал себя с отдаленной точкой в глубине коридора. Его окутала вспышка бурсвета, охладившая кожу, и тотчас же земное притяжение исчезло. Взамен его потянуло к той точке, на которой он сконцентрировался, – как если бы коридор для него одного вдруг опрокинулся, превратился в колодец и дальняя сторона коридора оказалась его дном.

Это было Основное Плетение, первое из известных ему трех видов плетений. Оно позволяло управлять той силой, спреном или богом, что удерживал людей на земле. При помощи этого плетения Сзет мог притягивать все что угодно к любым поверхностям или менять для них верх и низ.

Для Сзета коридор и правда превратился в глубокую шахту, в которую он падал, а два стражника стояли на одной из ее стен. Не успели они опомниться, как Сзет ударил обоих

ногами в лица и опрокинул. Быстро перевел взгляд на настоящий пол и связал себя с ним. Из убийцы продолжал струиться свет. Пол коридора опять стал *низом*, и он приземлился между двумя стражниками, хрустя одеждой, с которой сыпались хлопья инея. Сзет поднялся и начал призыв осколочного клинка.

Один из воинов принялся шарить в поисках копья. Неправедник склонился над ним и, коснувшись его плеча, сосредоточился на точке над собой. Усилием воли перенес часть света из своего тела в тело воина, после чего плетением притянул беднягу к потолку.

Стражник в ужасе завопил, когда низ и верх поменялись для него местами. Испуская свет, он врезался в потолок и выронил копье. К оружию магия не применялась – оно со стуком упало на пол рядом с Сзетом.

Убивать. Величайший из всех грехов. И все же вот он, Сзет, неправедник, кощунственно ступающий по камням, которые кто-то использовал для стройки. И этому не будет конца. Неправеднику запрещено посягать лишь на одну жизнь – свою собственную.

На десятом ударе сердца его осколочный клинок упал в подставленную руку. Оружие словно соткалось из тумана, и вдоль всего лезвия проступили капли росы. Осколочный клинок был длинным и тонким, обоюдоострым, не таким массивным, как другие. Сзет взмахнул им – лезвие высекло линию на каменном полу и прошло через шею второго стражника.

Как обычно, осколочный клинок убивал странно: с легкостью разрубая камень, сталь или что-нибудь неодушевленное, металл превращался в облачко тумана, соприкасаясь с кожей живого существа. Он прошел сквозь шею, не оставив и следа, но после этого глаза несчастного задымились и вспыхнули. Они почернели, усохли в глазницах, и алеті обмяк, мертвый. Осколочный клинок не резал живую плоть – он сразу отсекал душу.

Наверху охнул первый стражник. Ему удалось встать на ноги, хоть это и означало, что стоял он вниз головой, приклеившись к потолку коридора.

– Убийца! – заорал воин. – Убийца с осколочным клинком в королевском дворце! К оружию!

«Наконец-то», – подумал Сзет. Стражники ничего не знали о свойствах и возможностях буресвета, но вот осколочный меч они бы ни с чем не перепутали.

Неправедник наклонился и подобрал копье. Одновременно он выдохнул – впервые с того момента, как втянул в себя буресвет. Тот подпитывал Сзета, пока был внутри, но из двух ламп удалось получить не так уж много, и ему вскоре предстояло искать для подпитки новый источник. Теперь, когда Сзет начал дышать, буресвет вытекал быстрее.

Убийца упер тупой конец копья в каменный пол и поднял взгляд к потолку. Стражник над ним перестал орать и выпучил глаза, увидев, как полы мундира заскользили вниз, – земля отыгрывала позиции. Свет, струившийся из тела алеті, иссякал.

Воин посмотрел на Сзета. А точнее, на наконечник направленного на него копья. Вокруг алеті из каменного потолка начали выползать фиолетовые спрены страха.

Свет померк. Стражник упал.

Когда копье пронзило его грудь, он закричал. Сзет выпустил копье, и насаженное на острие дергающееся тело ударилось о каменный пол с глухим стуком.

Держа в руке осколочный клинок, неправедник свернул в боковой коридор, следуя запечатленной в памяти карте. Нырнув за угол, он прижался к стене как раз в тот момент, когда отряд стражников обнаружил трупы. Воины тотчас же зашумели, опять поднимая тревогу.

Ему дали четкие указания: убить короля, убить при свидетелях. Позволить алеті узнать о своем приближении и о том, что должно случиться. Зачем? Зачем паршенди согласились на этот договор? Лишь для того, чтобы в самую ночь его подписания подослать убийцу?

На стенах нового коридора драгоценных камней оказалось еще больше. Король Гавилар любил показную роскошь, и ему было невдомек, что все это – источники силы для Сзета

и его плетений. Того, что делал Сзет, никто не видел уже много тысячелетий. Почти все хроники былых времен были утрачены, а легенды ужасали своей неточностью.

Сзет снова выглянул в коридор. Один из стражников заметил его, вскинул руку и заорал. Сзет убедился, что его как следует разглядели, и рванул прочь. На бегу сделал глубокий вдох, втягивая буресвет из ламп. Тело ожило, он побежал быстрее, и каждая мышца чуть не лопалась от переполнявшей его силы. Внутри его свет превратился в бурю; кровь грохотала в ушах. Это было ужасно и в то же время прекрасно.

Сначала прямо, потом один поворот. Он распахнул дверь кладовой и чуть-чуть помедлил – в самый раз, чтобы завернувший за угол стражник успел увидеть, – после чего ворвался внутрь. Готовясь к Полному Сплетению, вскинул руку и усилием воли направил в нее буресвет, так что кожа начала сиять. Потом хлопнул рукой по дверной раме, обрызгав ее белым светом, точно краской, и захлопнул дверь перед носом у стражников.

Буресвет удерживал дверь так, будто ее подпирала сотня рук. Полное Сплетение связывало предметы друг с другом и крепко держало до тех пор, пока не кончался буресвет. Чтобы создать такое сложное плетение, требовалось больше времени – и буресвет уходил куда быстрее. Ручка дернулась, потом затрещало дерево – стражники попытались выбить дверь, и кто-то крикнул, чтобы принесли топор.

Сзет стремительно пересек комнату, лавируя между укрытой чехлами мебелью дорогих пород дерева. Добрался до дальней стены и приготовился к очередному кощунству. Убийца поднял осколочный клинок и горизонтально рубанул по темному серому камню. Тот поддался легко – осколочный клинок мог резать любой материал. Последовали два вертикальных удара и еще один – у основания; получился большой куб. Сзет прижал к нему ладонь и усилием воли наполнил буресветом.

Дверь затрещала. Сзет оглянулся, сосредоточился и плетением притянул к ней вырезанный из камня куб. Одежда покрылась инеем – для сплетения чего-то столь большого требовалось изрядное количество буресвета. Ураган внутри его утих, как будто шторм сменился морозящим дождем.

Он шагнул в сторону. Громадный каменный куб вздрогнул и поехал в комнату. Обычных усилий не хватило бы для того, чтобы сдвинуть с места такую громадину. По желанию Сзета для каменной глыбы дверь оказалась низом, и теперь куб устремился к ней, кувыркаясь и разнося мебель в щепки.

Воины выломали дверь и ворвались в комнату как раз в тот момент, когда на них налетел громадный камень.

Сзет повернулся спиной к жутким звукам – крики, треск дерева и хруст ломающихся костей, – пригнулся и прошел сквозь проделанное в стене отверстие напрямик в коридор.

Он шел медленно, опустошая каждую попадавшуюся лампу, втягивая буресвет и заново раззадоривая бурю внутри себя. Светильники тускнели, становилось все темней. Наконец показалась массивная деревянная дверь. Сзет увидел, как сквозь швы между каменными плитами просачиваются спрены страха, похожие на шарики фиолетовой слизи; возле дверного проема их было больше всего. Их притягивал ужас, который испытывал кто-то за дверью.

Сзет распахнул дверь и вошел в последний коридор, ведущий к покоям короля. Вдоль его стен стояли высокие красные глиняные вазы, подле которых переминались взволнованные солдаты. Посреди коридора лежал длинный узкий ковер, тоже красный, точно кровавая река.

Ближайшие воины не стали ждать, пока он подойдет, и кинулись навстречу, поднимая короткие метательные копья. Сзет прижал руку к дверной раме, заполняя ее буресветом для третьего, заключительного Плетения – Обратного. Оно работало по-другому, нежели первые

два. Это плетение не вынуждало дверную раму испускать бурсвет, – наоборот, она как будто начала его втягивать и окуталась странным полумраком.

Стражники метнули копья, но Сзет не шелохнулся, продолжая прижимать ладонь к дверной раме. Обратное Плетение требовало постоянного соприкосновения с предметом, зато отнимало сравнительно мало бурсвета. Оно притягивало к себе все, что двигалось в направлении Сзета, особенно если это были легкие предметы.

Копья вильнули в полете и вонзились в деревянную раму, по обе стороны от убийцы. Почувствовав удар, он прыгнул, плетением притянул себя к правой стене, влетел в нее с громким хлопком и перестроил свое восприятие. Теперь не он стоял на стене, а солдаты; кроваво-красный ковер струился между ними, точно длинный гобелен. Сзет бросился бежать по коридору, на ходу полоснув осколочным клинком по шее двух копейщиков. Их глаза вспыхнули, воины пали замертво.

Остальные стражники запаниковали. Кто-то попытался напасть, другие звали на помощь, а некоторые кинулись от него прочь. Атакующим пришлось нелегко – их сбивало с толку то, что, с их точки зрения, цель бегала по стене. Сзет сразил нескольких, прыгнул, кувыркнулся и опять притянул себя к полу.

Приземлился в самом центре отряда – окруженный со всех сторон, но с клинком в руках.

Согласно легенде, осколочные мечи изначально принадлежали Сияющим рыцарям, и было это давным-давно. Клинки, подарок бога алетии, предназначались для битв с Приносящими пустоту – ужасными созданиями из камня и пламени, в десятки футов ростом, с глазами, горящими от ярости. Когда у врага кожа точно каменная, от стали никакого проку. Нужно что-то, полученное с самих небес.

Неправедник выпрямился – его свободная белая одежда заколыхалась, челюсти сжались от осознания греховности происходящего. Он ударил – на поверхности клинка сверкнул отраженный свет факелов. Убийца атаковал широкими, элегантными взмахами. Три удара, один за другим. Он не мог ни зажать уши, чтобы не слышать криков, ни закрыть глаза, чтобы не видеть падающих людей. Воины падали вокруг него, точно игрушки, попавшие под руку бессердечному ребенку. Стоило лезвию рассечь человеку хребет, тот умирал, и глаза его чернели. Если меч пронзал руку или ногу, конечность отмирала. Один солдат отшатнулся от Сзета, а его рука превратилась в безвольную плеть. Он никогда больше ее не почувствует, не шевельнет ею.

Убийца опустил осколочный клинок, стоя посреди трупов с выжженными глазами. Здесь, в Алеткаре, люди часто рассказывали легенды о том, как тяжело далась человечеству победа над Приносящими пустоту. Но когда оружие, созданное для борьбы с кошмарами, обратилось против обычных солдат, жизнь утратила всякую ценность.

Сзет продолжил путь, ступая ногами в сандалиях по мягкому красному ковру. Осколочный клинок, как обычно, серебристо блестел и был чист. Убивая таким оружием, не проливаешь крови. Это словно знамение. Меч лишь инструмент, на него не переложить вину за убийства.

Дверь в конце коридора распахнулась. Сзет замер, наблюдая за тем, как небольшой отряд спешно выводит человека в королевском одеянии, который пригнул голову, словно опасаясь летящих стрел. Солдаты были в темно-синих мундирах – цвет королевской гвардии. Они не замедлили шаг при виде трупов, не остановили на них взгляда. Стражники знали, на что способно осколочное оружие. Открыв боковую дверь, они запихнули в нее своего подопечного, а сами выстроились цепью в коридоре, наставив на Сзета копья.

Из королевских покоев показалась фигура в блестящем синем доспехе из плотно прилегающих друг к другу пластин. В отличие от обычного панциря, у этого на стыках не было видно ни кожи, ни кольчуги – только пластины меньшего размера, подогнанные с поразитель-

тельной точностью. Красивый синий цвет оттеняли золотые полосы по краю каждой пластины, шлем украшали три пары крылышек, более напоминавших рожки.

Осколочный доспех, надлежащее дополнение к клинку. Меч у новоприбывшего тоже был – громадный шестифутовик с узором в виде языков пламени вдоль всего лезвия из серебристого материала. Мерцающее, почти светящееся оружие предназначалось для убийства темных богов и размерами превосходило то, которым владел Сзет.

Сзет колебался. Он не узнавал доспех; это задание ему поручили неожиданно и не дали времени запомнить все разнообразные латы и клинки алети. Но с владельцем доспеха придется разобраться до погони за королем: такого врага нельзя оставлять за спиной.

Кроме того, страж может победить Сзета, покончить с его жалким существованием. Плетениями не пронять осколочный доспех, и эти латы сделают любого лучшим бойцом, ибо наделяют силой. Честь Сзета не позволяла ему отступить от миссии или искать смерти. Но если смерть явится, он встретит ее с распростертыми объятиями.

Рыцарь ударил, и Сзет плетением притянул себя к стене коридора, развернувшись в прыжке. Тут же прятался назад, держа клинок наготове. Страж принял угрожающую позу – это была одна из излюбленных здесь, на востоке, фехтовальных стоек. Незнакомец двигался куда проворней, чем можно было бы ожидать от человека в подобных массивных латах. Осколочный доспех был особенным, столь же древним и магическим, как и клинок, с которым они друг друга дополняли.

Воин атаковал. Сзет крутанулся и плетением притянул себя к потолку, и клинок стражника врезался в стену. Ощущая азарт состязания, убийца рванулся вперед и нанес удар сверху вниз, вскинув меч над головой и пытаясь достать голову рыцаря. Тот увернулся, упав на одно колено, и клинок рассек воздух.

Неправедник отпрыгнул, уходя из-под удара, – страж пронзил мечом потолок. У Сзета не было доспеха, да он в нем и не нуждался. Драгоценные камни, подпитывавшие доспех, путали бы его плетения, и пришлось выбирать – либо одно, либо другое.

Пока незнакомец разворачивался, Сзет промчался по потолку. Как и ожидалось, противник вновь занес меч, и убийца с перекатом отпрыгнул в сторону. Вскочил, опять прыгнул и плетением переместил себя на пол, перевернувшись в полете. Приземлился позади рыцаря и обрушил клинок на его спину.

Увы, у осколочных лат имелось одно значительное преимущество: осколочным клинком его было не пронзить. Оружие Сзета ударилось о твердую поверхность, и по спинной пластине доспеха побежала паутина мерцающих трещин, из которых потек буресвет. Осколочный панцирь не ломался и не гнулся, как обычный металл. Сзету придется ударить воина по меньшей мере еще раз в то же самое место, чтобы пробить пластину.

Воин яростно замахнулся, целясь в колени Сзета, и тот прятался в сторону. Буря внутри давала ему множество преимуществ, включая способность быстро залечивать небольшие раны. Но она не смогла бы восстановить конечности, омертвевшие после удара осколочного клинка.

Сзет обошел рыцаря, выбрал момент и ринулся вперед. Противник снова нанес удар, но неправедник плетением на миг притянул себя к потолку, взмыл, пролетел над лезвием и тотчас же вновь переместил себя на пол. Атаковал, но страж был к этому готов и ответил почти безупречным ударом – промахнулся всего на палец.

Незнакомец умел обращаться со своим мечом и был опасен. Многие владельцы осколочных доспехов слишком полагались на мощь оружия и латы. Но с этим воином все обстояло иначе.

Сзет отпрыгнул к стене и обрушил на рыцаря серию быстрых, коротких атак. Противник парировал их широкими, размашистыми ударами. Его длинный клинок не позволял Сзету подобраться ближе.

«Слишком долго!» – мелькнуло у Сзета. Если король скроется, миссия будет провалена, несмотря на количество убийств. Он пригнулся, чтобы нанести удар, но рыцарь вынудил его отступить. Каждая секунда битвы увеличивала шансы Гавилара на спасение.

Пришло время для безрассудства. Сзет взмыл в воздух и, плетением опрокинув себя в другой конец коридора, понесся к противнику ногами вперед. Страж не замедлил отреагировать, но Сзет уже изменил точку привязки плетения и опустился вниз. Осколочный клинок просвистел над ним.

Сзет приземлился в низкой стойке, бросился вперед, используя инерцию, и рубанул рыцаря в бок, туда, где пластина доспеха треснула. Удар вышел мощным. Пластина разлетелась на части, во все стороны полетели кусочки расплавленного металла. Воин охнул и упал на одно колено, прижимая руку к пробоине. Сзет пнул его в разбитый бок, и усиленный буресветом тычок отшвырнул рыцаря.

Массивный за счет доспехов, страж пробил двери королевских покоев и рухнул посреди комнаты. Сзет оставил его, метнувшись в дверь справа, следуя тем же путем, каким сбежал король. В этом коридоре тоже лежал красный ковер, а буресветные лампы дали Сзету возможность подпитать бурю внутри себя.

Убийца ускорился, ощущая прилив сил. Если получится наверстать упущенное, можно разобраться с королем, а потом вернуться и завершить сражение с владельцем осколочных лат. Это будет непросто. Полное Сплетение на дверной раме не задержит рыцаря, а доспех позволит ему бежать с нечеловеческой быстротой. Сзет оглянулся.

Страж его не преследовал. Поверженный воин сидел, явно ошарашенный. Сзет лишь мельком увидел его, окруженного кусками разбитой двери. Возможно, удар был сильнее, чем предполагалось.

Или нет...

Неправедник замер. Он вспомнил, как тот, кого спасали солдаты, прятал лицо. Рыцарь в осколочных доспехах все еще не бросился в погоню. Он сражался как настоящий знаток. Говорили, что лишь немногие могли сравниться с Гавиларом Холином в искусстве боя на мечах. Что, если это...

Сзет повернулся и ринулся назад, доверившись чутью. Воин увидел его и проворно вскочил. Надо действовать быстрее. Что может сделать король, спасая свою жизнь? Сбежать, полагаясь на нескольких стражников? Или облачиться в почти непробиваемые осколочные латы и остаться, притворяясь охранником?

«Умно», – подумал Сзет, а рыцарь снова принял боевую стойку. Убийца атаковал с усиленным рвением, нанося удары один за другим, точно вихрь. Воин – король Гавилар – отвечал не менее яростно. Сзет увернулся от одного выпада и почувствовал ветер от клинка, который пронесся всего в нескольких дюймах перед ним. Он рассчитал следующую комбинацию и ринулся под ответный замах короля.

Тот, ожидая очередного удара в бок, согнул руку, прикрывая дыру в доспехе. Это позволило Сзету обойти его и попасть в королевские покои.

Король развернулся, чтобы броситься следом, но Сзет побежал через роскошно обставленную комнату, касаясь каждого предмета обстановки, что попадался ему под руку. Он наполнял все буресветом и плетением привязывал к точке за спиной короля. Мебель закувыркалась, точно комнату опрокинули набок, – кушетки, кресла и столы рухнули на застигнутого врасплох монарха. Гавилар совершил ошибку, принявшись рубить их осколочным клинком. Оружие легко рассекло большой диван, но его части все равно обрушились на короля, едва не сбив, и, когда следующей в Гавилара врезалась скамеечка для ног, он упал.

Гавилар выбрался из-под кувыркающейся мебели и бросился в атаку. Из каждой трещины в его доспехе тек буресвет. Сзет подобрался и в тот момент, когда король был уже рядом, прыгнул, плетением притянув себя к точке сзади и справа. Он ускользнул из-под

удара и вновь упал вперед. Убийца окутался сиянием бурсвета и, ощущая ледяную корку на одежде, понесся на короля со скоростью, вдвое превышающей обычное падение.

Поза монарха выдала замешательство, когда Сзет кувыркнулся в воздухе и ринулся к нему, замахиваясь. Он обрушил клинок на шлем короля, потом сразу же использовал плетение, чтобы потолок обратился полом, и упал, тяжело ударившись о каменный свод. Слишком много плетений в разных направлениях, и тело растерялось – грациозное приземление оказалось невозможным. Сзет поднялся не без труда.

Король попытался занять удобную позицию для удара, который мог бы достать убийцу. Из его треснувшего шлема сочился бурсвет, к тому же приходилось прикрывать бок с разбитой пластиной. Он замахнулся. Сзет тотчас же плетением перенес точку притяжения на пол, решив, что выпад короля не позволит ему вовремя опустить меч.

Сзет недооценил противника. Монарх положился на крепкий шлем и подставился под клинок. Когда убийца вторым ударом разбил шлем, свободная рука Гавилара, облаченная в латную перчатку, врезалась ему в челюсть.

Перед глазами ослепительно вспыхнуло, лицо обожгло жуткой болью. Все вокруг расплылось и померкло.

Боль. Какая сильная боль!

Он завопил, стремительно теряя бурсвет, и впечатался спиной во что-то твердое. Балконные двери. Плечи снова обожгло болью, как будто в них вонзили сотню кинжалов. Сзет рухнул на пол, откатился и замер, дрожа всем телом. Обычного человека такой удар убил бы.

«Не время для боли. Не время для боли. Не время для боли!»

Он моргнул, тряхнул головой – мир вокруг был размытым и темным. Ослеп? Нет. Это снаружи темно. Отброшенный силой удара, убийца пробил собой двери и оказался на деревянном балконе. Что-то грохотало. Тяжелые шаги. Рыцарь!

Сзет с трудом поднялся, перед глазами все плыло. Одна сторона лица кровоточила, из раны поднимался бурсвет, ослепляя левый глаз. Свет. Он исцелится, если успеет. Его челюсть отвисла. Сломана? Клинок выпал из рук.

Впереди возникла массивная тень; из осколочного доспеха вытекло столько бурсвета, что королю трудно было двигаться. Но он приближался.

Сзет закричал, упал на колени и, заполнив деревянный балкон бурсветом, плетением связал его с землей. Повяло ледяным холодом. Буря взревела, перетекая через руки Сзета в дерево. Он протягивал потоки силы между балконом и землей еще и еще раз. В четвертый же раз – когда Гавилар ступил через порог. Балкон прогнулся под весом человека в осколочных доспехах, дерево угрожающе затрещало.

Король замер.

Сзет в пятый раз скрутил плетение между балконом и землей. Опорные балки треснули, вся конструкция начала разрушаться. Неправедник вскрикнул, невзирая на сломанную челюсть, и использовал последние капли бурсвета, чтобы плетением привязать себя к стене здания. Падая, он промчался мимо изумленного Гавилара, потом ударился о стену и покатился по ней кувырком.

Балкон рухнул, и король, теряя под собой опору, успел бросить на Сзета потрясенный взгляд. Падение было недолгим. В свете луны убийца мрачно наблюдал – одним глазом, сквозь туман, не желавший рассеиваться, – как его жертва грохнулась на каменные плиты. Стена дворца дрогнула, а треск сломанного дерева эхом отразился от ближайших построек.

Сзет, все еще пребывавший на стене, со стоном выпрямился. Он ослаб – слишком быстро израсходовал весь бурсвет, измотал собственное тело. Спустившись, убийца подошел к обломкам. Он с трудом держался на ногах.

Король был еще жив. Осколочный металл должен был защитить человека от такого падения, но там, где Сзет чуть раньше разбил одну из пластин, торчал длинный окровав-

ленный кусок дерева, пронзивший монарха насквозь. Убийца опустился на колени, изучая перекошенное болью лицо. Волевые черты, тяжелый подбородок, черная с белым борода, пронзительные бледно-зеленые глаза. Гавилар Холин.

– Я... ждал... тебя, – выдавил король сквозь судорожные вдохи. Сзет пошарил под нагрудной пластиной доспеха, нащупывая ремни. Расстегнул их и снял нагрудник, на внутренней части которого обнаружились драгоценные камни. Два треснули и сгорели. Три еще светились. Сзет отрешенно вдохнул их свет, втянул его в себя.

Буря внутри ожила. Поток света заструился из ран на его лице, восстанавливая поврежденную кожу и кости. Боль по-прежнему была сильной; бурсвет исцелял отнюдь не мгновенно. Пройдут часы, прежде чем он придет в себя.

Король закашлялся:

– Скажи... Тайдакару... что уже слишком поздно...

– Не знаю, кто это, – невнятно из-за сломанной челюсти сказал Сзет. Он отвел руку в сторону, вновь призывая осколочный клинок.

Король нахмурился:

– Тогда кто?.. Рестарес? Садеас? Я и не думал...

– Меня послали паршенди. – Десять ударов сердца, и меч, влажный от росы, упал в ладонь.

– Паршенди? Бессмысленно. – Гавилар закашлялся и дрожащей рукой потянулся к груди, нащупывая что-то в кармане. Вытащил небольшую хрустальную сферу на цепочке. – Забери. Они не должны это получить. – Он начал терять сознание. – Передай... передай моему брату... пусть разыщет самые важные слова, какие только может сказать мужчина...

Гавилар замер.

Сзет помедлил, потом наклонился и взял сферу. Она была странная, не похожая на те, что он видел раньше. Совсем темная, но из нее как будто лился черный свет.

«Паршенди? Бессмысленно».

– Теперь все бессмысленно, – прошептал Сзет, пряча сферу. – Все рушится. Мне жаль, король аleti. Сомневаюсь, что тебе есть до этого дело. По крайней мере, теперь. – Он встал. – Ты хотя бы не увидишь, как миру и всем нам придет конец.

Рядом с телом монарха из тумана соткался осколочный клинок и со звоном упал на камни подле умершего хозяина. Он стоял долгое состояние; королевства рушились, когда мужчины начинали соперничество из-за одного меча.

Во дворце раздалась тревожные крики. Сзету следовало уходить. Но...

«Передай моему брату...»

Соплеменники Сзета считали предсмертные просьбы священными. Он взял руку короля, окунул в его собственную кровь и написал на деревяшке: «Брат. Разыщи самые важные слова, какие только может сказать мужчина».

Сделав это, Сзет растворился в ночи. Королевский клинок он оставил – зачем ему еще один?

Тот, что у него есть, уже достаточное проклятие.

Часть первая Выше тишины КАЛАДИН · ШАЛЛАН

1

Благославленный бурей

«Вы меня убили. Мерзавцы, вы меня убили! В небе еще пылает жаркое солнце, а я умираю!»

Записано в пятый день недели чач месяца бетаб 1171 года за 10 секунд до смерти. Наблюдался темноглазый солдат тридцати одного года. Образец считается сомнительным.

Пять лет спустя

– Я умру, да? – допытывался Кенн.

Бывалый ветеран глянул на Кенна. У старого воина была густая, коротко подстриженная борода. На висках серебрилась седина.

«Я умру, – подумал Кенн, сжимая скользкое от пота древко копья. – Я умру. О Буреотец. Я умру...»

– Сынок, тебе сколько лет? – спросил ветеран.

Кенн не помнил, как зовут этого мужчину. Было тяжело вообще хоть что-то вспомнить, наблюдая за тем, как по ту сторону усеянного камнями поля строится армия противника. Враги действовали аккуратно и организованно. Воины с короткими копьями в первых рядах, за ними – те, что с длинными и метательными; лучники с флангов. Обмундирование темноглазых лучников было почти таким же, как у Кенна: короткие кожаные колеты и юбки до колен, простые стальные шлемы и такие же нагрудники.

Светлоглазые, в большинстве своем в полных доспехах и верхом на лошадях, были окружены гвардейцами в нагрудниках. Последние отсвечивали пурпурным и темно-зеленым. Имелись ли среди них владельцы осколочного оружия? Светлорд Амарам им не обладал. А его люди? А что, если Кенну придется сразиться с таким противником? Обычные солдаты не убивают тех, кто вооружен осколочным клинком. Подобное происходило так редко, что каждый случай превращался в легенду.

«Это взаправду», – подумал он, ощущая растущий ужас. Их не собираются муштровывать. Не погонят на учебный бой в полях, с палками. Это по-настоящему. Перед лицом фактов – его сердце колотилось в груди, точно испуганный зверь, ноги едва слушались – Кенн внезапно понял, что он трус. Не стоило ему покидать стада! Не стоило ему...

– Сынок? – строго напомнил о себе ветеран. – Сколько тебе лет?

– Пятнадцать, сэр.

– И как тебя зовут?

– Кенн, сэр.

Похожий на гору бородатый воин кивнул:

– Я Даллет.

– Даллет, – повторил Кенн, продолжая пялиться на другую армию. Сколько же их там! Тысячи. – Я ведь умру, да?

– Нет. – Грубоватый голос Даллета почему-то успокаивал. – Все с тобой будет в порядке. Не теряй голову. Держись ближе к отряду.

– Но я и трех месяцев не проучился! – Кенн мог поклясться, что слышит далекий звон вражеского оружия или щитов. – Я и копьё-то держу с трудом! Буреотец, я труп. Я не могу...

– Сынок, – мягко, но твердо перебил Даллет, потом положил руку Кенну на плечо. Край большого круглого щита, висевшего у ветерана за спиной, сверкал на солнце. – С тобой все будет в полном порядке.

– Откуда вы знаете? – Это больше походило на мольбу.

– Оттуда, малый. Ты в отделении Каладина Благословенного Бурей.

Воины поблизости согласно закивали.

Позади них ряд за рядом выстраивались солдаты... тысячи солдат. Кенн стоял прямо в авангарде, с отделением Каладина, включавшим примерно тридцать человек. Почему Кенна в последний момент перевели в другое отделение? У тех, кому подчинялся лагерь, имелась на это какая-то причина.

И почему это отделение направили в первые ряды, где потери всегда самые большие? Маленькие спрены страха – пузырьки багрянистой слизи – начали проступать на земле и собираться вокруг ног Кенна. На миг поддавшись панике, он чуть было не выронил копьё и не бросился бежать. Рука Даллета крепче сжала его плечо. Посмотрев в уверенные черные глаза ветерана, Кенн остался на месте.

– Сходил в туалет перед построением? – спросил Даллет.

– Не успел...

– Давай сейчас.

– Прямо здесь?!

– Не отольешь, потечет по ноге в бою, ты отвлечешься и, может быть, погибнешь. Давай.

Сбитый с толку Кенн вручил Даллету копьё и помочился на камни. Закончив, он искоса поглядел на стоявших рядом. Никто из солдат Каладина не ухмыльнулся. Они спокойно ждали, с копьями на изготовку, со щитами на спине.

Армия врага почти закончила приготовления. Два войска разделяла плоская каменистая пустошь, на удивление гладкая и ровная, лишь кое-где покрытая камнепочками. Из этого поля вышло бы отличное пастбище. Теплый ветер дул Кенну в лицо, принося сырые запахи Великой ночной бури.

– Даллет! – крикнул кто-то.

Вдоль строя шел юноша – может, года на четыре старше Кенна – с коротким копьём, к древку которого были привязаны два ножа в кожаных ножнах. Воин оказался высоким, даже выше Даллета на несколько пальцев. На нем было обычное кожаное одеяние копейщика, но под юбкой – темные штаны. Кенн раньше полагал, что это запрещено.

Кудри парня, черные и вьющиеся, как у аleti, достигали плеч; глаза у него были темно-карие. На плечах его колета Кенн увидел белые шнуры с узлами и понял – перед ним командир отделения.

Три десятка мужчин вокруг Кенна встрепенулись, приветственно вскинули копьё. «Это и есть Каладин Благословенный Бурей? – недоверчиво подумал Кенн. – Этот юнец?»

– Даллет, у нас скоро появится новый рекрут, – произнес Каладин сильным голосом. – Я хочу, чтобы ты... – Он замолчал, заметив Кенна.

– Сэр, он добрался сюда несколько минут назад, – сказал Даллет с улыбкой. – Я как раз его готовил.

– Отлично. Пришлось раскошелиться, чтобы забрать мальчика у Гэра. Этот человек настолько бестолков, что с тем же успехом мог бы сражаться за наших противников.

«Что? – изумился Кенн. – Зачем платить, чтобы забирать меня?»

– Что думаете о поле? – спросил Каладин.

Несколько ближайших копейщиков, прикрывая ладонями глаза от солнца, начали разглядывать равнину.

– Может, впадина за двумя валунами далеко справа? – предложил Даллет.

Каладин покачал головой:

– Место слишком неровное.

– Хм. Возможно. А как насчет невысокого холма вон там? Достаточно далеко, чтобы не попасть под первую волну стрел, но достаточно близко, чтобы не слишком вырваться вперед.

Каладин кивнул, хотя Кенн не видел, на что они смотрят.

– Вроде ничего.

– Эй, обормоты, все слышали? – крикнул Даллет.

Воины вскинули копья.

– Даллет, следи за новичком, – приказал Каладин. – Он не знает сигналов.

– Конечно, – ответил Даллет с улыбкой.

Улыбка?! Как он мог улыбаться? Во вражеском войске запели горны. Это означало, что они начинают? Хотя Кенн только что облегчился, он почувствовал, как по ноге побежала струйка мочи.

– Будьте готовы, – бросил Каладин и быстрым шагом направился вдоль первой шеренги, чтобы поговорить с командиром следующего отделения.

За Кенном и остальными все еще достраивались десятки рядов. Лучники во флангах намечали цели.

– Не переживай, – сказал Даллет. – Все будет хорошо. Командиру Каладину сопутствует удача.

Солдат, стоявший по другую сторону от Кенна, кивнул. Это был долговязый, рыжеволосый веденец, с кожей темнее, чем у алетей. Почему он сражался в алетийской армии?

– Это правда. Каладина буря благословила, как пить дать. Мы потеряли... э-э-э... одного в прошлой битве, да?

– Но кто-то все же погиб, – пробормотал Кенн.

Даллет пожал плечами:

– Люди все время умирают. Наше отделение несет меньше потерь, чем остальные. Сам увидишь.

Каладин закончил совещаться с командиром соседнего отделения и побежал обратно к своим людям. Его короткое копье, с которым следовало управляться одной рукой, держа в другой щит, было на ладонь длиннее, чем у прочих воинов.

– К бою, ребята! – приказал Даллет.

В отличие от прочих командиров, Каладин не встал со всеми в строй, но держался чуть впереди.

Вокруг Кенна началось возбужденное шевеление. Звуки расходились по всей огромной армии, спокойствие уступало место нетерпению. Сотни ног шаркали, щиты звенели, пряжки щелкали. Каладин сохранял неподвижность, устремив взгляд на вражеское войско.

– Ребята, спокойно, – проговорил он, не поворачиваясь.

Позади промчался верховой, светлоглазый офицер:

– Будьте готовы сражаться! Мне нужна их кровь! Сражайтесь и убивайте!

– Спокойно, – повторил Каладин, когда офицер скрылся из виду.

– Приготовься бежать, – сказал Даллет Кенну.

– Бежать? Но нас учили маршировать! Держать строй!

– Конечно, но у многих солдат опыта не больше, чем у тебя. Тех, кто хорошо сражается, в конце концов посылают на Расколоте равнины биться с паршенди. Каладин пытается подготовить нас для тех битв, чтобы мы смогли отомстить за короля. – Даллет кивком указал на шеренгу солдат. – Большинство из них сломают строй и бросятся в атаку; светлоглазые

недостаточно хорошие командиры, чтобы удержать людей на местах. Поэтому будь рядом с нами и беги.

– Взять щит на изготовку?

Все ряды вокруг отряда Каладина отцепляли щиты. Но его люди оставили свои щиты на спине.

Даллет не успел ответить – позади раздался сигнал горна.

– Вперед! – гаркнул он.

Кенн так ничего и не решил. Армия начала движение, земля задрожала от солдатских сапог. Как и предсказывал Даллет, стройными рядами они маршировали недолго. Кто-то заорал, и остальные подхватили. Светлоглазые призвали их бежать и сражаться. Строй распался.

И как только это произошло, отделение Каладина рвануло вперед, обгоняя остальных солдат в первой шеренге. Кенн едва поспевал, объятый паникой и ужасом. Земля была не такой гладкой, как ему казалось, и он чуть не упал, споткнувшись о камнепочку, втянувшую лозы в раковину.

Кенн выпрямился и помчался, сжимая в руке копье, и щит хлопал его по спине. Армия в отдалении также двигалась, солдаты бежали по полю. Ничто в происходящем даже близко не напоминало боевое построение или аккуратную шеренгу. Все было совсем не так, как им говорили на учениях.

Юный копейщик даже не знал, кто их враг. Какой-то властитель посягнул на земли светлорда Амарама – земли, в конечном счете принадлежавшие великому князю Садеасу. Это была приграничная стычка, и Кенн считал, что они воюют с другим алетийским княжеством. Зачем же им сражаться друг с другом? Возможно, король мог бы это остановить, но он вершил возмездие на Расколотых равнинах за убийство короля Гавилара, случившееся пять лет назад.

У врага было много лучников. Паника Кенна достигла пика, когда в воздух взлетела первая волна стрел. Он попытался достать щит и опять споткнулся. Даллет схватил его за руку и потащил за собой.

Сотни стрел рассекли небо, и солнце померкло. Они взмывали и падали, точно пикирующие на добычу небесные угри. Солдаты Амарама подняли щиты. Но не отделение Каладина. У них защиты не было.

Кенн заорал.

Стрелы угодили в середину войска Амарама, позади них. Они падали у него за спиной, ломались о щиты и лишь несколько случайно попали куда-то в первые ряды. Кенн оглянулся на бегу. Солдаты истошно вопили.

– Почему? – закричал он Даллету. – Как вы узнали?

– Они целятся туда, где больше всего народу, – пояснил здоровяк, – чтобы наверняка подстрелить кого-нибудь.

Несколько других отделений в авангарде не подняли свои щиты, но большинство солдат бежали неуклюже, заслоняясь ими от неба, в страхе перед стрелами, которые не могли их достать. Это их замедляло, и они рисковали оказаться затоптанными теми, кто следовал позади и в кого действительно попадали. Кенн изнывал от желания поднять щит; казалось совершенно неправильным наступать без него.

Их накрыла новая туча стрел, и раздались крики боли. Отряд Каладина несся на полной скорости к солдатам врага. Там уже кто-то умирал от стрел лучников Амарама. Кенн слышал боевые кличи солдат, различал их лица. Внезапно отряд Каладина затормозил и перестроился в очень плотный клин. Они достигли того небольшого склона, который Каладин и Даллет выбрали заранее.

Даллет схватил Кенна и запихнул в самый центр построения. Люди Каладина опустили копья и выставили щиты, готовясь к встрече с приближающимся врагом. Атакующие не использовали какой-то боевой порядок, не удерживали длинные копья позади, а короткие – впереди. Они просто мчались и орали как безумные.

Кенн тщетно пытался снять щит со спины. Когда отряды сошлись, воздух зазвенел от сталкивающихся копий. Людей Каладина атаквали вражеские копейщики, возможно желая захватить высоту. Три десятка нападающих действовали слаженно, хотя и не в таком тесном строю, как отделение Каладина.

Нехватку боевых навыков враги возмещали рвением: они вопили от ярости, кидаясь на отряд Каладина. Люди Благословенного Бурей держали строй, защищая Кенна, словно он был каким-нибудь светлоглазым, а они – его личной гвардией. Две силы столкнулись, металл ударил по дереву, щиты загрохотали. Юный копейщик съезжился от страха.

Все закончилось через несколько мгновений. Вражеский отряд отошел, оставив на камнях двух мертвецов. В отряде Каладина потерь не было. Они держали строй ошетиившимся клином, хотя один солдат отступил с первой линии внутрь, чтобы перевязать рану на бедре. Его соратники сдвинулись, заполняя пустоту. Раненый – громила с мускулистыми руками – ругался, но рана выглядела нетяжелой. Солдат был на ногах через мгновение, но не вернулся на прежнее место, а перешел к основанию клина, на более защищенную позицию.

Поле битвы погрузилось в хаос. Две армии смешались, неотличимые друг от друга; воздух наполнился звоном, скрежетом и криками. Многие отделения рассыпались, воины бросались из одной схватки в другую. Они двигались, точно охотники, группами по трое-четверо, выискивая одиночек и жестоко с ними расправляясь.

Отделение Каладина держалось на позиции, атакуя лишь тех врагов, что подходили чересчур близко. Выходит, так и выглядит настоящая битва? На тренировках Кенна учили сражаться в длинных шеренгах, плечом к плечу с другими солдатами. Не в этой безумной каше, не в этом жестоком аду. Почему остальные не держали строй?

«Настоящих солдат не осталось, – подумал Кенн. – Они все на Расколотых равнинах ведут реальные битвы. Неудивительно, что Каладин хочет, чтобы его отделение послали туда».

Мелькали копья; было трудно отличить друзей от врагов, несмотря на эмблемы на кирасах и окраску щитов. Поле битвы разбилось на сотни маленьких групп, словно тысяча разных войн случилась одновременно.

После нескольких первых стычек Даллет взял юного копейщика за плечо и отодвинул к самому основанию клина. От Кенна не было никакого толка. Когда отделение Каладина столкнулось с вражескими силами, все, чему учили юношу, забылось. Кенну понадобились все остатки самообладания, чтобы просто стоять на месте, держать копье на изготовку и пытаться выглядеть угрожающе.

Не меньше часа отделение Каладина удерживало свой маленький холм, работая слаженно, плечом к плечу. Командир часто покидал свое место на острие клина, бросаясь то туда, то сюда, ударяя копьем о щит в странном ритме.

«Это сигналы», – понял Кенн, когда отряд сменил строй и превратился из клина в кольцо. Вокруг стонали умирающие и орали тысячи воинов, услышать голос одного человека было бы совершенно невозможно. Но резкий звон от ударов копья по металлической пластине на щите звучал четко. Всякий раз, когда они меняли строй, Даллет хватал Кенна за плечо и направлял его в нужную сторону.

Отряд Каладина не преследовал отставших, а держал оборону. И хотя несколько солдат и получили ранения, все были на ногах. Отделение выглядело слишком грозным для маленьких групп, а большие вражеские части отступили после нескольких стычек, выискивая соперников послабее.

В конце концов что-то переменялось. Каладин повернулся, окидывая волнуемое поле битвы внимательным взглядом карих глаз. Поднял копье и заколотил по щиту в быстром ритме, который раньше не использовал. Даллет схватил Кенна за руку и потащил прочь с маленького холма. Почему они покидают его сейчас?

Как раз в это время главные силы Амарамы отступили, солдаты бросились врассыпную. Кенн не понимал, как плохо все обернулось для его господина в этом сражении. Отступая, отделение Каладина прошло мимо множества раненых и умирающих, и юношу замутило при виде посеченных на части трупов с вывалившимися внутренностями.

Долго ужасаться не пришлось: отступление быстро превратилось в бегство. Даллет выругался, а Каладин снова ударил по щиту. Отряд изменил направление и помчался на восток. Там Кенн заметил большую группу солдат Амарамы, что еще держали позиции.

Но враг, увидев смятение в армии противника, осмелел. Солдаты ринулись в атаку маленькими отрядами, точно дикие рубигончие, преследующие отбившихся от стада свиней. Не успело отделение Каладина дойти и до середины равнины, заполненной мертвыми и умирающими, как им наперерез вышла большая группа вражеских солдат. Каладин с неохотой ударил по щиту; отряд замедлил ход.

Сердце Кенна заколотилось. Поблизости гибло еще одно отделение армии Амарамы; люди спотыкались и падали, кричали, пытались бежать. Враги насаживали павших на копья, как свинью на вертел.

Отряд Каладина встретил противника грохотом копий и щитов. Вокруг беспомощно вертевшегося Кенна все как будто забурлило. Воцарилась неразбериха, смешались друзья и враги, убитые и убийцы, и парень стремительно терял самообладание. Так много людей металось вокруг!

Он запаниковал и попытался найти укрытие. Поблизости обнаружилась группа солдат в форме аleti. Отделение Каладина. Кенн бросился к ним, но, когда кто-то повернулся в его сторону, с ужасом понял, что не узнает лиц. Это не отряд Каладина, но группка незнакомых солдат, с трудом сохранявших неровный, изломанный строй. Раненые и перепуганные, они бросились врассыпную, как только вражеский отряд оказался поблизости.

Кенн застыл, вцепившись в копье потной ладонью. Вражеские солдаты неслись в атаку прямо на него. Инстинкты требовали улепетывать, но юный копейщик видел достаточно много воинов, которых перебили поодиночке. Он должен держаться! Нужно встретить их лицом к лицу! Он не может убежать, не может...

Парень завопил и ударил копьем в бок солдата, возглавлявшего нападавших. Мужчина небрежно парировал удар щитом и воткнул собственное короткое копье в бедро Кенна. Боль была горячая – такая горячая, что заструившаяся из раны на ноге кровь казалась по сравнению с ней холодной. Кенн охнул.

Солдат выдернул оружие. Кенн зашатался, уронил копье и щит. Упал на камни, угодив в лужу чьей-то крови. Его противник – громадная тень на фоне ярко-голубого неба – вскинул копье, готовясь вогнать его прямо в сердце юноши.

А потом появился он.

Командир отделения. Благословенный Бурей. Копье Каладина словно вынырнуло из ниоткуда, едва успев отразить удар, который должен был убить Кенна. Сам Каладин возник перед новобранцем – и оказался в одиночестве против шестерых копейщиков. Он не дрогнул. Он... напал.

Все случилось очень быстро. Каладин сбил с ног человека, который ударил Кенна. Одновременно он выхватил один из ножей, примотанных к копью. Его рука взметнулась, нож сверкнул и вонзился в бедро второго противника. Тот с криком упал на колено.

Третий нападавший замер, глядя на своих раненых соратников. Каладин оттолкнул поверженного врага и воткнул копье в живот оцепеневшему солдату. Четвертый рухнул с

ножом в глазнице. Когда командир успел вытащить этот нож? Благословенный Бурей вертелся между оставшимися двумя врагами, его копье превратилось в расплывчатое пятно, и управлялся он с оружием как с окованной железом дубиной. На мгновение парню показалось, что он видит вокруг командира отделения... что-то. Какое-то искажение воздуха, словно сам ветер вдруг стал видимым.

«Я потерял много крови. Она вытекает так быстро...»

Каладин крутанулся, отбивая атаки, и последние два копейщика упали с какими-то удивленными всхлипами. Повергнув всех противников, Каладин повернулся к копейщику и опустился перед ним на колени. Командир отряда отложил копье и достал из кармана полосу белой ткани, которой плотно и умело забинтовал ногу юноши. Он действовал привычно – как тот, кому уже приходилось бинтовать десятки ран.

– Каладин, сэр! – крикнул Кенн, указывая на одного из солдат, раненных предводителем.

Противник, зажимая рану на ноге, с трудом поднялся. Через миг, однако, подоспел верзила Даллет и толкнул солдата щитом – не убил, но обезоружил и позволил похромать прочь.

Подтянулись остальные солдаты из отделения и образовали кольцо вокруг командира, Даллета и Кенна. Каладин встал, положив копье на плечо; Даллет вернул ему ножи, которые выдернул из поверженных противников.

– Сэр, вы заставили меня поволноваться, – заметил Даллет. – Так помчались...

– Я знал, что ты пойдешь следом, – ответил Каладин. – Поднимите красное знамя. Сюн, Коратер, вы возвращаетесь с мальчиком. Даллет, оставайся здесь. Войско Амарамы продвигается в этом направлении. Скоро мы будем в безопасности.

– А вы, сэр?

Каладин бросил взгляд через поле. В рядах врага образовалась брешь, и оттуда выехал всадник на белом коне, размахивая жуткой булавой. Он был в полном доспехе, отполированном и серебристо мерцавшем.

– Рыцарь в осколочных доспехах... – выдохнул Кенн.

Даллет фыркнул:

– Нет, слава Буреотцу. Просто светлоглазый офицер. Осколочное вооружение слишком ценно, чтобы их владельцы вмешивались в обычный приграничный спор.

Каладин смотрел на светлоглазого, охваченный гневом. Это был тот же самый гнев, который испытывал отец Кенна, когда говорил о чулоккрадах, или гнев, который выказывала мать, стоило кому-то упомянуть Кусири, сбежавшую с сыном сапожника.

– Сэр? – нерешительно спросил Даллет.

– Звенья Два и Три, делаем «клешню», – жестко приказал Каладин. – Спихнем-ка светлорда с трона.

– Сэр, вы уверены, что это разумно? У нас раненые.

Командир повернулся к Даллету:

– Это один из офицеров Холлоу. Возможно, он сам.

– Сэр, вы этого не знаете наверняка.

– Как бы то ни было, это лорд-военачальник. Если мы убьем офицера высокого ранга, то обеспечим себе путешествие на Расколотые равнины со следующей группой, которую туда пошлют. Мы с ним справимся. – Его взгляд сделался отрешенным. – Даллет, ты только представь себе. Настоящие солдаты. Военный лагерь с дисциплиной и светлоглазыми, у которых есть принципы. Место, где мы будем сражаться ради чего-то в самом деле важного.

Даллет вздохнул, но кивнул. Каладин махнул своим солдатам; они бросились к нему. Даллет остался с небольшой группой воинов позади с ранеными. Один из солдат – худощавый алет с черными волосами, в которых тут и там встречались светлые пряди, отмечавшие

примесь какой-то иной крови, – достал длинную красную ленту из кармана и привязал к своему копыю. Потом поднял копьё повыше, и лента затрепетала на ветру.

– Это призыв гонцам забрать наших раненых с поля, – пояснил Даллет юноше. – Скоро тебя отсюда унесут. Ты храбро стоял перед той шестеркой.

– Бежать было глупо, – сказал Кенн, стараясь не думать о боли, что пульсировала в ноге. – А почему гонцы придут за нами, если на поле столько раненых?

– Командир им платит, – сказал Даллет. – Они обычно уносят лишь светлоглазых, но тех меньше, чем гонцов. Каладин тратит большую часть своего жалованья на взятки.

– Это отделение и впрямь необычное, – пробормотал Кенн, чувствуя головокружение.

– Я ж тебе говорил.

– Дело не в удаче. Дело в подготовке.

– Отчасти. Только отчасти, потому что мы знаем: если кто-то получит ранение, Каладин позаботится, чтобы его унесли с поля боя. – Ветеран замолчал и оглянулся: как Каладин и предсказывал, войско Амарама возвращалось, отвоевывая позиции.

Всадник рьяно размахивал булавой. Его личная гвардия отступила в сторону, атакуя фланги Каладина. Светлоглазый развернул коня. На войне был шлем без забрала, со скошенными боками и большим плюмажем на макушке. Кенн не мог различить цвет его глаз, но знал, что они должны быть синими или зелеными, возможно, желтыми или светло-серыми. Это светлорд, избранный Вестниками при рождении, отмеченный, чтобы править.

Светлорд бесстрастно разглядывал сражавшихся рядом. А потом один из ножей Каладина вонзился ему в правый глаз.

Офицер закричал, падая с коня, и в этот же миг Каладин каким-то образом прорвался сквозь гвардию и ринулся на него с поднятым копьём.

– Ну так вот, отчасти дело в подготовке, – продолжил Даллет, качая головой. – Но в основном дело в нем. В бою он словно буря и соображает в два раза быстрее остальных. А как он иногда двигается...

– Командир перевязал мне ногу. – Кенн понял, что начинает болтать чепуху из-за потери крови: при чем тут вообще его нога? Это же пустяк.

Даллет просто кивнул:

– Он много знает о ранах. А еще умеет читать глифы. Он странный для низкорощенного темноглазого копейщика, наш командир, да-да. – Здоровяк повернулся к юному копейщику. – Сынок, ты должен беречь силы. Командир рассердится, если мы тебя потеряем, особенно после того, сколько ему пришлось за тебя заплатить.

– Почему? – спросил Кенн.

На поле битвы становилось тише, как будто большинство умирающих уже охрипли. Почти все вокруг были их союзниками, но Даллет все равно следил, чтобы никто из вражеских солдат не попытался напасть на раненых Каладина.

– Даллет, почему? – в нетерпении повторил Кенн. – Почему он взял меня к себе? Почему я?!

– Просто он такой. – Даллет пожал плечами. – Ненавидит саму мысль о том, что молодые парни вроде тебя, едва обученные, оказываются в бою. То и дело хватает их и тащит в наше отделение. Не меньше полдесятка ребят были когда-то как ты. – Взгляд Даллета сделался отрешенным. – Думаю, вы все ему кого-то напоминаете.

Кенн посмотрел на свою ногу. Спрены боли, похожие на маленькие оранжевые руки с непомерно длинными пальцами, копошились вокруг, реагируя на его мучения. Они постепенно отползали, разыскивая других раненых. Боль утихала, нога да и все тело онемели.

Он откинулся на траву, устремив взгляд к небу. Где-то далеко послышался гром. Странно. Небо было безоблачным.

Даллет выругался.

Кенн повернулся, сбрасывая оцепенение. Прямо на них галопом неся всадник на массивном черном коне, в блестящих доспехах, которые словно излучали сияние. Доспехи были цельными – никакой кольчуги внизу, только пластины поменьше, невероятно замысловатые. На голове у всадника – шлем с позолоченным забралом. В руке – огромный меч размером в человеческий рост. Его лезвие изгибалось, и незаостренная сторона извивалась, точно волна. По всей длине меча были вытравлены узоры.

Всадник был прекрасен, словно произведение искусства. Кенн ни разу не видел осколочных доспехов, но тотчас же понял – вот он. Как вообще можно было перепутать светлоглазого в обычных латах с одним из этих потрясающих созданий?

И разве Даллет не утверждал, будто на этом поле битвы нет владельцев осколочных вооружений? Ветеран вскочил, призывая свое звено строиться. Кенн продолжал сидеть на прежнем месте. Он и не смог бы встать из-за раненой ноги.

Голова казалась совсем пустой. Сколько крови он потерял? Мысли путались.

Так или иначе, он не мог биться. С чем-то подобным драться невозможно. Пластины доспеха блестели на солнце. И этот великолепный, замысловатый, извилистый меч. Как будто... как будто сам Всемогущий во плоти сошел на поле битвы.

Разве кто-то осмелится сражаться со Всемогущим?

Кенн закрыл глаза.

2

Чести больше нет

*«Десять орденов. Когда-то нас любили. Почему ты покинул нас, Всемогущий? Осколок души моей, куда же ты ушел?»
Записано во второй день шашаша 1171 года за 5 секунд до смерти.
Наблюдалась светлоглазая женищина за тридцать».*

Восемь месяцев спустя

Когда Каладин сунул руки сквозь решетку и взял миску с баландой, в животе у него заурчало. Он протаскил маленькую миску – скорее, чашку – между прутьями, понюхал ее и скривился; клетка на колесах вновь тронулась с места. Похожую на грязь серую похлебку делали из переваренного зерна талью, а на этот раз в ней обнаружили и засохшие кусочки вчерашней трапезы.

Отвратительная пища, но другой не было. Каладин принялся есть, свесив ноги наружу и наблюдая за сменяющимся пейзажем. Другие рабы в клетке прятали свои миски, опасаясь, что кто-то на них посягнет. В первый день один из них попытался украсть у Каладина баланду. Тот чуть не сломал бедолаге руку. Теперь его никто не трогает.

Вот и славно.

Каладин ел пальцами, не заботясь о грязи, – перестал ее замечать много месяцев назад. Он ненавидел пробуждавшийся внутри шепоток паранойи, которая овладела остальными. Но разве могло быть иначе после восьми месяцев побоев, лишений и зверств?

Бывший воин боролся с этим безумием. Он не станет таким же, как они! Даже если все потерял, даже если у него все отняли, даже если надежды на спасение нет. Кое-что все же сохранит. Он живет как раб. Но не обязан мыслить, как раб.

Каладин доел баланду. Поблизости какой-то раб начал тихо кашлять. Их в фургоне было десять – все мужчины, заросшие и грязные. Фургон – один из трех в караване, что следовал через Ничейные холмы.

На горизонте сияло красновато-белое солнце, точно сердце пламени в печке кузнеца. Оно отбрасывало на окружающие облака цветные блики, как брызги краски на холст. Холмы,

покрытые высокой и однообразной зеленой травой, казались бесконечными. Над ближайшим курганом танцевало что-то маленькое, словно порхающее насекомое, бесформенное и почти прозрачное. Один из спренов ветра – коварных духов, склонных являться туда, где их не ждали. Каладин напрасно надеялся, что этот спрен заскучал и улетел: попытавшись отбросить деревянную миску, он обнаружил, что та прилипла к пальцам.

Спрен ветра – бесформенная светящаяся лента – рассмеялся и шмыгнул прочь. Каладин выругался, дергая миску. Спрены ветра частенько устраивали такие проделки. Он тянул и тянул миску, пока та не отлипла, и, ворча, швырнул ее другому рабу, который немедленно начал вылизывать остатки баланды.

– Эй, – прошептал кто-то.

Каладин обернулся. Раб с темной кожей и спутанными волосами осторожно подползал к нему, словно опасаясь, что тот рассердится.

– Ты не такой, как другие.

Взгляд черных глаз раба метнулся вверх, ко лбу Каладина, где были выжжены три символа. Первые два составляли тавро, которое он получил восемь месяцев назад, в последний день в войске Амарама. Третий знак был свежим и появился благодаря его последнему хозяину. Этот символ назывался «шаш» – «опасный».

Раб прятал руку под своими лохмотьями. Нож? Нет, это смешно. Ни один из рабов не сумел бы припрятать оружие; листочки, которые Каладин хранил в своем поясе, были единственным «оружием», на какое он мог рассчитывать. Но от старых привычек избавиться нелегко, так что Каладин следил за рукой.

– Я слышал, как переговаривались стражники, – продолжил раб, подбираясь чуть ближе. У него был тик, вынуждавший моргать слишком часто. – Болтали, ты пытался бежать. И смог.

Каладин не ответил.

– Смотри. – Раб вытащил руку из-под лохмотьев, – оказалось, он держал в ней миску с остатками баланды. – Возьми меня с собой в следующий раз, – прошептал он. – Я отдам тебе это. Половину моей еды с сегодняшнего дня и пока мы не сбежим. Прошу.

Пока он говорил, появились несколько спренов голода. Они были похожи на коричневых мух, которые порхали вокруг головы раба, маленькие и почти незаметные.

Каладин отвернулся, всматриваясь в бесконечные холмы и беспокойную, подвижную траву. Продолжая сидеть, свесив ноги наружу, он положил руку поперек прутьев клетки и уперся в нее лбом.

– Ну? – спросил раб.

– Ты дурак. Будешь отдавать мне половину своей еды – слишком ослабеешь к моменту побега, если я таковой устрою. А я не устрою. Ничего не получится.

– Но...

– Десять раз, – прошептал Каладин. – Десять попыток побега за восемь месяцев от пяти разных хозяев. И сколько из них закончились удачно?

– Ну... наверное... ты ведь все еще здесь...

Восемь месяцев. Восемь месяцев рабства, восемь месяцев баланды и побоев. С тем же успехом могла пройти вечность. Он уже почти не вспоминал армию.

– Рабу не спрятаться, – пояснил Каладин. – Не с клеймом на лбу. Несколько раз получилось сбежать. Но меня всегда находили. И возвращали на прежнее место.

Когда-то его называли счастливчиком. Благословенным Бурей. Это была ложь... Скорее наоборот, Каладина преследовали неудачи. Он поначалу отметал привычные солдатские суеверия, но делать это становилось все сложнее и сложнее. Каждый, кого юноша когда-либо пытался защищать, погибал. Снова и снова. И положение самого Каладина стремительно ухудшалось. Лучше уж не сопротивляться. Таков его жребий; он смирился.

Смирение наделяло неким подобием силы, свободы. Свободы безразличия.

Раб в конце концов понял, что Каладин больше ничего не скажет, и отступил, принялся поедать свою баланду. Грохочущие фургоны продолжали катиться, зеленые поля тянулись во все стороны. Но пространство вокруг было голым. Стоило приблизиться, трава пряталась, каждый стебелек втягивался в дыру, похожую на булавочное отверстие в камне. Когда фургоны удалялись, трава робко выглядывала наружу и вытягивала стебельки. Поэтому клетки ехали по широкой каменистой дороге, расчищенной только для них.

Здесь, далеко в Ничейных холмах, Великие бури были невероятно сильными. Растения научились выживать. Вот что нужно делать – учиться выживать. Собраться с духом, пережить бурю.

Каладин ощутил запах потного, немытого тела и услышал звук шаркающих ног. Он подозрительно оглянулся, ожидая увидеть того же раба.

Однако это был другой мужчина – с длинной черной бородой, грязной и спутанной, с прилипшими кусочками еды. Каладин укорачивал свою бороду, позволяя наемникам Твлавка время от времени ее подсекать. Раб был одет в такой же, как у него, ветхий коричневый мешок, подпоясанный веревкой. Глаза у него, конечно же, темные. Возможно, глубокого темно-зеленого цвета, хотя с темными глазами иной раз это определить трудно. Они все казались карими или черными, если не взглянуть на них в правильном свете.

Незнакомец отпрянул, вскинув руки. На одной ладони у него проступала сыпь – очень яркая на бледной коже. Видимо, он приблизился, потому что услышал, как Каладин разговаривает с другим товарищем по несчастью: молодой воин с первого дня вызывал у всех рабов одновременно страх и интерес.

Каладин вздохнул и отвернулся. Раб нерешительно сел рядом.

– Прости, друг, но я хочу спросить – как ты стал рабом? С ума схожу от любопытства. Мы все с ума сходим.

Судя поговору и темным волосам, он был алети, как и Каладин. Как и большинство рабов. Юноша промолчал.

– Вот я, к примеру, украл стадо чуллов, – продолжил мужчина. Его хриплый голос походил на шелест бумаги. – Взял бы одного, меня бы просто побили. Но целое стадо, семнадцать голов... – Он тихонько хихикнул, восхищаясь собственной отвагой.

В дальнем углу фургона кто-то снова закашлялся. Они все здесь выглядели жалко, даже для рабов. Слабые, больные, тощие. Некоторые пытались бежать, хотя только у Каладина было клеймо «шаш». Самые никудышные из никудышной касты, купленные с невероятной скидкой. Скорее всего, их везли для перепродажи в отдаленные края, где отчаянно не хватало рабочих рук. Вдоль побережья за Ничейными холмами множество маленьких независимых городов, где о воринских правилах обращения с рабами вряд ли кто-то слышал.

Путешествовать по этим землям было опасно. Они никому не принадлежали. Твлавк мог легко нарваться на безработных наемников, срезая путь через открытые пространства и держась вдали от обычных торговых трактов. Здесь полно людей без чести, которые не побоятся прикончить работоторговца и его рабов ради нескольких чуллов и фургонов.

Люди без чести. А остались ли еще другие?..

«Нет, – подумал Каладин. – Честь умерла восемь месяцев назад».

– Ну? – не отставал мужчина с лохматой бородой. – Из-за чего ты угодил в рабы?

Каладин снова уперся рукой в прутья клетки и спросил:

– Как тебя поймали?

– Это вышло случайно, – сказал раб. Парень не ответил на его вопрос, но все-таки заговорил – уже хорошо. – Из-за женщины, конечно. Следовало догадаться, что она меня сдаст.

– Не надо было тебе красть чуллов. Слишком медленные. Взял бы лучше лошадей.

Чуллокрад расхохотался от души:

– Лошади? Я что, похож на безумца? Если бы меня поймали на такой краже, то повесили бы. С чуллами, по крайней мере, отделался рабским клеймом.

Каладин покосился на раба. Клеймо у того на лбу было старше его собственного, кожа вокруг шрама побелела. Что это за сочетание?

– «Сас-Мором», – прочитал Каладин.

Так назывались владения великого лорда, где этого человека заклеили.

Мужчина потрясенно уставился на него:

– Ого! Ты умеешь читать глифы? – (Несколько ближайших рабов от изумления зашевелились.) – Друг, да твоя история должна быть еще интереснее, чем я думал.

Каладин взглянул на траву, что колыхалась на ветру. Когда ветер усиливался, самые чувствительные стебли тотчас же шмыгали в норки, и пейзаж делался пятнистым, словно шкура плешивой лошади. Докучливый спрен ветра все еще вертелся поблизости, летал от пятна к пятну. Как долго он уже преследует Каладина? По меньшей мере два месяца. Весьма странно. Может, это другой спрен. Их невозможно отличить друг от друга.

– Ну так что? – с намеком спросил раб. – Почему ты здесь?

– По многим причинам. Неудачи. Убийства. Предательства. Наверное, почти с каждым из нас было то же самое.

Вокруг него несколько мужчин согласно заворчали; у одного ворчание перешло в резкий кашель. «Постоянный кашель, – всплыло в памяти Каладина, – сопровождаемый избытком мокроты и ночным лихорадочным бредом. Скорее всего, кашель-скрежетун».

– Понял, – пробормотал общительный раб, – видимо, стоит задать вопрос по-другому. Мать меня всегда учила выражаться поточнее. Говорить, что думаешь, и просить, что нужно. За какое преступление ты получил первое клеймо?

Каладин выпрямился, чувствуя, как что-то постукивает под днищем катящегося фургона.

– Я убил светлоглазого.

Его безымянный напарник снова присвистнул, на этот раз уважительнее:

– Странно, что тебе сохранили жизнь.

– Рабом меня сделали не из-за того убийства. Все дело в другом светлоглазом, которого я не убил.

– Это как же?

Каладин покачал головой и перестал отвечать на вопросы болтуна. Мужчина в конце концов побрел в переднюю часть фургона, где сел и уставился на свои босые ноги.

Много часов спустя Каладин сидел на прежнем месте, бездумно ощупывая глифы на лбу. Так проходила жизнь в этих проклятых фургонах, день за днем.

Первые клейма зажили давным-давно, но кожа вокруг знака «шаш» оставалась красной, воспаленной и покрытой струпьями. Клеймо пульсировало, почти как второе сердце. Болело сильнее, чем ожог, который он заработал ребенком, схватив горячую рукоять котелка на кухне.

Исправно заученные наставления отца о том, как следует заботиться об ожоге, крутились где-то на задворках памяти. Нанести бальзам, чтобы предотвратить заражение, промывать раз в день. Эти воспоминания не утешали, а раздражали. У него не было ни сока четырехлистника, ни листерowego масла, даже воды нет, чтобы умыться.

Те части раны, что покрылись струпьями, натянули кожу, и лоб был в постоянном напряжении. Каладин и нескольких минут не мог провести без того, чтобы не морщиться, и тем самым беспокоил рану. Он привык то и дело вытирать кровь, выступавшую из тре-

щин, – правую руку покрывали бурые пятна. Будь у него зеркало, он бы, наверное, разглядел маленьких спренов гниения вокруг раны.

На западе зашло солнце, но фургоны продолжали катиться. Фиолетовая Салас выглянула из-за горизонта на востоке – поначалу неуверенно, словно проверяя, исчезло ли солнце. Ночь выдалась ясная, звезды трепетали в небе. Шрам Тальна – полоса темно-красных звезд, отчетливо выделявшихся на фоне мигающих белых, – в это время года стоял высоко.

Раб, что кашлял днем, опять принялся за свое. Изнуряющий влажный кашель. Когда-то Каладин немедленно бросился бы на помощь, но теперь что-то в нем сломалось. Столько людей, которым он пытался помочь, мертвы. Казалось – вопреки доводам рассудка, – что этот человек скорее выздоровеет без его вмешательства. Он подвел Тьена, потом Даллета и своих людей, после – десять разных групп рабов, и теперь было трудно отыскать в себе желание попытаться еще раз.

Через два часа после восхода первой луны Твлакв наконец-то объявил о привале. Два его наемника-головореза слезли со своих мест на крыше фургонов и принялись разводить небольшой костер. Тощий Таран – мальчик-слуга – занялся чуллами. Громадные панцирные были почти такими же большими, как сами фургоны. Они улеглись, спрятались на ночь в свои раковины, не забыв прихватить полные клешни зерна. И вскоре превратились в три холма во тьме – отличить их от валунов было бы трудно. Наконец пришла очередь рабов; Твлакв каждому давал ковш воды, убеждаясь, что его имущество в добром здравии. По крайней мере, настолько добром, насколько это вообще возможно для таких бедолаг.

Твлакв начал с первого фургона, и Каладин запустил пальцы в самодельный пояс, проверяя, на месте ли спрятанные листья. Они послушно захрустели, жесткие и сухие, царапая кожу. Каладин по-прежнему не знал, что собирается с ними делать. Он схватил их случайно, когда получил дозволение выйти из фургона и размять ноги. Наверняка никто в караване не узнал черногибник – три узких листочка на острие шипа, – так что риск был невелик.

Каладин рассеянно вытащил листья и, держа их на ладони, потер указательным пальцем. Перед использованием черногибник нужно было высушить. Зачем он их взял? Хотел дать Твлакву и тем самым отомстить? Или держал на всякий случай, если вдруг дела пойдут совсем плохо и надоест терпеть?

«Я ведь не пал так низко», – подумал он. Это был всего лишь инстинкт – хватай оружие, если оно рядом, и не важно, что необычное. Вокруг царила ночная тьма. Салас – самая маленькая и тусклая из лун, и, хотя ее фиолетовый цвет вдохновил бесчисленных поэтов, она не позволяла даже как следует разглядеть собственную руку вблизи от лица.

– Ух ты! – раздался тихий женский возглас. – А это что?

Полупрозрачное существо размером с ладонь выглянуло из-за края телеги рядом с Каладином, а потом забралось внутрь фургона, будто вскарабкалось по высокой скале. Спрен ветра принял облик молодой женщины – спрены побольше могли менять форму и размер – с острыми чертами лица и длинными развевающимися волосами, которые у нее за спиной превращались в туман. Она – Каладин вдруг понял, что воспринимает спрена ветра как «ее», – была сочетанием бледно-голубого и белого и носила простое платье, белое и струящееся, длиной до середины икры, словно девочка-подросток. Как и волосы, у подола оно растворялось в тумане. Ноги, руки и лицо были очень четкими, телосложение – изящным.

Каладин нахмурился, разглядывая духа. Спрены жили повсюду, бóльшую часть времени на них просто не обращали внимания. Но этот явно отличался от остальных. Девушка-спрен поднималась словно по невидимой лестнице, пока не достигла высоты, откуда могла смотреть на ладонь Каладина, – и он сжал пальцы, пряча черные листья. Она обошла его кулак по кругу. Хотя дух мерцал, словно послеобраз солнца, ее тело не излучало собственного света.

Спрен наклонилась, разглядывая его руку с разных сторон, будто ребенок в поисках спрятанного леденца.

– Что это такое? – Ее голос был тихим, как шепот. – Ты можешь мне показать. Я никому не расскажу. Это сокровище? Ты отрезал кусочек от покрывала ночи и спрятал его? Это сердце жука – маленькое, но сильное?

Он ничего не сказал, и спрен ветра надула губы. Взмыла в воздух, хоть у нее не было крыльев, и, зависнув перед его лицом, уставилась прямо в глаза:

– Каладин, почему ты делаешь вид, будто меня нет?

Он обомлел:

– Что ты сказала?

Спрен лукаво улыбнулась и отпрыгнула, превратившись в длинную синевато-белую светящуюся ленту. Заметалась меж прутьев, кружась в воздухе, будто кусочек ткани, пойманный ветром, а потом шмыгнула под фургон.

– Забери тебя буря! – воскликнул Каладин, вскакивая. – Дух! Что ты сказала? Повтори!

Спрены не называют людей по именам. И вообще неразумны. Большие – вроде спренов ветра и реки – могут подражать голосам и мимике, но на самом деле не умеют думать. Они...

– Вы это слышали? – спросил Каладин, поворачиваясь к собратьям по клетке.

Он мог здесь встать в полный рост. Остальные безвольно лежали, ожидая своей порции воды. Парень не получил ответа, если не считать бормотания, призывающего вести себя тише, и кашля больного в углу. Даже недавний «друг» Каладина не обратил на него внимания. Раб впал в оцепенение, уставившись на свои ноги и время от времени шевеля пальцами.

Может, они и не видели спрена. Возможно, эти негодники могли делать себя видимыми лишь тем, кого мучили. Каладин опять уселся, выставив ноги наружу. Спрен действительно назвала его по имени, но, несомненно, она только повторила то, что слышала раньше. Хотя... никто из находившихся в клетке не знал, как его зовут.

«Возможно, я схожу с ума, – подумал Каладин. – Вижу то, чего нет. Слышу голоса».

Он глубоко вздохнул и открыл ладонь. От сжатия листья помялись и сломались. Надо спрятать, пока не...

– Интересные листочки, – сказал тот же женский голос. – Они тебе очень нравятся, да?

Каладин подпрыгнул и огляделся по сторонам. Девушка-спрен висела в воздухе прямо рядом с его головой, и белое платье трепетало на неосязаемом ветру.

– Откуда ты знаешь мое имя? – требовательно спросил Каладин.

Спрен не ответила. Прошла по воздуху к прутьям, выглянула наружу и посмотрела на Твлаква-работорговца, который поил последних рабов в первом фургоне. Потом снова перевела взгляд на Каладина:

– Почему ты смирился? Ты раньше боролся. А теперь перестал.

– Тебе-то какое дело, дух?

Она склонила голову набок:

– Не знаю. – Судя по голосу, сама удивилась. – Но мне и впрямь есть дело. Странно, да?

Это было более чем странно. Что ему следует думать о спрене, который не только использует имена, но, похоже, помнит то, что сам Каладин делал много недель назад?

– Каладин, ты ведь знаешь, что люди не едят листья. – Она скрестила полупрозрачные руки на груди. Потом опять склонила голову набок. – Или едят? Я не помню. Вы такие забавные – пихаете в рот всякие штуки, а потом другие штуки из вас выходят, когда вы думаете, что никто не видит.

– Откуда тебе известно мое имя? – прошептал он.

– А тебе?

– Оно... мое. Мне дали его родители. Не знаю.

– Ну, так и я не знаю. – Она кивнула, словно одержала победу в серьезном споре.

– Ладно, – сказал он. – Но почему ты называешь меня по имени?!

– Потому что это вежливо. А ты не-веж-ли-вый.

– Спрены не знают, что это такое!

– Ну вот, – сказала она, тыкая в него пальчиком. – Невежливый.

Каладин моргнул. Что ж, он далеко от родных краев, ступает по чужеземному камню и ест чужеземную еду. Может быть, обитающие здесь спрены не похожи на тех, кого он видел дома.

– Так почему ты перестал бороться? – спросила она, спорхнув на его ноги и глядя снизу вверх. Каладин не почувствовал ее веса.

– Я не могу бороться, – тихо проговорил он.

– Раньше мог.

Парень закрыл глаза и уткнулся лбом в прутья клетки:

– Я так устал...

Он не имел в виду физическое изнеможение, хотя восемь месяцев на обедках почти лишили его силы, приобретенной за время войны. Каладин просто чувствовал... усталость. Даже когда удавалось выспаться. Даже в те редкие дни, когда он не был голоден, не мерз и не приходил в себя после побоев. Он так устал...

– Ты и раньше уставал.

– Дух, я потерпел поражение. – Каладин плотно зажмурился. – Зачем ты меня так мучишь?

Они все мертвы. Кенн и Даллет, а до них – Таккс и Такерс. И Тьен. И до Тьена – кровь на его руках и тело девочки с бледной кожей...

Рабы поблизости забормотали, решив, похоже, что товарищ по несчастью сошел с ума. Кто угодно мог привлечь внимание спрена, но всем с детства было известно, что общаться с ними бессмысленно. Может, он и впрямь обезумел? Стоило этого желать – в безумии можно спрятаться от боли. Но почему-то оно его ужасало.

Каладин открыл глаза. Твлакв наконец-то соизволил подойти к последнему фургону с ведром воды. Грузный кареглазый мужчина чуть хромал при ходьбе – видимо, когда-то сломал ногу. Он был тайленцем, а у всех тайленских мужчин одинаковые белоснежные бороды – независимо от возраста или цвета волос – и белые брови. Эти брови вырастают очень длинными, и тайленцы заправляют их за уши. Потому у Твлаквы в черных волосах выделялись две белые пряди.

Его одежда – полосатые черно-красные штаны, темно-синий свитер и вязаная шапочка того же цвета – явно не дешевая, но сильно потрепанная. Может, он раньше не был работником? Эта жизнь – купля-продажа человеческой плоти, – похоже, меняла людей. Она изнашивала душу, даже если при этом наполняла кошелек.

Твлакв, держась подальше от Каладина, поднял выше масляный фонарь, чтобы рассмотреть кашляющего раба в передней части клетки. Позвал своих наемников. Блат – Каладин не знал, зачем запомнил их имена, – неторопливо приблизился. Твлакв что-то ему негромко сказал, кивая на раба. На похожем на каменную плиту лице Блата плясали тени. Он кивнул и снял с пояса дубинку.

Спрен ветра приняла форму белой ленты и шмыгнула к больному. Она крутилась некоторое время, потом спикировала на пол и снова превратилась в девушку. Наклонилась, изучая человека. Ну в точности как любопытный ребенок...

Каладин отвернулся и закрыл глаза, но он по-прежнему слышал кашель. Голос отца в его памяти произнес внятно и точно: «Чтобы вылечить кашель-скрежетун, пропиши две пригоршни измельченного в порошок кровеплюща ежедневно. Если его нет, обеспечить пациенту достаточное питье, желательно с добавлением сахара. Если пациент будет много пить, он, скорее всего, выживет. Болезнь кажется гораздо страшнее, чем есть на самом деле».

«Скорее всего, выживет...»

Кашель продолжался. Кто-то открыл замок на двери. Знают ли они, как помочь этому человеку? Такой простой способ. Дайте ему воды, и он будет жить.

Не имеет значения. Лучше не вмешиваться.

Люди, умирающие на поле боя. Молодое лицо, такое знакомое и родное, обращено к Каладину в поисках спасения. Рана от меча на шее, сбоку. Всадник в осколочных доспехах, несущийся сквозь ряды солдат Амарама.

Кровь. Смерть. Крах. Боль.

И голос его отца: «Ты действительно бросишь его, сын? Позволишь умереть, когда мог бы помочь?»

«Забери меня буря!»

– Стойте! – заорал Каладин, вскакивая.

Другие рабы отшатнулись. Блат прыгнул внутрь, захлопнул дверь клетки и поднял дубину. За спиной наемника, словно за щитом, прятался Твлакв.

Каладин глубоко вздохнул, сжал листья в ладони, а другой вытер со лба струйку крови. Пересек маленькую клетку, топая босыми ногами по доскам. Блат внимательно следил за тем, как Каладин опустился на колени возле больного. В неровном свете фонаря можно было разглядеть длинное лицо со впавшими щеками и почти бесцветными губами. Раб кашлял мокротой, зеленоватой и густой. Каладин ощупал его шею в поисках припухлостей, потом проверил темно-карие глаза и сказал:

– Это называется кашель-скрежетун. Он выживет, если давать ковш воды каждые два часа на протяжении пяти дней или около того. Его придется поить насильно. И добавьте сахар, если есть.

Блат почесал мощный подбородок, потом бросил взгляд на невысокого работорговца.

– Вытащи его, – сказал Твлакв.

Больной раб проснулся, когда Блат отпирал клетку. Наемник махнул дубиной, приказывая Каладину отступить, и тот с неохотой подчинился. Опустив нехитрое оружие, Блат взял раба под мышки и выволок наружу, не спуская с парня напряженного взгляда. В последней попытке к бегству, организованной Каладином, участвовало двадцать вооруженных рабов. За такое следовало бы казнить, но его хозяин заявил, что бывший воин «занимателен», заклеил его отметиной «шаш» и продал за гроши.

Всегда находилась какая-то причина, чтобы Каладин выжил, в то время как те, кому он пытался помочь, умирали. Кто-то мог бы счесть подобное благословением, но сам Каладин видел лишь мучительную иронию судьбы. У прежнего хозяина ему доводилось беседовать с рабом с запада, селайцем, который рассказывал о легендарной Старой магии и ее проклятиях. Может, его угораздило навлечь на себя что-то подобное?

«Не дури», – приказал себе Каладин.

Дверь клетки вернулась на прежнее место, щелкнул замок. Клетки необходимы – Твлакву приходилось защищать свое хрупкое имущество от Великих бурь. У клеток были деревянные боковины, которые вытаскивали и закрепляли в преддверии яростных порывов ветра.

Блат подтащил раба к костру, к непочатому бочонку с водой. Каладин почувствовал облегчение. «Ну вот, – подумал он. – Возможно, ты еще можешь кому-то помочь. Возможно, есть причина не быть безразличным».

Каладин разжал пальцы и посмотрел на раскрошившиеся черные листья на ладони. Они ему не нужны. Подсыпать их в питье Твлакву – не только сложное, но и бессмысленное дело. Разве ему и впрямь хочется, чтобы работорговец умер? Чего он этим добьется?

Послышался негромкий треск, потом – звук потише, словно кто-то уронил мешок с зерном. Каладин вскинул голову, устремив взгляд туда, где Блат положил больного. Наемник снова поднял дубину и резко отпустил, расколов череп раба.

Ни вопля боли, ни мольбы о пощаде. Во тьме тело несчастного обмякло. Блат небрежно поднял труп и закинул на спину.

– Нет! – завопил Каладин, бросаясь через всю клетку и обрушиваясь на прутья.

Твлакв грелся у костра.

– Забери тебя буря! Ублюдок, он мог выжить!

Работотговец посмотрел на него и неторопливо подошел, поправляя свою синюю вязаную шапочку:

– Понимаешь, из-за него вы бы все заболели. – У Твлаквы был легкий акцент, он делал слишком короткие паузы между словами и неправильно ставил ударения. Каладину всегда казалось, что тайленцы говорят невнятно. – Я не могу потерять целый фургон из-за одного человека.

– Он был не заразен! – воскликнул Каладин, снова ударяя кулаками по прутьям. – Если бы кто-то из нас мог заболеть, это бы уже случилось.

– Надеюсь, не случится. Думаю, его было не спасти.

– Я же сказал тебе, что это не так!

– Дезертир, а почему я должен верить тебе? – с веселым изумлением спросил Твлакв. – Человеку, у которого в глазах тлеет ненависть? Ты бы меня убил. – Он пожал плечами. – Наплевать. Главное, чтобы вы были достаточно сильными, когда начнутся торги. Ты должен меня благодарить – я спас тебя от болезни, которая поразила этого человека.

– Я поблагодарю твой могильный курган, что сам и насыплю, – ответил Каладин.

Твлакв улыбнулся и направился обратно к костру:

– Береги свою ярость, дезертир, и свою силу. За тебя хорошо заплатят, когда мы прибудем на место.

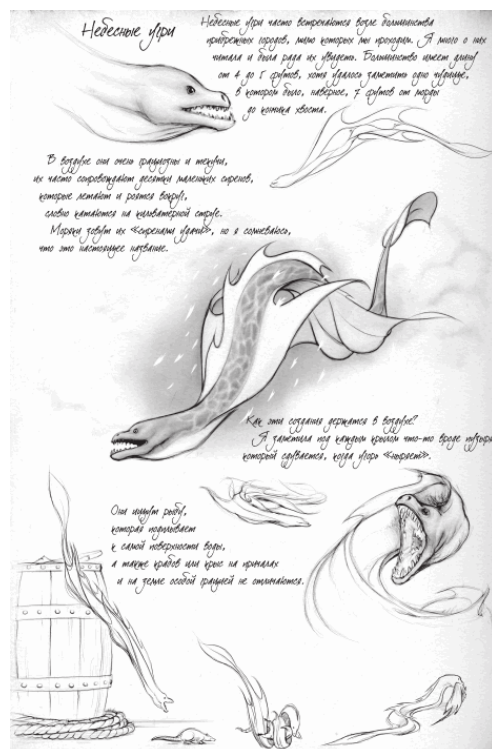
«Только если ты доживешь», – подумал парень. Твлакв всегда кипятил остатки воды из ведра, которое использовал для рабов. Подвешивал над огнем и делал себе чай. Если Каладин устроит так, что ему дадут воду последним, можно измельчить листья и бросить их в...

Каладин застыл и перевел взгляд на свои руки. Поддавшись гневу, он забыл, что продолжает сжимать черногибник. Сухие листья рассыпались, когда он бил кулаками по прутьям клетки. Лишь несколько кусочков прилипли к ладоням, и этого ни на что не хватило бы.

Парень резко повернулся. Пол клетки был грязным и сырым; если листья и упали на него, собрать их не представлялось возможным. Внезапно поднялся ветер и выдул пыль, крошки и грязь из фургона в ночь.

Опять ничего не вышло.

Каладин рухнул обратно на прутья клетки и уронил голову, переживая свое поражение. Проклятый спрен ветра продолжал носиться вокруг, и вид у духа был удивленный.

3

Город колокольчиков

«Человек стоял на утесе и смотрел, как его родина превращается в ничто. Далеко-далеко под ним бушевала вода. И он слышал, как плачет ребенок. То были его собственные слезы».
Записано четвертого танатеса 1171 года за 30 секунд до смерти.
Наблюдался известный в округе сапожник.

Шаллан и не надеялась когда-нибудь посетить Харбрант, город колокольчиков. Хотя девушка часто мечтала о путешествиях, все шло к тому, что юность она просидит взаперти в семейном особняке и единственной отдушиной для нее будут книги из домашней библиотеки. Она предполагала, что выйдет замуж за какого-нибудь отцовского союзника и остаток жизни проведет тоже в четырех стенах – но уже в доме супруга.

Однако ожидания похожи на дорогой фарфор: чем крепче его держишь, тем скорее он бьется.

Пока портовые рабочие подтягивали корабль к причалу, она прижимала к груди альбом для рисования в кожаной обложке и едва осмеливалась дышать. Харбрант оказался огромен. Город, построенный на крутом склоне, по форме напоминал клин; его словно возвели в большой расщелине, широким концом обращенной к океану. Массивные дома с квадратными окнами строили, похоже, из какой-то глины или обмазывали штукатуркой из глины и соломы. Возможно, из крема? Они были выкрашены в яркие цвета – чаще прочих попадались оттенки красного и оранжевого, но взгляд выхватывал также синий и зеленый.

Она уже слышала, как поют чистыми голосами звенящие на ветру колокольчики. Пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть самый дальний край города: Харбрант возвышался над нею, словно гора. Сколько же людей здесь живут? Тысячи? Десятки тысяч? Девушка снова вздрогнула – обескураженная, но восторженная, – а потом моргнула, запечатлевая образ города в памяти.

Вокруг носились моряки. «Услада ветра» – узкое судно с одной мачтой, и места на борту едва хватало для нее, капитана, его жены и полудюжины матросов. Капитан Тозбек был спокойным и предусмотрительным человеком, отличным моряком, хоть и язычником. Он осторожно вел «Усладу ветра» вдоль берега, всегда подыскивая безопасную бухточку, чтобы переждать очередную Великую бурю.

Капитан наблюдал за матросами все время, пока шла швартовка. Тозбек был невысоким, одного роста с Шаллан, и замысловатым образом вплетал в волосы свои тайленские брови, длинные и белые. Казалось, что над глазами у него два раскрытых веера, каждый длиной в фут. Он носил простую вязаную шапочку и черную куртку с серебряными пуговицами. А шрам на челюсти, как раньше думала Шаллан, наверняка получил в яростной морской схватке с пиратами. Впрочем, накануне она с разочарованием узнала, что однажды его ударил по лицу лопнувший в непогоду шкот.

Жена капитана, Эшлв, уже спускалась по трапу, чтобы зарегистрировать судно. Тозбек увидел, что Шаллан за ним следит, и подошел к ней. Он был одним из деловых партнеров ее семьи и уже давно пользовался доверием ее отца. Это было хорошо, ибо план, который они с братьями состряпали, не позволял ей брать с собой дуэнью или горничную.

План тревожил девушку. Очень, очень тревожил. Шаллан не терпела лицемерия. Но финансовое положение ее Дома... Им требовалось или впечатляющее вливание средств, или какое-то другое пре имущество в местной политической игре Домов. Иначе они не продержутся до конца года.

«Все по порядку, – подумала Шаллан, вынуждая себя успокоиться. – Сначала разыщи Ясну Холин. Если она, конечно, не уехала опять, не дождавшись меня».

– Светлость, я послал парнишку, чтобы он все выяснил, – сказал Тозбек. – Если принцесса еще здесь, мы скоро узнаем.

Шаллан благодарно кивнула, продолжая сжимать альбом. Там, в городе, люди были... повсюду. Кто-то носил знакомую одежду – штаны и рубашки, зашнурованные спереди, юбки и цветастые блузы. Возможно, это были уроженцы ее родной земли, Йа-Кевода. Харбрант – вольный город. Маленькое, политически слабое государство, владеющее небольшой территорией, но открывшее свои причалы всем идущим мимо кораблям. Здесь не спрашивали, какого ты роду-племени, и потому люди так и стекались сюда.

Значит, многие из тех, кого она видела, чужестранцы. Вон те одеяния из цельного куска ткани указывали, что обряженные в них мужчины или женщины прибыли из Ташикка, что далеко на западе. Длинные куртки, до самых лодыжек, но открытые спереди, как плащи... где же такое носят? Она редко видела столько паршунов сразу, как на здешних причалах, где они таскали на спинах грузы. Как и те, что принадлежали ее отцу, эти были коренастыми и крепкими, с мраморной кожей – отчасти серовато-белой или черной, отчасти темно-багровой. Пестрые рисунки не повторялись.

После шестимесячной погони за Ясной Холин из города в город девушка начала думать, что никогда не достигнет эту женщину. Может, принцесса ее избегала? Нет, не похоже... Шаллан просто не была достаточно важной, чтобы ее ждать. Светлость Ясна Холин – одна из самых влиятельных женщин в мире. И обладательница одной из самых дурных репутаций. Единственный член приверженного религии Дома, который открыто объявил о своих еретических воззрениях.

Шаллан пыталась справиться с растущей тревогой. Скорее всего, они обнаружат, что Ясна снова отправилась в путь. «Услада ветра» простоит у причала до утра, и Шаллан договорится о цене с капитаном – она получит хорошую скидку, ибо ее семья достаточно вложилась в морское предприятие Тозбека, – после чего он повезет ее в следующий порт.

Прошло уже несколько месяцев с того момента, когда Тозбек, предположительно, должен был с ней расстаться. Она ни разу не ощутила от него неприязни; честь и верность

заставляли моряка все время соглашаться с ее просьбами. Однако терпение капитана не будет вечным, как и ее деньги. Она уже использовала больше половины сфер, что взяла с собой. Тозбек не бросит ее в незнакомом городе, разумеется, но вполне может с сожалением настоять, чтобы она вернулась с ним в Веденар.

– Капитан! – крикнул матрос, взбегая по трапу. На нем были только жилетка и просторные мешковатые штаны, и он сильно загорел, как все, кто работает на солнце. – Господин, никаких сообщений. Портовый клерк говорит, Ясна еще не уехала.

– Ха! – Тозбек повернулся к Шаллан. – Охота завершилась!

– Слава Вестникам, – тихо пробормотала девушка.

Капитан улыбнулся; белые брови казались потоками света, текущими из глаз.

– Должно быть, ваше прекрасное лицо даровало нам такой благоприятный ветер! Светлость Шаллан, вы зачаровали даже спренов ветра и привели нас сюда!

Шаллан зарумянилась, ибо ей в голову пришел не совсем приличный ответ.

– Ага! – воскликнул капитан, ткнув в ее сторону пальцем. – Вижу, юная госпожа, вы хотите что-то сказать – у вас это на лбу написано! Валяйте, говорите. Слова, знаете ли, созданы не для того, чтобы держать их внутри. Они твари свободные, и если окажутся заперты, то могут испортить желудок.

– Но это неприлично! – запротестовала Шаллан. Тозбек расхохотался:

– Месяцы в пути, а вы все еще цепляетесь за приличия! Я же все время твержу, что мы моряки! Мы забыли о приличиях в тот миг, когда впервые ступили на борт корабля; нас уже ничто не исправит.

Девушка улыбнулась. Суровые воспитательницы и наставницы учили ее держать язык за зубами, – к несчастью, братья проявили куда большее упорство, поощряя к прямо противоположному. Шаллан привыкла развлекать их в отсутствие взрослых. Она с нежностью вспомнила о часах, проведенных в главном зале – у камина, в котором потрескивал огонь, – рядом с тремя младшими из четырех ее братьев, которые слушали, как она высмеивает очередного отцовского подхалима или странствующего ревнителя. Она часто передразнивала знакомых им людей.

Так в ней укрепилось то, что воспитательницы называли «дерзкой жилкой». А моряки оказались еще большими ценителями остроумия, чем ее братья.

– Ну что ж, – сказала Шаллан капитану, краснея, но все-таки не желая молчать. – Я подумала вот о чем: вы сказали, что моя красота убедила ветра примчать нас в Харбрант вовремя. Но разве это не означает, что в нашем путешествии до этого именно нехватку моей красоты следует винить в том, что мы все время опаздывали?

– Ну... э-э-э...

– Выходит, на самом деле, – продолжила Шаллан, – вы сказали мне, что я была красивой ровно одну шестую часть пути.

– Чушь! Юная госпожа, вы похожи на рассвет, точно говорю!

– На рассвет? То есть, по-вашему, я вся красная... – она дернула себя за длинную рыжую прядь, – и люди частенько делаются ворчливыми, едва увидев меня?

Он рассмеялся, как и несколько оказавшихся поблизости матросов.

– Ну хорошо, вы похожи на цветок.

Шаллан скривилась:

– У меня аллергия на пыльцу.

Он вскинул бровь.

– Нет, в самом деле, – призналась она. – Я считаю цветы довольно милыми. Но если вы подарите мне букет, то скоро сделаетесь свидетелем настолько бурного приступа чихания, что придется искать на стенах слетевшие с меня веснушки.

– Что ж, даже если это правда, я все равно скажу, что вы красивы, как цветок.

– Если это так, значит все молодые люди моего возраста страдают от той же самой аллергии – ибо они держатся от меня на почтительном расстоянии. – Она поморщилась. – Ну вот, я же предупреждала, что это неприлично. Молодые женщины не должны вести себя столь несдержанно.

– О юная госпожа, – сказал капитан, небрежным жестом касаясь своей вязаной шапки, – нам с ребятами будет не хватать вашего острого язычка. Даже не знаю, что станем делать без вас.

– Скорее всего, плыть. А также есть, пить и смотреть на волны. Все то же самое, что и до сих пор, только теперь у вас будет намного больше времени, чтобы заниматься своими делами, не натываясь на девчонку, которая сидит на палубе, рисует и что-то бормочет себе под нос. Но я благодарю вас, капитан, за прекрасное путешествие... хоть оно и оказалось непомерно долгим.

Он признательно снял перед ней шапку.

Шаллан усмехнулась – она не ожидала той внутренней свободы, что пришла вместе с одиночеством. Братья боялись за нее. Они считали ее робкой, потому что девушка не любила спорить и в больших компаниях, как правило, молчала. Возможно, она и впрямь робкая... Ее пугало то, что она находилась так далеко от Йа-Кевода. Но одновременно это было прекрасно. Она заполнила три блокнота изображениями увиденных существ и людей, и, хотя ее постоянно, словно облаком, окутывала тревога за финансовое положение Дома, неприятные чувства уравнивались истинным наслаждением от происходящего.

Тозбек отдавал указания по поводу стоянки корабля в порту. Он был хорошим человеком. А вот его комплиментам Шаллан не верила. Капитан хотел продемонстрировать симпатию, но перестарался. Она была бледнокожей, а знаком истинной красоты считался алейский загар, и, несмотря на то что глаза у нее светло-голубые, нечистая семейная кровь проявила себя в темно-рыжих волосах с золотистым отблеском. Ни единой приличной черной пряди. Когда она повзрослела, веснушки побледнели – хвала Вестникам! – но по-прежнему усеивали щеки и нос.

– Юная госпожа, – обратился к ней капитан, посоветовавшись со своими людьми, – все говорит о том, что светлость Ясна находится в Конклаве.

– О, это же в Паланеуме?

– Да-да. И король живет там же. Это в каком-то смысле центр города. Только вот он наверху. – Тозбек почесал подбородок. – Ну, так или иначе, светлость Ясна Холин – сестра короля; в Харбранте она просто не может остановиться где-то в другом месте. Ялб покажет вам дорогу. Багаж подвезем попозже.

– Капитан, от души вас благодарю, – сказала она. – Шайлор мкабат нур.

«Благополучно принесли нас ветра». Благодарственная фраза на тайленском.

Шкипер широко улыбнулся:

– Мкай баде фортенфис!

Шаллан понятия не имела, что это значит. Ее тайленский был хорош, когда она читала, но с восприятием на слух все обстояло совсем иначе. Девушка улыбнулась Тозбеку и, похоже, попала в точку, потому что он рассмеялся и махнул одному из своих матросов.

– Мы будем ждать у причала два дня, – предупредил капитан. – Завтра будет Великая буря, так что мы все равно не сможем уйти. Если ваше дело со светлостью Ясной обернется не так, как вы надеетесь, мы отвезем вас обратно в Йа-Кевед.

– И снова благодарю.

– Юная госпожа, это пустяк. Мы бы в любом случае именно так и поступили. Мы можем брать товар где угодно. Кроме того, вы подарили мне такой похожий портрет моей милой жены, ну прям вылитая она. Я повешу его в каюте.

Он направился к Ялбу, чтобы дать указания. Шаллан ждала, положив рисовальные принадлежности обратно в кожаную сумку. Ялб. Ей, веденке, произнести подобное имя было трудновато. Почему тайленцы, смешивая буквы, так часто забывали о гласных?

Ялб махнул ей. Она шагнула вперед.

– Будьте осторожны, барышня, – предупредил капитан, когда она проходила мимо. – Даже в безопасном городе вроде Харбранта хватает неприятностей. Не теряйте голову!

– Да уж, пусть остается на плечах, – ответила Шаллан, осторожно ступая на трап. – Сомневаюсь, что кто-то вернет мне потерю, если таковая и впрямь случится.

Тозбек рассмеялся, помахал ей на прощание, пока она шла, держась за перила. Как все воринки, Шаллан одевалась так, чтобы левая рука, защищенная, была скрыта, а правая, свободная, видна. Темноглазые простолюдинки носили на левой руке перчатку, но дама ее положения обязана демонстрировать бóльшую скромность, которая выражалась в длинной манжете левого рукава, застегнутой на пуговицы.

Платье Шаллан облегалось грудь, плечи и талию, а ниже расширялось – обычный воринский покрой. Сшито из синего шелка с рядами пуговиц из панцирей чуллы по бокам; девушка несла свою сумку, прижимая к груди защищенной рукой, а свободной держалась за перила.

Сойдя с трапа, она погрузилась в яростную суматоху порта, где туда-сюда носились гонцы, а женщины в красных жакетах вписывали грузы в бухгалтерские книги. Харбрант являлся воринским королевством, как Алеткар и как родной Шаллан Йа-Кевед. Здешние жители не были язычниками, и письмо считалось женским искусством; мужчины изучали только глифы, предоставляя буквы и чтение женам и сестрам.

Капитан Тозбек умел читать – Шаллан в этом не сомневалась, хоть и не спрашивала напрямую. Она видела его с книгами; ей это было неприятно. Мужчинам не полагалось уметь читать. По крайней мере, если они не были ревнителями.

– Желаете прокатиться? – спросил Ялб с таким сильным тайленским акцентом, что она едва различала слова.

– Да, пожалуйста.

Он кивнул и куда-то умчался, оставив Шаллан на причале. Вокруг суетились паршуны, которые усердно перетаскивали деревянные ящики с одного причала на другой. Паршуны тупые, но из них получают отличные работники. Молчаливые и исполнительные. Ее отцу они нравились больше обычных рабов.

Неужели аleti и впрямь сражались на Расколотых равнинах с паршунами? Шаллан это казалось таким странным. Паршуны не дерутся. Они покорные и почти немые. Конечно, если верить слухам, те, что с Расколотых равнин, – их называли паршенди – физически отличались от обычных паршунов. Они сильнее, выше, смысленнее. Возможно, на самом деле вообще не паршуны, а какие-то их очень дальние сородичи.

К собственному удивлению, Шаллан заметила в порту представителей местной фауны. Несколько небесных угрей извивались в воздухе в поисках крыс или рыб. Маленькие крабы прятались в щелях между досками причала, а к толстым деревянным опорам прицепилась гроздь скрепунов. На улице, уводившей прочь от причалов, среди теней копошилась юркая норка, высматривая, не уронил ли кто-нибудь что-то съедобное.

Шаллан не смогла удержаться – вытащила блокнот и начала набрасывать атакующего небесного угря. Неужто он не боится такого количества людей? Она держала альбом защищенной рукой, сквозь ткань сжимая пальцами верхнюю часть, и рисовала угольным карандашом. Не успела девушка закончить, как вернулся ее проводник с мужчиной, который тянул за собой любопытную конструкцию с двумя большими колесами и сиденьем под балдахином. Шаллан в нерешительности опустила свой блокнот для зарисовок. Она-то ожидала паланкин.

Человек, тянувший кресло на колесах, был невысоким и темнокожим, с широкой улыбкой и толстыми губами. Он жестом предложил Шаллан садиться, что девушка и сделала со скромным изяществом, которое в ней воспитали наставницы. Возница задал ей вопрос на незнакомом резком и отрывистом языке.

– Что он хочет? – спросила она у Ялба.

– Спрашивает, желает ли госпожа проехать длинной дорогой или короткой. – Ялб почесал голову. – Не уверен, что понимаю, в чем разница.

– Наверное, в том, что одна из них длиннее, – предположила Шаллан.

– О, да вы и впрямь умница.

Ялб что-то сказал вознице на том же резком языке, и человек ответил.

– Длинная дорога позволяет как следует рассмотреть город, – перевел Ялб. – Короткая ведет напрямик к Конклаву. Глядеть там особо не на что, по его словам. Думаю, он понял, что вы здесь впервые.

– Я так сильно выделяюсь? – Шаллан покраснела.

– Э-э-э, нет, светлость, конечно нет.

– То есть я столь же заметна, как бородавка на носу королевы.

Ялб рассмеялся:

– Боюсь, что да. Но по-моему, нельзя попасть куда-то во второй раз, не побывав там впервые. Всем иногда приходится быть в центре внимания, так что лучше уж выделяться так мило, как вы!

Ей пришлось привыкнуть к легкому флирту со стороны моряков. Матросы никогда не были слишком уж прямолинейны, и она подозревала, что жена Тозбека строго поговорила с ними, когда заметила, как Шаллан краснеет. В доме ее отца слуги – даже полноправные граждане – боялись лишний раз открывать рот.

Возница все еще ждал ответа.

– Короткой дорогой, пожалуйста.

На самом деле ей хотелось проехаться живописным путем. Она наконец-то в настоящем городе – и отправляется прямой дорогой? Но ее светлость Ясна слишком неуловима, словно дикий певунчик. Лучше уж поспешить.

Главная улица шла то вверх, то вниз, так что даже короткая дорога позволила Шаллан многое увидеть. От неимоверного количества странных людей, видов и звенящих колокольчиков голова шла кругом. Девушка откинулась на спинку сиденья и смотрела во все глаза. Дома отличались по цвету, и это явно неспроста. Лавки, где продавали одинаковый товар, красили в одинаковые цвета: в фиолетовый – для одежды, в зеленый – для еды. Жилые дома тоже подчинялись некой закономерности, которую Шаллан не могла понять. Цвета были мягкими, вымытыми, приглушенными.

Ялб шагал рядом с ее повозкой, и возница заговорил, обращаясь к ней. Ялб переводил, держа руки в карманах жилета:

– Он говорит, этот город особенный из-за лейта.

Шаллан кивнула. Многие города строились в лейтах – местах, защищенных от Великих бурь скалами.

– Харбрант – один из самых защищенных больших городов в мире, – продолжил переводить Ялб, – и колокола это символизируют. Говорят, их впервые начали использовать, чтобы предупреждать о наступлении Великой бури, поскольку на предвещающий ее слабый ветерок люди не всегда обращали внимание. – Ялб помедлил. – Ваша светлость, он болтает, потому что хочет получить большие чаевые. Я слышал эту историю, но считаю ее полной чушью. Если ветер дует так сильно, что колокол шевелится, люди его и сами заметят. И вообще, разве трудно заметить, что на голову льет как из ведра?

Шаллан улыбнулась:

– Ничего, пусть продолжает.

Возница опять затарахтел – что же это за язык такой? Шаллан слушала перевод Ялба, поглощала виды, звуки и, к несчастью, запахи. Она с детства привыкла к свежему запаху чистой мебели и аромату плоского хлеба в кухонной печи. Океанское путешествие приучило ее к запаху соли и морского воздуха.

В том, что ее нос ощущал здесь, не было ничего чистого. Каждый из переулков вонял на свой неповторимый лад. Зловоние перемежалось пряными ароматами еды, которую продавали уличные торговцы, и смесь получалась еще более тошнотворной. К счастью, возница переместился в центр улицы, и запахи ослабли, но теперь путники продвигались медленнее, поскольку приходилось лавировать в потоке. Она пялилась на местную публику. Мужчины в перчатках, с кожей голубоватого оттенка, явно из Натанатана. Но откуда вон те высокие, статные люди в черных одеждах? А мужчины, у которых бороды заплетены в такие жгуты, что смахивают на палки?

Звуки напомнили Шаллан концерты, которые устраивали возле ее дома дикие певунчики, – только здесь они были разнообразнее и громче. Сотни голосов обращались друг к другу, мешались с хлопаньем дверей, скрипом колес по камню, случайными криками небесных угрей. Где-то на заднем плане пели вездесущие колокольчики, и пение становилось громче, когда дул ветер. Колокольчики виднелись в окнах лавок, свисали со стропил. На каждом фонаре под самой лампой висел колокольчик, и на ее телеге имелся один – серебряный, в верхней части балдахина. На полпути к вершине принялись звонить колокольчики в часах, и от их разноголосого хора по улице словно прокатилась гудящая и звенящая волна.

Толпа поредела, когда они преодолели три четверти пути. Наконец возница остановился возле массивного здания в самой высокой части города. Выкрашенное в белый цвет, оно было скорее вырезано в поверхности скалы, чем построено из кирпичей или глины. Колонны на фасаде вырастали из камня без намека на стыки, а задняя часть здания плавно сливалась со скалой. Люди беспрестанно входили и выходили. Сновали, сжимая принадлежности для письма, светлоглазые женщины в таких же платьях, как и на Шаллан, с длинными левыми рукавами с манжетами. Прохаживались мужчины в воринских куртках, похожих на мундиры, – до колен, с двумя рядами пуговиц на груди и жестким воротничком, охватывавшим шею, – и узких брюках, у многих были мечи.

Возница остановился и что-то сказал Ялбу. Матрос начал с ним спорить, уперев руки в боки. Шаллан улыбнулась при виде его сурового выражения лица и моргнула, закрепляя сцену в памяти, чтобы позже нарисовать.

– Он предлагает поделиться, если я позволю ему зависить цену поездки, – пояснил Ялб, качая головой и помогая Шаллан выбраться из повозки.

Она вышла и бросила взгляд на возницу. Тот пожал плечами и улыбнулся, как ребенок, которого застигли воруящим сладости.

Девушка прижала сумку к груди, а свободной рукой поискала внутри кошелек:

– Сколько, по-твоему, я должна ему заплатить?

– Двух светосколков будет более чем достаточно. Я бы дал один. Ворюга собирался просить пять!

До этого путешествия она не использовала деньги, а просто восхищалась красотой сфер. Каждая состояла из стеклянного шарика чуть крупнее ногтя большого пальца и куда меньшего по размеру самосвета в центре. Самосветы впитывали бурсвет, и от этого сферы начинали сиять. Когда Шаллан открыла кошелек, на ее лицо упали рубиновые, изумрудные, бриллиантовые и сапфировые блики. Она выловила три бриллиантовых светосколков – самых маленьких по достоинству. Изумруды были наиболее ценными, потому что духозаклинатели могли использовать их, чтобы создавать еду.

Стеклянная часть у большинства сфер была одинаковой; размер самосвета в центре определял их ценность. В каждом из трех свето-сколков, например, заключался всего лишь малюсенький бриллиантик. Этого хватало, чтобы лучиться буресветом, намного хуже лампы, но все-таки заметно. Огнемарка – средняя по ценности сфера – была чуть бледнее свечи и равнялась пяти светосколкам.

Шаллан взяла с собой только заряженные сферы, потому что слышала, будто пустые считаются подозрительными, и иногда даже требовался ростовщик, чтобы подтвердить подлинность самосветов. Она хранила самые ценные сферы в защищенном кошельке – он был пристегнут к ее левому рукаву изнутри.

Она вручила три светосколка Ялбу, который склонил голову набок. Шаллан кивнула на возницу, краснея и понимая, что невольно использовала парня в качестве старшего слуги и посредника. Неужели он обиделся?

Матрос захохотал и приосанился, будто и впрямь подражал старшему слуге, а потом выдал вознице деньги с насмешливо-суровым выражением лица. Возница тоже рассмеялся, улыбнулся Шаллан и покатил свою телегу прочь.

– Это тебе, – сказала Шаллан, доставая рубиновую марку и протягивая ее Ялбу.

– Светлость, это слишком много!

– Это благодарность лишь отчасти, – объяснила она, – я хочу заплатить, чтобы ты побыл тут пару часов и подождал – вдруг я вернусь.

– Ждать пару часов за огнемарку? Так ведь это жалованье за неделю в море!

– Значит, я могу быть уверена, что ты не исчезнешь.

– Буду стоять прямо тут! – Ялб отвесил ей на удивление правильный изысканный поклон.

Шаллан глубоко вздохнула и направилась вверх по ступеням, к внушительному входу в Конклав. Резьба на камне выглядела потрясающе – художница в девушке желала задержаться и изучить узоры, но Шаллан не смела. Войти в большое здание было все равно что оказаться проглоченным. Стены холла украшали ряды буресветных ламп, излучавших белое сияние. Внутри их, скорее всего, были бриллиантовые броуны; в большинстве богатых домов для освещения применялся буресвет. Броум – сфера наибольшей ценности – равнялся нескольким свечам.

Лампы горели ровно и мягко, освещая множество прислужников, письмоводительниц и светлоглазых, что двигались по широкому коридору. Здание, похоже, представляло собой один широкий, высокий и длинный туннель, пробитый в скале. По бокам находились большие салоны, вспомогательные коридоры убегали в стороны от центрального «бульвара». Здесь девушка почувствовала себя намного уверенней, чем снаружи. Это место с суетливыми слугами, светлордами и светледи невысокого ранга казалось знакомым.

Шаллан подняла руку в призывном жесте, и довольно быстро старший слуга в безупречно белой рубашке и черных брюках поспешил к ней.

– Светлость, что вам угодно? – спросил он по-веденски, видимо обратив внимание на цвет ее волос.

– Я ищу Ясну Холин, – сказала Шаллан. – Мне говорили, она где-то здесь.

Старший слуга чопорно поклонился. Большинство старших слуг гордились своим сравнительно высоким положением, и Ялб совсем недавно высмеивал именно эту особенность.

– Ждите меня, светлость.

Он, вероятно, был второго нана – темноглазый гражданин очень высокого ранга. В воринизме Призвание – дело, которому человек посвящал свою жизнь, – обладало необыкновенной важностью. Избрать уважаемую профессию и усердно трудиться, совершенствуя

свои умения, – таков был лучший способ обеспечить себе хорошее посмертие. Как правило, именно Призвание определяло, прихожанином какой обители являлся человек.

Шаллан скрестила руки на груди и стала ждать. Она уже давно размышляла о собственном Призвании. Искусство казалось очевидным выбором, и она действительно очень любила рисовать. Но ее привлекало не рисование как таковое, на самом деле девушка любила изучать, наблюдать и задавать вопросы. Почему небесные угри не боятся людей? Чем питаются скрепуны? Почему крысиные стаи в одной местности благоденствуют, а в другой – нет? Она избрала своим Призванием естественную историю.

Шаллан хотела стать ученой – получить настоящее образование, проводить время за углубленными изысканиями и опытами. Может, потому она и предложила этот дерзкий план, согласно которому именно ей пришлось отправиться на поиски Ясны, чтобы поступить в ученицы? Однако нельзя отвлекаться. Стать ученицей Ясны – лишь первая часть плана.

Раздумывая об этом, Шаллан неспешно приблизилась к колонне и свободной рукой ощупала полированный камень. Как почти все в Рошаре – исключая некоторые прибрежные регионы, – Харбрант стоял на огромной глыбе необработанного камня. Здания располагались на ней, а это – частично внутри. Колонна показалась Шаллан гранитной, но в геологии она разбиралась слабовато.

Пол покрывали длинные ковры рыжевато-оранжевого цвета. Материал был плотный, предназначенный для того, чтобы выглядеть роскошно и при этом не истираться от множества ног. Широкий прямоугольный холл казался старинным. В одной книге она как-то вычитала, что Харбрант был основан еще в темные дни, за много лет до последнего Опустошения. Значит, он и впрямь древний. Ему тысячи лет, и создан он до ужасов Иерократии и даже задолго до Отступничества. В те времена, когда, как говорят, по миру шествовали Приносящие пустоту с каменными телами.

– Светлость? – раздалось поблизости.

Шаллан повернулась и увидела, что слуга возвратился.

– Сюда, светлость.

Девушка кивнула слуге, и он быстро провел ее по забитому людьми коридору. Она подумала о том, какой следует предстать перед Ясной. Это легендарная женщина. Даже Шаллан у себя в отдаленном поместье в Йа-Кеведе слышала о том, какая у короля алетии ревнительная сестра-еретичка. Ясне было всего лишь тридцать четыре, но многие считали, что она могла бы уже получить высшее ученое звание, если бы не открытое порицание религии. Говоря точнее, принцесса осуждала ордена – разнообразные религиозные конгрегации, к которым присоединялись истинно верующие воринцы. Неуместные остроты не помогут Шаллан. Ей следует вести себя прилично. Ученичество у женщины с такой репутацией – лучший способ познать женские искусства: музыку, рисование, письмо и науки. Это во многом походило на учебу, которая ждала юношу в личной гвардии какого-нибудь уважаемого светлорда.

Все началось с того, что Шаллан сочинила петицию с просьбой об ученичестве, – это был отчаянный шаг, и она не ожидала, что Ясна согласится. Когда пришло письмо, которое приказывало Шаллан явиться в Думадари через две недели, девушка была потрясена. С той поры она и гналась за принцессой.

Ясна – еретичка. Не попросит ли она, чтобы Шаллан отреклась от своей веры? Вряд ли такое получится. Воринские писания о Славах и Призваниях были для нее одной из немногочисленных отдушин в те сложные дни, когда с отцом все становилось по-настоящему ужасно.

Они свернули в узкий коридор, удаляясь от главного зала. Наконец старший слуга замер перед поворотом и жестом предложил Шаллан идти дальше самой. Откуда-то справа доносились голоса.

Девушка медлила. Иногда она спрашивала себя, как все могло пойти так далеко. Она тихая, скромная, младшая из пяти детей и единственная девочка. Всю жизнь ее оберегали и защищали. И теперь судьба всего Дома зависит от нее.

Отец мертв, и жизненно необходимо хранить это в секрете.

Девушка не любила вспоминать о том дне – она почти стерла его из памяти, приучила себя думать о другом. Но последствия смерти отца нельзя было игнорировать. Он оставил множество обещаний – сделки и взятки, а также взятки, замаскированные под сделки. Дом Давар задолжал внушительные суммы огромному количеству людей, и без отца, который мог унять кредиторов, те вскоре перейдут к решительным действиям.

Никто им не поможет. Ее семью, во многом из-за отца, ненавидят даже союзники. Великий князь Валам – светлорд, которому присягнул Дом Давар, – занемог и больше не защищал их, как раньше. Когда станет известно, что светлорд Давар умер, а семья не может платить по долгам, – это будет концом Дома. Их поглотит и покорит какое-нибудь другое семейство.

В качестве наказания из них выжмут последние соки... а раздраженные кредиторы вполне могут подослать убийц. Только у Шаллан есть шанс это предотвратить, и первый шаг следовало сделать при помощи Ясны Холин.

Шаллан глубоко вздохнула и завернула за угол.

4

Расколотые равнины

«Я умираю, верно? Целитель, зачем тебе моя кровь? Кто это рядом с тобой, с головой из линий? Я вижу далекое солнце, темное и холодное, сияющее в черном небе».

Записано третьего йезнана, 1172, 11 секунд до смерти. Наблюдался реши, дрессировщик чуллов. Особо примечательный образец.

– Почему ты не плачешь? – спросила девушка-спрен.

Каладин сидел в углу клетки, прислонившись спиной к решетке и опустив взгляд. Доски пола перед ним были расщеплены, словно кто-то пытался выломать их, орудуя одними ногтями. Расцарапанная часть была темной там, где сухое серое дерево впитало кровь. Бесполезная, бредовая попытка побега.

Фургон продолжал катиться. Каждый день одно и то же. Утром у него все тело ныло и болело от беспокойной ночи, проведенной без тюфяка или одеяла. Рабов из каждого фургона выпускали по очереди, и они ковыляли с кандалами на ногах, чтобы размяться и облегчиться. Потом их запикивали обратно, давали утреннюю порцию баланды, и караван катился до полуденной баланды. Снова в путь. Вечерняя баланда, а потом ковш воды, и спать.

Воспаленное клеймо «шаш» на лбу Каладина все еще сочилось кровью. По крайней мере, крыша клетки давала укрытие от солнца.

Сспрен ветра обратилась в туман и теперь летала, будто облачко. Она приблизилась к Каладину, от движения в передней части облачка обрисовалось ее лицо – как будто туман сдуло и показалось что-то более плотное, спрятанное за ним. Легкая, женственная, с узким личиком. Такие любознательные глаза. Он не встречал спренов, подобных ей.

– Остальные плачут по ночам, – пояснила она. – Но не ты.

– Толку от слез? – Парень прислонил голову к прутьям клетки. – Что они изменяют?

– Не знаю. А почему люди плачут?

Он улыбнулся и закрыл глаза:

– Спроси Всемогущего, почему люди плачут, маленький спрен. Не меня.

Во влажном воздухе восточного лета лоб покрылся каплями пота, и рану щипало, когда они в нее попадали. Следовало надеяться, что вскоре их ожидали несколько недель весны. Погода и сезоны были непредсказуемы. Обычно каждый длился несколько недель, но сколько именно – никто не может сказать заранее.

Фургон продвигался вперед. Через некоторое время Каладин почувствовал на лице солнечный свет. Открыл глаза. Солнце почти в зените. Значит, два или три часа пополудни. А где же обеденная баланда? Каладин встал, держась одной рукой за стальные прутья. Он не видел Твлакву, который правил передним фургоном, только плосколицего Блата в фургоне позади. Наемник был в грязной рубашке со шнуровкой и широкополой шляпе, защищавшей от солнца; копьё и дубина лежали рядом с ним на козлах фургона. Он, как и Твлакв, не носил меча – сказывалось влияние аleti.

Трава продолжала расступаться перед фургонами, исчезая спереди и осторожно показываясь после того, как они удалялись. Вокруг изредка появлялись странные кусты, незнакомые Каладину. У них были толстые стебли и черенки с острыми зелеными иголками. Когда фурунны подъезжали слишком близко, иголочки втягивались в черенки, оставляя кривые червеподобные стволы с узловатыми ветками. Они усеивали холмистую местность, вздымаясь над покрытыми травой скалами, точно миниатюрные часовые.

Фурунны катились и катились, хотя полдень давно миновал.

«Почему мы не останавливаемся на обед?»

Передний фургон наконец-то встал. Два других резко затормозили, чуллы с красными панцирями начали беспокоиться, их усики заколыхались. У этих зверей, похожих на ящички, выпуклые твердые, как камень, раковины и толстые красные ноги, будто стволы. Каладин слышал, что их клешни могут перекусить человеческую руку. Но чуллы покорные, особенно домашние, и он не слышал, чтобы кто-то из солдат получил от них больше несмелого тычка.

Блат и Тэг спустились со своих фургонов и подошли к Твлакву. Работоторговец привстал на козлах, прикрывая глаза от яркого света и держа в другой руке лист бумаги. Последовал спор. Твлакв указывал в ту сторону, куда они ехали, а потом – на свою бумагу.

– Твлакв, заблудился? – позвал Каладин. – Может, тебе стоит помолиться Всемогущему, чтобы направил на путь истинный. Я слышал, он питает к работоторговцам особую любовь. Держит в Преисподней для вас отдельную комнатку.

Слева от Каладина один из рабов – длиннобородый, что говорил с ним несколько дней назад, – осторожно отодвинулся.

Твлакв помедлил и резко махнул наемникам, приказывая им умолкнуть. Потом этот грузный мужчина прыгнул со своего фургона и подошел к Каладину.

– Ты, – сказал он, – дезертир. Армии аleti странствуют по этим землям, воюют здесь. Ты знаешь эти места?

– Дай-ка мне карту, – предложил Каладин.

Твлакв поколебался, но так и сделал.

Каладин протянул руки сквозь прутья и схватил карту. Потом, не читая, порвал пополам. За несколько секунд он превратил ее в сотню кусочков на глазах у потрясенного работоторговца.

Твлакв позвал наемников. Те подбежали, и Каладин бросил в них две пригоршни конфетти.

– Счастливого Среднепраздника, ублюдки, – сказал он, когда кусочки бумаги обсыпали Блата и Тэга. Повернулся, отошел к противоположной части клетки и уселся лицом к ним.

Твлакв утратил дар речи. Потом, побагровев, ткнул пальцем в Каладина и что-то прошипел наемникам. Блат шагнул к клетке, но вдруг передумал. Посмотрел на Твлакву, пожал плечами и пошел прочь. Твлакв повернулся к Тэгу, но другой наемник просто покачал головой и что-то тихонько проговорил.

Твлакву понадобилось несколько минут, чтобы унять ярость, после чего он обошел клетку и приблизился к Каладину. Когда работорговец заговорил, его голос оказался на удивление спокойным.

– Вижу, дезертир, ты умен. Сделал себя незаменимым. Прочие рабы не из этих краев, и сам я тут никогда не бывал. Ты можешь торговаться. Чего тебе надо? Я могу давать тебе больше еды каждый день, если станешь себя хорошо вести.

– Хочешь, чтобы я руководил караваном?

– Я буду следовать твоим указаниям.

– Хорошо. Сначала разыщи высокую скалу.

– Чтобы осмотреться?

– Нет, чтобы я тебя с нее скинул.

Твлакв раздраженно поправил шапочку, отбросил с лица длинную белую бровь:

– Ты меня ненавидишь. Это хорошо. Ненависть делает тебя сильным, и я смогу просить у покупателя больше денег. Но ты не сможешь мне отомстить, если я не доставлю тебя на рынок. Я не позволю тебе сбежать. Но может, кто-то другой позволит. В твоих интересах, чтобы тебя продали, понимаешь?

– Мне не нужна месть.

Спрен ветра вернулась – она на некоторое время отвлеклась, изучая странные кусты. Теперь же принялась прохаживаться вокруг лица Твлакв, разглядывая его. Он явно ее не замечал.

Работорговец нахмурился:

– Не нужна?

– От нее никакого толку, – объяснил Каладин. – Я выучил этот урок давным-давно.

– Давным-давно? Дезертир, да тебе и восемнадцати не исполнилось.

Почти угадал. Каладину было девятнадцать. Неужели прошло четыре года со дня его вступления в армию Амарама? Казалось, он постарел лет на десять.

– Ты молод, – продолжил Твлакв. – И еще можешь изменить судьбу. Кое-кому удавалось избавиться от рабской участи – ведь можно выплатить свою цену, понимаешь? Или убедить кого-то из хозяев, чтобы тебе дали свободу. Ты можешь снова стать свободным человеком. Это не так уж невероятно.

Каладин фыркнул:

– Я никогда не избавлюсь от этих отметин. Ты ведь знаешь, что я пытался – безуспешно – сбежать десять раз. Не только глифы на моем лбу заставляют твоих наемников тревожиться.

– Прошлые неудачи не означают, что в будущем у тебя не будет шансов.

– Мне конец. И наплевать. – Он пристально смотрел на работорговца. – Кроме того, ты же не веришь на самом деле в то, что говоришь. Человек вроде тебя не сможет спать по ночам, зная, что проданные им рабы окажутся на свободе и однажды разыщут его.

Твлакв рассмеялся:

– Да, дезертир. Возможно, ты прав. Или, возможно, я просто думаю, что если ты освободишься, топустишься на поиски того первого человека, который продал тебя в рабство, а? Как там его... великий лорд Амарам? Его смерть будет мне предупреждением, и я успею сбежать.

Откуда он узнал? Где услышал про Амарама? «Я его найду, – подумал Каладин. – Я голыми руками его уничтожу. Я оторву ему башку, я...»

– Да, – согласился Твлакв, изучая лицо молодого раба. – Значит, ты был нечестен, когда сказал, что не жаждешь мести. Я вижу.

– Откуда ты знаешь про Амарама? – Каладин нахмурился. – Меня с той поры полдюжины раз продавали.

– Люди говорят. Работоторговцы любят потрепаться. Нам приходится дружить, видишь ли, потому что остальные нас не выносят.

– Тогда ты знаешь, что я получил это клеймо не за дезертирство?

– О, но ведь мне следует притворяться, что все так и есть, понимаешь? Тех, кто виновен в серьезных преступлениях, трудно продать. С этим «шаш»-глифом на твоём лбу мне придется постараться, чтобы выручить за тебя хорошие деньги. Если я не сумею тебя продать, тогда... поверь мне, ты не захочешь этого. И потому нам обоим придется сыграть в игру. Я скажу, что ты дезертир. А ты ничего не скажешь. По-моему, игра простая.

– Это незаконно.

– Мы не в Алеткаре, и потому о законе речь не идет. К тому же дезертирство – официальная причина твоего рабского положения. Скажи, что все было иначе, – и ничего не добьешься, кроме репутации лжеца.

– И головной боли для тебя.

– Но ты же сказал, что не хочешь мне мстить.

– Я могу захотеть.

Твлакв рассмеялся:

– О, если ты до сих пор не захотел, то вряд ли это произойдет! Кроме того, ты ведь угрожал сбросить меня со скалы? Так что, думаю, ты уже хочешь. Но теперь нам следует разобраться в том, что делать дальше. Моя карта скоропостижно скончалась, видишь ли.

Каладин поколебался, потом вздохнул.

– Не знаю, – сказал он честно. – Я тоже здесь впервые.

Твлакв нахмурился. Наклонился ближе к клетке, изучая парня, хоть и все равно с безопасного расстояния. Миг спустя покачал головой:

– Похоже, это правда. Какая жалость. Что ж, доверюсь собственной памяти. Карта все равно была негодная. Я почти рад, что ты ее порвал, потому что чуть было не сделал это сам. Если мне случится разыскать какие-нибудь портреты бывших жен, я позабочусь о том, чтобы они попали тебе в руки, и твой особый талант пойдет мне на пользу.

Твлакв ушел.

Каладин проводил его взглядом и выругался вполголоса.

– Что такое? – спросила спрен ветра, подойдя к нему и склонив голову набок.

– Он мне почти понравился. – Каладин опять уткнулся лбом в прутья.

– Но... после того, что он сделал...

Парень пожал плечами:

– Я не говорил, что Твлакв не ублюдок. Просто он ублюдок, который может нравиться. – Он помолчал, потом скривился. – Самый отвратительный тип. Убьешь такого – и тебя будут мучить угрызения совести.

Во время Великих бурь фургон протекал. Ничего удивительного; Каладин подозревал, что Твлакв занялся работоторговлей не от хорошей жизни. Он бы с радостью торговал чем-то другим, но какая-то причина – нехватка средств, необходимость в спешке покинуть прежнее место – вынудила его избрать эту наименее уважаемую профессию.

Люди вроде него не могли позволить себе качество, не говоря уже о роскоши. Они едва успевали отдавать долги. Отсюда и протекающие фургоны. Деревянные бока были достаточно крепкими, чтобы выдержать бурю, но на удобство рассчитывать не приходилось.

Твлакв чуть не опоздал с приготовлениями к новому мощному шторму. Видимо, на карте, которую порвал Каладин, было и расписание ближайших ураганов, купленное у странствующего бурестража. Бури можно предсказывать с помощью математики; отец Каладина увлекался этим в свободное время. У него получалось назвать правильный день восемь раз из десяти.

Доски ударялись о прутья клетки, когда ветер колотился о фургон, тряс его, чуть ли не подбрасывал, словно неуклюжий великан – игрушку. Дерево скрипело, и в щели пробивались струйки ледяной дождевой воды. Также сквозь них проникали отсветы молний, сопровождаемые громом. Это был единственный свет для рабов.

Иногда случались вспышки света без грома. Люди при этом стонали от ужаса, думая о Буреотце, о призраках Сияющих отступников или о Приносящих пустоту – о всех, кто мог явиться во время особенно яростной Великой бури, если верить молве. Рабы сбились в кучу в центре фургона, пытались согреться. Каладин им не мешал – сидел один, упираясь спиной в прутья клетки.

Каладин не боялся историй о существах, которых можно было встретить во время бурь. В армии ему пришлось пару раз пережить шторм, прячась под нависающей скалой или в ином импровизированном убежище. Никому не нравилось оставаться снаружи во время урагана, но иногда с этим ничего нельзя было поделать. Те, кто мог предположительно встретиться во тьме бури, и близко не могли сравниться с реальной опасностью от камней и веток, что носились в воздухе. В общем-то, изначальный вихрь воды и ветра – буревая стена – был опаснее всего. После него нужно было выждать, пока стихия не ослабеет. Дождь потом еще долго идет, но это сущая ерунда.

И Приносящие пустоту, желающие поживиться плотью, его тоже не волновали. Он беспокоился, чтобы ничего не случилось с Твлаквом. Работорговец переживал бурю в тесном деревянном убежище, встроенном в днище фургона. Это было, по всей видимости, самое безопасное место в караване, но неудачный поворот судьбы – брошенный ураганом валун, например, – мог привести к смерти. В этом случае, как предполагал Каладин, Блат и Тэг сбегут, оставив всех в клетках с закрепленными деревянными боками. Рабы будут медленно умирать от голода и жажды под палящим солнцем.

Буря продолжала бушевать, раскачивая фургон. Иногда эти ветра казались живыми. И кто сказал, что на самом деле это не так? Спренов ветра привлекают порывы ветра или они сами и есть эти порывы? Духи той силы, что возжелала уничтожить фургон Каладина?

У этой силы – разумной или нет – ничего не вышло. Фургоны были привязаны цепями к ближайшим валунам, и их колеса застопорили. Порывы ветра становились все более вялыми. Вспышки молний прекратились, и сводящая с ума барабанная дробь дождя перешла в тихое постукивание. Только один раз за время их путешествия Великая буря перевернула фургон. Треснуло несколько досок да кое-кто обзавелся синяками – вот и все последствия.

Деревянная панель справа от Каладина чуть затряслась и упала, когда Блат снял засовы. Наемник надел кожаный плащ, защищавший от дождя, а с полей его шляпы текли струи воды, пока он открывал клетку. Теперь рабы оказались под дождем. Тот был холодным, хотя и не настолько, как в самый разгар бури. Твлакв всегда приказывал открывать фургоны до того, как закончится дождь. Он говорил, это единственный способ избавиться от вони.

Блат сунул деревянную боковину на положенное место под фургоном, потом снял две другие панели. Только стену в передней части – прямо за козлами – нельзя было снять.

– Что-то ты рановато их убираешь, – сказал Каладин.

До охвостья Великой бури, когда ливень превращался в легкий дождь, еще оставалось время. С неба по-прежнему лило, и ветер то и дело усиливался.

– Хозяин хочет, чтобы вы сегодня как следует помылись.

– Почему? – Каладин поднялся, и вода потекла с его коричневых лохмотьев.

Блат как будто не услышал.

«Возможно, мы приближаемся к месту назначения», – подумал Каладин, окидывая взглядом пейзаж.

За последние несколько дней холмы уступили место неровным скалам, обточенным неустанными ветрами, осыпающимся утесам и зубчатым пикам. На камнях, обращен-

ных к солнцу, росла трава. Сразу после Великой бури земля по-настоящему оживала. Камнепочки-полипы лопались и выпускали лозы. Другие лозы выбирались из трещин и тянулись к воде. Кусты и деревья разворачивали листья. Кремлецы всех видов копошились в лужах и с наслаждением пировали. В воздухе жужжали насекомые; панцирные покрупнее – крабы и ходунцы – выбирались из убежищ. Даже сами камни как будто оживали.

Каладин заметил с полдюжины порхающих впереди спренов ветра; полупрозрачные существа гонялись за последними порывами бури – или, возможно, соревновались с ними. Вокруг растений появились миниатюрные огоньки. Спрены жизни. Они выглядели точно частицы светящейся зеленой пыли или рой мельчайших полупрозрачных насекомых.

Ходунец, чьи похожие на волосы иглы вздыбились, улавливая перемены в силе ветра, забрался по боковине телеги, шевеля дюжиной пар лап вдоль длинного тела. Каладин уже видел ходунцов, но не с таким темно-пурпурным панцирем. Куда же Твлакв ведет караван? Эти неводеланные склоны холмов идеально подходили для фермерства. Если в сезон слабых бурь, следующий за Плачем, разлить тут сок культяпника, перемешанный с семенами лависа, то через четыре месяца холмы покроются полипами больше человеческой головы, готовыми лопнуть от переполняющего их зерна.

Чуллы неуклюже шевелили лапами, поедая камнепочки, слизней и маленьких панцирных, что появились после бури. Тэг и Блат потихоньку запрягли чудищ, а угрюмый Твлакв в это время выполз из своего водонепроницаемого убежища. Работорговец натянул шапку и черный плащ, защищаясь от дождя. Он редко выбирался до того, как буря полностью заканчивалась, – значит, ему не терпится добраться до места. Неужели они так близко к побережью? Только там, в Ничейных холмах, есть города.

Вскоре фургоны покатались по неровной земле. Каладин утомился, когда небо прояснилось, а Великая буря превратилась в черное пятно в западной части горизонта. Солнце дарило долгожданное тепло, и рабы млели в его лучах; струи воды стекали с их лохмотьев, и позади фургона оставался влажный след.

Вскоре возле Каладина мелькнула светящаяся лента. Он начал привыкать к присутствию спрена ветра. Новая знакомая исчезла во время бури, но теперь вернулась.

– Я видел твоих собратьев, – безучастно заметил Каладин.

– Собратьев? – переспросила она, приняв облик молодой женщины, и зашагала вокруг него по воздуху, иногда кружась, словно танцуя под неслышную музыку.

– Спренов ветра, – пояснил Каладин. – Они гнались за бурей. Ты точно не хочешь отправиться с ними?

Девушка-спрен с интересом посмотрела на запад.

– Нет, – сказала она после паузы и продолжила танцевать. – Мне и здесь хорошо.

Каладин пожал плечами. Спрен перестала его дразнить, и ее присутствие уже не раздражало.

– Рядом есть твои братья, – сказала она. – Такие же, как ты.

– Рабы?

– Не знаю. Люди. Не те, которые здесь. Другие.

– Где?

Она ткнула полупрозрачным пальчиком на восток:

– Там. Их много. Много-много.

Каладин встал. Он и не думал, что спрен может иметь представление о том, как измерять расстояние и количество. «Да... – Каладин прищурился, изучая горизонт. – Это дым. Печные трубы?» Пахло дымом; если бы не дождь, он почувствовал бы запах раньше.

Стоило ли беспокоиться? Какая разница, где быть рабом, если уж ты все равно им останешься. Каладин принял свою судьбу. Так и следовало себя вести. Ни забот, ни тревог.

И все же он с любопытством пригляделся, когда фургон выехал на вершину холма. Там был не город. Там было кое-что побольше, кое-что повнушительнее. Громадный военный лагерь.

– Великий Отец бурь... – прошептал Каладин.

Десять армий расположились согласно знакомому алетийскому узору – по кругу, соответственно рангу, с обозами с внешней стороны, за которыми следовали наемники, полноправные граждане-солдаты и, в самой середине, светлоглазые офицеры. Каждая армия обосновалась в отдельном громадном кратере со скалистыми краями. Кратеры напоминали сломанные яичные скорлупки.

Восемь месяцев назад Каладин покинул очень похожую армию, хотя войска Амарама были куда малочисленнее. Эти занимали мили и мили, тянулись далеко на север и юг. В воздухе горделиво трепетали тысячи знамен, на которых красовались тысячи разных семейных глифпар. Попадались палатки – в основном на окраинах лагерей, – но большей частью солдаты размещались в каменных казармах, созданных духозаклинателями.

Над лагерем, что располагался прямо перед ними, реяло знамя, которое Каладин видел в книгах. Темно-синее, с белыми глифами «хох» и «линил», стилизованными под меч и корону. Дом Холин. Королевский дом.

Обескураженный Каладин окинул взглядом другие войска. На востоке открывался вид, о котором он знал из десятка разных историй, детально описывавших кампанию короля против предателей-паршенди. Каменная равнина – такая громадная, что невозможно увидеть ее противоположную сторону, – расколота трещинами и ущельями двадцати – тридцати футов шириной. Они были такими глубокими, что растворялись во тьме и создавали беспорядочную мозаику из неровных плато. Обширное пространство походило на разбитую тарелку, которую собрали из черепков, но между ними остались зазоры.

– Расколотые равнины, – прошептал парень.

– Что? – спросила спрен ветра. – Что не так?

Каладин покачал головой, сбитый с толку:

– Я потратил годы, пытаясь добраться сюда. Этого хотел Тьен – по крайней мере, в конце. Попасть сюда, сражаться в армии короля...

И вот Каладин здесь. Наконец-то. Случайно. Он едва не расхохотался от абсурдности происшедшего. «Я должен был догадаться. Я должен был понять. Мы с самого начала ехали не на побережье к тамошним городам. Мы ехали сюда. На войну».

В этом месте действовали алетийские законы и правила. Он ожидал, что Твлакв будет избегать подобных встреч. Но здесь и платили лучше, нежели где-то еще.

– Расколотые равнины? – спросил один из рабов. – В самом деле?

Остальные столпились рядом, разглядывая пейзаж. От возбуждения они забыли о своем страхе перед Каладином.

– Это и впрямь Расколотые равнины! – воскликнул один из рабов. – Вон там армия короля!

– Может, здесь мы найдем справедливость, – сказал другой.

– Я слышал, в королевском доме слуги живут не хуже богатых торговцев, – заметил третий. – С рабами там тоже должны обращаться получше. Мы будем на воринской земле – нам даже жалованье станут платить!

Это правда. Рабам полагалось небольшое жалованье – половина от того, что платили бы свободному, что уже меньше суммы, на которую за ту же работу мог рассчитывать полноправный гражданин. Но хотя бы так, и законы аleti были на их стороне. Только ревнителям, которые все равно ничем не владели, можно и не платить. Ну и еще паршунам. Но паршуны же скорее животные, чем люди.

Раб мог отдавать жалованье в счет выкупа и через много лет труда заработать свободу. Теоретически. Пока фургон катился вниз по склону, остальные продолжали болтать, но Каладин перебрался в его заднюю часть. Он подозревал, что истории о жалованье рабам – всего лишь уловка, предназначенная для того, чтобы сделать их покорными. Выкуп громадный – много больше той суммы, что платили за раба, и его просто невозможно выплатить.

У предыдущих хозяев Каладин требовал, чтобы жалованье отдавали ему. Они всегда находили способ его обмануть – предъявляли счет за крышу над головой, за еду. Таковы уж светлоглазые. Рошон, Амарам, Катаротам... Каждый светлоглазый, с которым Каладин встречался, будучи рабом или свободным человеком, показал себя испорченным до мозга костей, невзирая на внешнюю красоту и изящество. Они походили на гниющие трупы, обряженные в красивые шелка.

Остальные продолжали говорить о королевской армии и о справедливости. «Справедливость? – размышлял Каладин, прислонившись к прутьям. – Не уверен, что эта штука существует». И все же он не мог не думать кое о чем. Там была армия короля – армия всех десяти великих князей, – пришедшая на Расколоте равнины, чтобы воплотить Договор Отмщения.

Если и была на свете вещь, о которой он тосковал, то это возможность держать копье. Снова сражаться, искать способ стать тем, кем он был раньше. Человеком, которому не все равно.

Если подобное вообще могло случиться, то только здесь.

5

Еретичка

*«Я видел конец, я слышал, как его называли. Ночь скорбей,
Истинное Опустошение. Буря бурь».
Записано первого нанесения, 1172, 15 секунд до смерти. Наблюдался
темноглазый юноша неизвестного происхождения.*

Шаллан не ожидала, что Ясна Холин окажется красавицей. Такую величественную, зрелую красоту можно встретить на портрете какой-нибудь знаменитой ученой прошлых лет. Шаллан поняла, что наивно предполагала увидеть безобразную старую деву, вроде тех суровых матрон, что обучали ее все эти годы. Как же еще могла выглядеть еретичка сильно за тридцать, все еще незамужняя?

Ясна оказалась совсем другой – высокой и стройной, с гладкой кожей, узкими черными бровями и густыми волосами цвета темного оникса. Часть волос была забрана вверх и завернута вокруг маленького золотого украшения в форме свитка, которое удерживалось при помощи двух длинных шпилек. Остальные волосы ниспадали тугими локонами принцессе на плечи. Если же вынуть все шпильки, то, вероятно, волосы окажутся той же длины, что у Шаллан, – ниже середины спины.

Лицо у нее было почти квадратное, глаза – бледно-фиолетовые. Она слушала мужчину в одеянии харбрантских королевских цветов – рыжевато-оранжевого и белого. Светлость Холин была на несколько пальцев выше этого человека... похоже, слухи о росте алетички ничуть не преувеличены. Ясна бросила взгляд на Шаллан, отмечая ее присутствие, и вернулась к беседе.

Буреотец! Эта женщина выглядела именно так, как полагалось сестре короля. Сдержанная, величавая, в безупречном сине-серебристом наряде. Как и платье Шаллан, одеяние Ясны застегивалось по бокам, и у него имелся высокий воротник, хотя грудь принцессы куда полнее. От талии вниз юбки расширялись и падали на пол широкой волной. Рукава длинные, и левый застегивался, пряча защищенную руку.

На свободной руке виднелось необычное украшение: два кольца и браслет, соединенные цепями, что удерживали треугольную фигурку из самосветов на тыльной стороне ладони. Духозаклинатель. Этим словом называли как людей, которые выполняли соответствующее действие, так и устройство, благодаря которому оно выполнялось, – фабриаль.

Шаллан старалась получше рассмотреть большие мерцающие самосветы. Ее сердце начало биться чуть быстрее. Духозаклинатель выглядел в точности как тот, что они с братьями нашли во внутреннем кармане отцовского сюртука.

Ясна и человек в оранжево-белом одеянии направились в сторону Шаллан, продолжая разговаривать. Как поведет себя Ясна теперь, когда возможная будущая ученица наконец-то настигла ее? Рассердится из-за опоздания? Шаллан нельзя было ни в чем обвинить, но людям свойственно думать, что тот, кто ниже их по статусу, способен на неразумные поступки.

Как и величественную пещеру, в которой она уже побывала, это помещение вырезали в скале, но оно было обставлено куда богаче. С потолка свисали изысканные люстры, украшенные заряженными самосветами, в большинстве своем темно-фиолетовыми гранатами, которые относились к наименее ценным камням. Даже если так, все равно одно лишь количество ламп, излучавших фиолетовый свет, превращало люстру в маленькое состояние. Еще больше Шаллан поразили симметрия узоров и красота этих драгоценных подвесок, которые висели на каждой люстре.

Когда Ясна приблизилась, девушка смогла расслышать, что она говорит.

– ...понимаете, что это повлечет за собой недовольство обитателей? – сказала женщина на алетийском: он очень походил на родной веденский Шаллан, и ее еще в детстве обучили этому языку.

– Да, светлость, – ответил пожилой мужчина с редкой белой бородой и бледно-серыми глазами, чье открытое, доброе лицо казалось очень обеспокоенным. Его голову венчала плоская цилиндрическая шляпа той же оранжево-белой расцветки, что и роскошные одежды. Может, какой-нибудь королевский мажордом?

Нет. Самосветы на его пальцах, то, как он себя ведет, то, как светлоглазые прислужники подчиняются ему... «Буреотец! – подумала Шаллан. – Да ведь это наверняка сам король!» Не брат Ясны, Элокар, но король Харбранта. Таравангиан.

Девушка поспешно склонилась в сообразном поклоне, который принцесса заметила.

– Ваше величество, у ревнителей здесь большой авторитет, – спокойно проговорила еретичка.

– Как и у меня, – возразил король. – Ни о чем не волнуйтесь.

– Хорошо, – согласилась Ясна. – Ваши условия приняты. Отведите меня туда, и я посмотрю, что можно сделать. Если позволите, по пути я кое с кем поговорю.

Принцесса резко взмахнула рукой, приказывая Шаллан присоединиться к ним.

– Разумеется, светлость. – Правитель будто подчинился Ясне.

Харбрант – очень маленькое королевство – просто один-единственный город. А вот Алеткар – одно из самых сильных в мире. Принцесса аleti, несомненно, превосходила харбрантского монарха в реальной власти, что бы там ни говорил протокол.

Шаллан поспешила следом за Ясной, которая чуть отстала от короля, обсуждавшего что-то со своими придворными.

– Светлость, – подала голос девушка, – я Шаллан Давар. Вы назначили мне встречу, но, к моему глубокому сожалению, я не застала вас в Думадари.

– Ты не виновата, – ответила Ясна, небрежно махнув рукой. – Ты и не могла успеть. Посылая то письмо, я даже не знала точно, куда отправлюсь после Думадари.

Принцесса не рассердилась; это хороший знак. Шаллан почувствовала, как ее волнение спадает.

– Я впечатлена твоей настойчивостью, дитя, – продолжила Ясна. – Честно говоря, не ожидала, что ты последуешь за мной так далеко. После Харбранта я собиралась перестать оставлять тебе записки, потому что предположила, что ты сдалась. Большинство сходят с дистанции.

Большинство? Выходит, это было что-то вроде испытания? И Шаллан его прошла?

– Да, безусловно, – задумчиво продолжила Ясна. – Возможно, я и впрямь разрешу тебе подать прошение об ученичестве у меня.

Шаллан от потрясения чуть не споткнулась. Подать прошение?! Разве она этого еще не сделала?

– Светлость, – осторожно начала соискательница, – я думала, что... ну, ваше письмо...

Принцесса устремила на нее пристальный взгляд:

– Я разрешила тебе со мной встретиться, юная госпожа Давар. Но не обещала, что возьму тебя в ученицы. Обучение и забота о подопечной – занятия, на которые у меня в данный момент нет ни терпения, ни времени. Но ты проделала долгий путь. Я приму твою просьбу во внимание. Однако пойми – у меня строгие требования.

Шаллан скрыла гримасу.

– Никаких истерик, – отметила Ясна. – Это хороший знак.

– Истерики, светлость? У светлоглазой?

– Знала бы ты, – сухо ответила Ясна. – Однако хороших манер недостаточно, чтобы получить это место. Насколько глубоки твои познания?

– Глубоки в одних областях, – призналась Шаллан и, помедлив, прибавила: – И при-
скорбно мелки в других.

– Понятно.

Король впереди них, похоже, торопился, но был достаточно стар, чтобы даже его быстрый шаг казался медленным для молодых женщин.

– Тогда давай разберемся, что к чему. Отвечай правдиво и не преувеличивай, потому что я быстро раскрою твое вранье. Изображать ложную скромность тоже не надо. Не терплю жеманниц.

– Да, светлость.

– Начнем с музыки. Как бы ты оценила свои способности?

– Светлость, у меня хороший слух, – честно сказала Шаллан. – Меня учили играть на цитре и на свирели, но пою я лучше, чем играю. Вряд ли сумею сравниться с маститыми певицами, которых вам доводилось слышать, и все же худшей меня не назовешь. Я знаю большинство исторических баллад наизусть.

– Спой мне куплет из «Песенки Адрина».

– Здесь?

– Дитя, я не люблю повторять.

Шаллан покраснела, но начала петь. Это было не лучшее ее выступление, но голос звучал чисто, и она не перепутала слова.

– Хорошо, – сказала Ясна, когда Шаллан остановилась, чтобы перевести дух. – Языки?

Девушка на миг замялась, не в силах отвлечься от яростных попыток вспомнить следующий куплет. Языки?..

– Я, как видите, знаю ваш родной алетийский. Сносно читаю на тайленском и хорошо говорю на азирском. Могу объясниться на селайском, но читать на нем не умею.

Принцесса никак это не прокомментировала. Соискательница занервничала.

– Письмо? – спросила Ясна.

– Я знаю все старшие, младшие и региональные глифы и могу их каллиграфически изобразить.

– Большинству детей это по силам.

– Охранные глифы, которые я рисую, знакомые считают довольно впечатляющими.

– Охранные глифы? – переспросила Ясна. – У меня были основания предполагать, что ты хочешь стать ученой, а не апологетом суеверной чепухи.

– Я вела дневник с юных лет, – продолжала Шаллан, – чтобы практиковаться в письме.

– Мои поздравления. Если мне понадобится кто-то, чтобы написать трактат о набивном пони или отчет об интересном камешке, найденном во время прогулки, я пошлю за тобой. Ты можешь предложить мне что-то, демонстрирующее твои истинные способности?

Шаллан покраснела:

– Со всем уважением, светлость, вы же получили мое письмо, и оно было достаточно убедительным, чтобы вы согласились на эту аудиенцию.

– Резонно. – Ясна кивнула. – Тебе понадобилось много времени, чтобы до этого дойти. Как у тебя с логикой и сопутствующими искусствами?

– Я изучила основы математики, – сказала Шаллан, все еще растерянная, – и часто помогала отцу с несложными расчетами. Я прочитала собрания сочинений Тормаса, Нашана, Ниаи Справедливого и, конечно, Нохадона.

– Плачини?

Это еще кто?

– Нет.

– Габратин, Юстара, Маналин, Сьясикк, Шауки-дочери-Хасветы?

Шаллан съезжилась от досады и снова покачала головой. Последнее имя было явно шиноварским. Неужели у шинцев вообще есть мастера логики? Ясна и впрямь ожидала, что ее вероятная ученица окажется знакома с такими малоизвестными текстами?..

– Понятно. Ну а с историей как?

История. Шаллан съезжилась еще сильнее:

– Я... это одна из тех областей, в которых я заметно отстаю, светлость. Отец так и не смог подыскать для меня подходящую наставницу. Я читала исторические книги, которые ему принадлежали...

– А именно?

– Полное издание «Тем» Барлеши Лхан в основном.

Ясна пренебрежительно махнула рукой:

– Это едва ли стоило писать. «Темы» в лучшем случае собрание сплетен об исторических событиях.

– Прошу прощения, светлость.

– Досадный пробел. История – самое важное из литературных малых искусств. Твои родители должны были уделить этой области особое внимание, если они рассчитывали отправить тебя учиться у историка вроде меня.

– Светлость, мои обстоятельства необычны.

– Юная госпожа Давар, невежество едва ли стоит считать необычным. Чем дольше я живу, тем больше понимаю, что оно представляет собой естественное состояние человеческого разума. Многие рьяно защищают его святость и ждут, что их усилия сочтут впечатляющими.

Шаллан снова покраснела. Она понимала, что обладает кучей недостатков, но запросы Ясны непомерны! Девушка молчала, продолжая идти рядом с высокой принцессой. Этот коридор когда-нибудь закончится? Она была так растеряна, что даже не смотрела на картины, мимо которых проходила. Они завернули за угол, углубляясь в толщу скалы.

– Что ж, перейдем к наукам, – недовольно проговорила Ясна. – Что ты можешь сказать о себе в этом смысле?

– У меня разумные познания в науках, каких можно ожидать от девушки моих лет, – произнесла Шаллан чуть жестче, чем хотела.

– И это значит?

– Я разбираюсь в географии, геологии, физике и химии. Углубленно изучала биологию, поскольку могла этим заниматься с позволительной степенью самостоятельности в имении моего отца. Но если вы думаете, что я способна не моргнув глазом решить головоломку Фабризана, то, скорее всего, будете разочарованы.

– Юная госпожа Давар, по-твоему, у меня нет права предъявлять к своим потенциальным ученицам разумные требования?

– Разумные? Ваши требования столь же разумны, как те, что предъявили Десяти Вестникам в День доказательств! Со всем уважением, светлость, вы ждете, что ваши вероятные ученицы уже будут мастерами наук. Возможно, в этом городе есть пара восьмидесятилетних ревнителей, которые соответствуют вашим запросам. Они могли бы попытаться занять этот пост, хотя из-за глухоты, скорее всего, не расслышали бы вопросы, чтобы на них ответить.

– Понятно, – протянула Ясна. – С родителями ты разговариваешь в такой же дерзкой манере?

Шаллан поморщилась. Время, проведенное среди моряков, весьма ослабило ее контроль над собственным языком. Неужели она преодолела весь этот путь лишь для того, чтобы оскорбить Ясну? Девушка подумала о своих беспомощных братьях, которые старательно изображали, что Дом в полном порядке. Неужели ей придется вернуться к ним с пустыми руками, безрассудно истратив такой шанс?

– Светлость, я с ними так не говорю. И с вами не должна была. Простите.

– Что ж, по крайней мере, тебе хватает смирения признать ошибку. И все же я разочарована. Как же твоя мать решила, что ты готова для ученичества?

– Светлость, моя мать умерла, когда я была совсем маленькой.

– И отец снова женился. На Мализе Гевельмар, если не ошибаюсь.

Шаллан потрясла ее осведомленность. Дом Давар очень древний, но по силе и значению весьма заурядный. То, что Ясна знала имя мачехи Шаллан, говорило о многом.

– Моя мачеха недавно скончалась. Она не посылала меня в ученичество к вам. Я взялась за это самостоятельно.

– Мои соболезнования. Возможно, тебе лучше быть с отцом, заниматься семейными делами и стать его отрадой, а не тратить мое время.

Мужчины впереди опять свернули. Ясна и Шаллан последовали за ними и оказались в боковом узком коридоре с узорчатым красно-желтым ковром на полу и зеркалами на стенах.

Шаллан повернулась к Ясне:

– Отец во мне не нуждается. – Что ж, так оно и есть на самом деле. – Но я нуждаюсь в вас, как и показало это собеседование. Если невежество так сильно вас раздражает, разве не будет правильным дать мне шанс от него избавиться?

– Ты не первая, госпожа Давар. Ты двенадцатая в этом году, кто просит меня об ученичестве.

«Двенадцатая? – подумала Шаллан. – За год?»

А она-то решила, что женщины держатся подальше от Ясны из-за ее враждебности к обителям...

Они достигли конца узкого коридора, завернули за угол и увидели, к вящему изумлению Шаллан, место, где огромный кусок скалы упал с потолка. С десятков прислужников стояли там, и лица у некоторых были обеспокоенные. Что же случилось?

Большую часть мусора явно успели убрать, хотя в потолке многозначительно зияла дыра. Сквозь нее не было видно неба; они все время шли вниз и, вероятно, находились глубоко под землей. Массивный камень выше человеческого роста заблокировал дверь в левой части коридора. Попасть в комнату не было никакой возможности. Шаллан показалось, что

она слышит по ту сторону какие-то звуки. Король подошел к камню и попытался успокоить собравшихся, потом вытащил из кармана платок и вытер морщинистый лоб.

– Превратности проживания в доме, который вырезан прямо в скале, – пробормотала Ясна, приближаясь быстрым шагом. – Когда это случилось?

Похоже, принцессу не вызывали в город специально ради этого; король просто воспользовался ее появлением.

– Во время недавней Великой бури, светлость, – сказал Таравангиан. Он покачал головой, и его жидкие белые усы затряслись. – Дворцовые архитекторы, возможно, сумеют проделать дверь в комнату, но для этого нужно время, а следующий шторм случится всего через несколько дней. Кроме того, если мы начнем тут все ломать, потолок может снова обрушиться.

– Ваше величество, я полагала, Харбрант защищен от Великих бурь, – удивилась Шаллан, и Ясна бросила на нее быстрый взгляд.

– Город-то защищен, девушка, – проговорил король. – Но гора за нами принимает на себя всю силу удара. Иногда на той стороне случаются лавины, и весь горный массив содрогается. – Он посмотрел на потолок. – Обвалы очень редки, и мы считали, что эта часть достаточно безопасна, но...

– Но камень есть камень, – перебила его Ясна, – и нельзя определить, нет ли где-то под самой его поверхностью слабой жилы. – Она изучила монолит, упавший с потолка. – Это будет нелегко. Я, вероятно, потеряю очень ценный фокальный самосвет.

– Я... – начал король, снова вытирая лоб. – Если бы у нас был осколочный клинок...

Принцесса перебила его взмахом руки:

– Я не пыталась пересмотреть условия нашей сделки, ваше величество. Доступ в Паланеум того стоит. Вам следует послать кого-то за мокрыми тряпками. Пусть большая часть слуг перейдет в другой конец коридора. Вам я рекомендую сделать то же самое.

– Я останусь, – сказал король. Придворные, включая здоровяка в черной кожаной кирасе – видимо, капитана его личной гвардии, – тут же запротестовали. Король заставил всех умолкнуть взмахом морщинистой руки. – Я не стану прятаться как трус, когда моя внучка попала в ловушку.

Неудивительно, что он так расстроен. Ясна не стала спорить. Шаллан видела по лицу, что ее не очень-то беспокоит мысль о том, что король рискует жизнью. То же, по всей видимости, относилось и к самой Шаллан, потому что Ясна не приказала ей отойти. Подошли слуги с мокрыми кусками материи и роздали всем. Принцесса отказалась. Король и его гвардейцы прижали ткань к лицу, прикрывая рот и нос.

Девушка взяла свой кусок. Зачем он нужен? Пара слуг передали несколько мокрых тряпок через щель между скалой и стеной тем, кто был заперт внутри. Потом все слуги поспешили отойти подальше.

Ясна осматривала и ощупывала валун.

– Юная госпожа Давар, – сказала она, – какой метод вы бы применили, чтобы рассчитать массу этого камня?

Шаллан моргнула:

– Ну, думаю, я бы спросила его величество. Его архитекторы, скорее всего, это уже сделали.

Ясна склонила голову набок:

– Элегантный ответ. Верно, ваше величество?

– Да, светлость Холин, – подтвердил король. – Он весит примерно пятнадцать тысяч кавалей.

Ясна посмотрела на Шаллан:

– Удачный ход, юная госпожа Давар. Ученый должен знать, что не следует тратить время на поиски уже известных сведений. Это урок, о котором я иной раз забываю.

Девушка воспрянула духом, услышав это. Она ведь уже заподозрила, что Ясна скупа на похвалы. Означало ли это, что принцесса все еще раздумывает над вопросом о ее ученичестве?

Ясна подняла свободную руку, на которой блестел фабриаль. Сердце Шаллан забилося быстрее. Она еще не видела душезаклятия собственными глазами. Ревнителю использовали свои фабриали тайком, и она даже не знала, что отец обладает одним, пока они его не нашли. Конечно, тот не работал. Такова была одна из основных причин того, что Шаллан здесь.

Самосветы в духозаклинателе Ясны были громадными, из самых больших, что когда-нибудь видела Шаллан, и каждый стоил много сфер. Один – дымчатый кварц, безупречно черный и блестящий. Вторым – бриллиант. Третий оказался рубином. Всем трем гранильщик – граненый камень удерживал больше бурсвета – придавал удлиненную форму.

Ясна закрыла глаза и прижала руку к упавшему валуну. Подняла голову, медленно втянула воздух. Два камня на тыльной стороне ее ладони начали светиться ярче прежнего; дымчатый кварц так засиял, что на него трудно было смотреть.

Шаллан затаила дыхание. Она осмелилась только моргнуть, запечатлевая сцену в памяти. На одно долгое, растянутое мгновение все замерло.

А потом прозвучал низкий гул – будто где-то вдалеке несколько певцов пропели без слов одну чистую ноту в унисон.

Рука Ясны погрузилась в камень.

Валун исчез.

В коридоре взорвалась вспышка густого черного дыма. Егохватило, чтобы ослепить Шаллан; казалось, рядом с ней вспыхнула тысяча костров и запахло горелой древесиной. Девушка запоздало прижала к лицу мокрую тряпку и упала на колени. Странное дело – у нее заложило уши, как при спуске с большой высоты. Пришлось сглотнуть, чтобы избавиться от этого ощущения.

Она плотно зажмурилась – глаза начали слезиться – и затаила дыхание. В ушах у нее шумело.

Когда все прошло, поморгав, Шаллан увидела, что рядом к стене привалились король и его гвардеец. Дым все еще клубился у потолка, в коридоре сильно воняло. Ясна стояла с закрытыми глазами, словно не замечая дыма... хотя ее лицо и одежду покрывали хлопья сажи. Они также оставили отметины на стенах.

Шаллан о таком читала, но все равно была потрясена. Ясна преобразовала валун в дым, и, поскольку плотность дыма намного меньше плотности камня, в результате получился взрыв.

Значит, у Ясны действительно есть работающий инструмент. И очень мощный к тому же. Девять из десяти духозаклинателей годились лишь для ограниченных трансформаций: создание воды из зерна или камня; создание из воздуха или ткани простых каменных домов с одной комнатой. Более совершенный духозаклинатель, вроде того, каким владела Ясна, мог выполнить любую трансформацию. В буквальном смысле превратить одну субстанцию в другую. Должно быть, ревнителю весьма возмущены тем, что такая могущественная священная реликвия находится в руках человека, не входящего в орден. А ведь она еще и еретичка!

Шаллан с трудом поднялась на ноги. Девушка продолжала прижимать тряпку ко рту и вдыхала влажный, но свободный от пыли воздух. Она сглотнула – в ушах что-то снова щелкнуло, давление в коридоре возвращалось к норме. Миг спустя король бросился в освободившийся дверной проем. Маленькая девочка и несколько ее нянечек вместе со слугами

сидели по другую сторону и кашляли. Король сжал внучку в объятиях. Она была столь мала, что еще не носила рукав скромности.

Ясна открыла глаза и моргнула, словно на миг перестала понимать, где находится. Глубоко вздохнула, но не закашлялась. Она даже улыбнулась, как будто запах дыма ей нравился.

Потом повернулась к соискательнице и устремила на нее пристальный взгляд:

– Ты все еще ждешь ответа. Боюсь, тебе не понравится то, что я скажу.

– Но вы не завершили свои расспросы. – Шаллан вынуждала себя быть отважной. –

Вы точно не станете делать вывод, пока не узнаете все.

– И чего же я не знаю? – Ясна нахмурилась.

– Вы не спросили меня о женских искусствах. Вы не учли рисование и живопись.

– Я всегда находила их бесполезными.

– Но ведь это тоже искусства, – в отчаянии возразила Шаллан. Это были ее главные умения! – Многие считают изобразительное искусство самым утонченным из всех. Я принесла образцы. Я покажу вам, что умею.

Ясна поджала губы:

– Искусства легкомысленны. Я все взвесила, дитя, и я не могу тебя принять. Прости.

У Шаллан упало сердце.

– Ваше величество, – сказала Ясна королю, – я бы хотела отправиться в Паланеум.

– Сейчас? – спросил король, баюкая внучку. – Но у нас будет праздник...

– Ценю ваше приглашение. Однако у меня всего в избытке, кроме времени.

– Разумеется, – согласился король. – Я сам вас туда проведу. Спасибо за все, что вы сделали. Когда я услышал, что вы просите разрешение на вход... – Он продолжал болтать, а принцесса безмолвно следовала за ним по коридору.

Девушка прижала сумку к груди, убрала со рта ткань. Шесть месяцев погони – ради вот этого. Она сжала тряпку от досады, и грязная от сажи вода потекла между пальцами. Ей хотелось плакать. Наверное, она бы и впрямь расплакалась, если бы оставалась тем же ребенком, что и полгода назад.

Но все изменилось. Она изменилась. Если Шаллан потерпит неудачу, Дом Давар падет. Девушка почувствовала, как ее решимость удвоилась, хотя она все-таки не смогла удержать несколько слез разочарования, что выкатились из уголков глаз. Нельзя сдаваться до тех пор, пока Ясна не прикажет властям заковать настырную «ученицу» в цепи и выкинуть прочь.

Ступая на удивление твердо, Шаллан направилась в ту же сторону, куда ушла Ясна. Шесть месяцев назад братья узнали ее отчаянный план. Она станет ученицей Ясны Холин, ученой, еретички. Не ради знаний. Не ради славы. Но чтобы узнать, где принцесса хранит свой духозаклинатель.

И украсть его.

Угольная копия карты военного лагеря Садеаса, принадлежавшей рядовому-копейщику. Карта была нацарапана на панцире кремлеца размером с ладонь. Чернильные надписи на копии сделаны неизвестной ученой-алети, около 1173 г.

6

Четвертый мост

«Мне холодно. Мама, мне холодно. Мама? Почему я все еще слышу дождь? Он закончится?»

Записано в вевишес, 1172, 32 секунды до смерти. Наблюдалась светлоглазая девочка около шести лет.

Твлакв выпустил всех рабов из клеток. На этот раз он не боялся, что они сбегут или поднимут бунт. Только не здесь, где вокруг пустошь, а неподалеку – сотня с лишним тысяч вооруженных солдат.

Каладин вышел из фургона. Они заехали в одну из лощин, похожих на кратеры. На востоке вздымались ее зазубренные каменные стены. Землю очистили от растительности, и босые ноги скользили по размокшей почве. В углублениях собрались лужицы дождевой воды. Воздух был свежим и чистым, солнце ярко светило над головой, хоть из-за восточной влажности все казалось сырým.

Каладин видел вокруг признаки того, что армия здесь уже давно; война шла со смерти прежнего короля. То есть почти шесть лет. Все рассказывали истории о той жуткой ночи, когда дикари-паршенди убили короля Гавилара.

Мимо маршировали отряды, следуя указателям в виде нарисованных на каждом перекрестке кругов. В лагере было множество длинных каменных казарм, а палаток куда больше, чем Каладин разглядел сверху. Духозаклинатели нельзя использовать для постройки абсолютно всех убежищ. После воняющего рабского каравана это место пахло хорошо, да и запахи знакомые – дубленая кожа, смазанное оружие. Однако солдаты в большинстве своем выглядели неопрятно. Они не были грязными, но и не казались достаточно дисциплинированными. Бродили по лагерю небольшими группами, в расстегнутых мундирах. Кто-то тыкал пальцем

в сторону рабов и глумливо смеялся. И это войско великого короля? Отборные силы, что сражаются за честь Алеткара? К ним Каладин жаждал присоединиться?

Блат и Тэг внимательно следили за тем, как Каладин встает в строй вместе с остальными рабами, ожидая какого-нибудь фокуса. Но момент не подходил для провокаций – Каладин уже видел, как наемники ведут себя вблизи от регулярных войск. Блат и Тэг играли свои роли, выпячивая грудь и держа руки на оружии. Пинками загоняя рабов в строй, они одного ударили дубинкой в живот и грубо выругали.

К Каладину не приблизились.

– Королевская армия, – пробормотал стоявший рядом с ним темнокожий раб, что говорил о побеге. – Я думал, нас отправят в шахты. Что ж, все неплохо обернулось. Будем чистить уборные и ремонтировать дороги.

До чего же странно радоваться чистке уборных или труду на палящем солнце. Каладин надеялся на кое-что другое. Надеялся... Да, оказывается, он все еще помнит, что такое надежда. Копье в руках. Враг, с которым можно встретиться лицом к лицу. У него еще есть шанс это испытать.

Твлакв беседовал со светлоглазой женщиной в платье густого малинового цвета – явно важной персоной. Ее темные волосы были забраны в сложную высокую прическу, в них мерцали заряженные аметисты. Она походила на Лараль, какой та в итоге стала. Наверное, четвертого или пятого дана, жена и письмоводительница какого-нибудь офицера из этого лагеря.

Твлакв начал расхваливать свой товар, но женщина вскинула изящную руку.

– Работорговец, я вижу, что покупаю, – сказала она с мягким, аристократическим выговором. – Оценю их без твоей помощи.

Светлоглазая двинулась вдоль строя в сопровождении нескольких солдат. Ее платье было скроено по моде алетийской знати – шелковое, длинное, плотно облегающее в верхней части, с ровными юбками. Оно застегивалось по бокам на пуговицы, от талии до шеи; маленький воротничок расшит золотом. Длинный левый рукав прятал ее защищенную руку. Мать Каладина ограничивалась куда более практичной перчаткой.

Судя по лицу женщины, увиденное не очень-то ей понравилось.

– Эти люди истощены и больны, – сказала она, принимая у молодой помощницы тонкую трость, которой приподняла волосы одного из рабов, изучая клеймо на его лбу. – Ты просишь два изумрудных броума за голову?

Твлакв начал потеть.

– Возможно, полтора?

– И на что они мне? Таких грязнуль я не подпущу к еде, а для большей части остальной работы у нас есть паршуны.

– Моя госпожа, если вы недовольны, я могу отправиться к другим великим князьям...

– Нет, – отрезала дама и ударила раба, который отпрянул, когда она принялась его разглядывать. – Один с четвертью. Они могут рубить для нас дрова в северных лесах... – Она замолчала, заметив Каладина. – Так-так. А этот экземпляр получше остальных.

– Я предполагал, что он вам понравится. – Твлакв подбежал к покупательнице. – Раб доволен...

Она подняла трость, вынуждая Твлакву умолкнуть. На губе у нее была небольшая ранка. Измельченный корень скверносора ей бы помог.

– Сними рубаху, раб, – скомандовала она.

Каладин посмотрел прямо в эти голубые глаза и ощутил почти необоримое желание плюнуть в лицо светлоглазой. Нет. Нет, он не мог себе этого позволить. Не сейчас, когда появился шанс. Он вытащил руки из мешкообразного одеяния, и оно упало до талии, открывая грудь.

Несмотря на восемь месяцев рабства, Каладин все еще был мускулистым, не в пример остальным.

– Слишком много шрамов для юноши, – задумчиво проговорила аристократка. – Ты солдат?

– Да.

Девушка-спрен шмыгнула к женщине, изучая ее лицо.

– Наемник?

– Армия Амарама, – ответил Каладин. – Гражданин, второй нан.

– Бывший гражданин, – встрял Твлакв. – Он был...

Светлоглазая снова заставила работорговца замолчать, взмахнув тростью, и бросила на него строгий взгляд. Потом той же тростью она отвела волосы со лба Каладина и уставилась на него, цокая языком:

– Глиф «шаш». – (Несколько солдат шагнули вперед, схватившись за мечи.) – Там, откуда я родом, таких рабов просто казнят.

– Им везет, – сказал Каладин.

– И как же ты сюда попал?

– Кое-кого убил. – Каладин осторожно подбирал лживые слова. «Пожалуйста, – подумал он, обращаясь к Вестникам. – Пожалуйста...» Он уже так давно ни о чем не молился.

Женщина приподняла бровь.

– Светлость, я совершил убийство. Напился и сделал несколько ошибок. Но я могу обращаться с копьем не хуже других. Отправьте меня в войско вашего великого князя. Позвольте мне снова сражаться.

Было странно так врать, но эта женщина ни за что не позволит Каладину взять оружие в руки, если решит, что он дезертир. Пусть лучше считает, что он совершил убийство по неосторожности.

«Пожалуйста...» – подумал он. Так хотелось снова стать солдатом. В какой-то миг это показалось самой славной вещью, о которой только можно мечтать. Куда лучше умереть на поле боя, чем растратить свою жизнь, вынося чьи-то ночные горшки.

Твлакв шагнул к даме. Бросил взгляд на Каладина, вздохнул:

– Он дезертир, светлость. Не слушайте его.

«Нет!»

Яростная вспышка гнева уничтожила надежду. Каладин протянул руки к Твлакву. Он задушит эту крысу, он...

Что-то с хрустом ударило его по спине. Он охнул, зашатался и упал на одно колено. Дама отпрянула, обеспокоенно прижав защищенную руку к груди. Один из солдат схватил Каладина и опять поставил его на ноги.

– Что ж, – сказала она наконец, – очень жаль.

– Я могу сражаться! – прорычал парень сквозь боль. – Дайте мне копье. Позвольте мне...

Светлоглазая подняла трость, вынуждая его умолкнуть.

– Светлость, – проговорил Твлакв, не глядя на Каладина, – я бы не доверил ему оружие. Он действительно убийца, да еще и непокорный – не раз затевал бунты против своих хозяев. Я не могу продать его вам как закабаленного солдата. Совесть мне этого не позволит. – Работорговец помедлил. – И люди в его фургоне... он мог их всех сбить с толку своими разговорами о побеге. Моя честь требует, чтобы я вас предупредил.

Каладин стиснул зубы. Он едва сдерживался, чтобы не попытаться напасть на солдата, стоявшего позади, схватить его копье и потратить последние мгновения своей жизни, пытаясь воткнуть оружие во внушительное брюхо Твлаква. Почему? Какое Твлакву дело до того, как с Каладином будут обращаться в этой армии?

«Не стоило мне рвать его карту, – подумал Каладин. – Обиду возмещают чаще доброты». Одна из поговорок отца.

Женщина кивнула и двинулась дальше:

– Покажи мне этих людей. Я все же их возьму из-за твоей честности. Нам нужны новые мостовики.

Твлакв с готовностью кивнул. Задержавшись на миг, он склонился к Каладину:

– Я не могу рассчитывать на то, что ты будешь вести себя прилично. Люди в этом войске станут винить работорговца, который утаил важные сведения. Мне... жаль. – И поспешил прочь.

Каладин подавил рычание, высвободился из хватки солдат, но остался в строю. Ну и ладно. Рубить деревья, строить мосты, сражаться в армии. Какая разница. Он просто будет продолжать жить. Они отняли его свободу, семью, друзей и – самое главное – его мечты. Больше они уже ничего с ним не смогут сделать.

Закончив инспекцию, дама взяла у своей помощницы доску для письма и что-то быстро записала на закрепленной там бумаге. Твлакв отдал ей журнал, в котором было указано, насколько каждый раб успел выплатить свой выкуп. Судя по тем страницам, которые успел разглядеть Каладин, ни один из них не выплатил ничего. Возможно, Твлакв подделал цифры.

На этот раз Каладин, скорее всего, позволит зачислять все свое жалованье в счет долга. Пусть подергаются, когда поймут, что он не даст себя обмануть. Что они сделают, если он и впрямь приблизится к тому, чтобы отработать всю сумму? Наверное, он никогда этого не узнает – в зависимости от жалованья мостовиков, подобное могло занять от десяти до пятидесяти лет.

Светлоглазая дама отправила большинство рабов рубить лес. С полдюжины самых тощих попали в столовые, невзирая на то что она говорила раньше.

– А этих, – велела дама, указывая тростью на Каладина и других рабов из его фургона, – в мостовые расчеты. Скажите Ламарилу и Газу, что с высоким следует обращаться с особой осторожностью.

Солдаты рассмеялись, и один из них тычками и пинками направил Каладина и остальных в нужную сторону. Молодой раб терпел; у этих людей не было причин нежничать, и он не хотел давать им повод вести себя еще грубее. Если солдаты и ненавидели кого-то сильнее наемников, то только дезертиров.

По пути он не мог не заметить знамя, режущее над лагерем. На нем был тот же символ, что и на солдатских мундирах: желтая глифпара в виде башни и молота на темно-зеленом поле. Это было знамя великого князя Садеаса, верховного правителя родного округа Каладина. Что направило его сюда – каприз судьбы или ее же злая шутка?

Солдаты расслабленно отдыхали – даже те, кто был на дежурстве, – и улицы в лагере усеивали отбросы. Вокруг было полным-полно людей из обоза: проституток, работниц, бондарей, бакалейщиков и погонщиков скота. По импровизированным улицам этого наполовину города, наполовину военного лагеря даже бегали дети.

И еще здесь были паршуны. Носили воду, копали канавы, таскали мешки. Это его удивило. Разве война идет не с паршенди? Неужели никто не опасался бунта? Похоже, нет. Эти паршуны работали с той же покорностью, что и те, которых он видел в Поде¹. Может, так и надо. Алети сражались с другими алети у него на родине, почему бы и здесь паршунам не быть по обе стороны конфликта?

Солдаты повели Каладина в северо-восточную часть лагеря, и путь оказался долгим. Хотя каменные казармы были совершенно одинаковыми, край лагеря все время менялся, как зубчатый горный хребет. Старые привычки вынудили Каладина запомнить дорогу. Там,

¹ Под – досл.: каменная плита под очагом.

куда они пришли, высоченная стена оврага была разбита бесчисленными бурями, и сквозь брешь открывался обширный вид на восток. Это открытое пространство давало хорошую возможность войску собраться, прежде чем спуститься по склону на сами Расколотые равнины.

На северной окраине поля располагался небольшой отдельный лагерь, в котором было несколько десятков казарм, а в центре – лесной склад, где работали плотники. Они рубили те коренастые деревья, что Каладин видел на равнине снаружи, снимали с них волокнистую кору и распиливали на доски. Другая группа плотников собирала из этих досок большие конструкции.

– Мы будем работать с деревом? – спросил Каладин.

Один из солдат грубовато рассмеялся и ответил:

– Вы будете мостовиками.

Воин указал туда, где несколько человек весьма жалкого вида сидели на камнях в тени казармы и пальцами ели что-то из деревянных мисок. Их пища выглядела до боли похожей на баланду, которой рабов кормили в караване Твлаква.

Каладина снова пихнули, и он, спотыкаясь, спустился по пологому склону к казарме. Другие рабы последовали за ним – солдаты гнали их, как скот. Никто из сидевших у казармы на них даже не взглянул. На этих мужчинах были кожаные жилетки и простые штаны; кто-то носил грязные рубахи с воротом на шнуровке, кто-то и вовсе был по пояс голым. Эта грязная, замученная компания выглядела немногим лучше рабов, хотя и казалась чуть сильнее.

– Газ, новобранцы! – крикнул один из солдат.

В тени, поодаль от обедавших, отдыхал мужчина. Он повернулся, явив лицо, покрытое таким количеством шрамов, что борода росла клочками. Газ оказался одноглазым – имевшийся глаз был карим – и не утруждал себя повязкой. Белые узлы на плечах выдавали в нем сержанта, и он был поджарым и крепким, как все, кто, по опыту Каладина, уже много времени провел на войне.

– Вот эта ходячая немочь? – спросил Газ, приближаясь и что-то жуя. – Да они и стрелы не остановят.

Солдат рядом с Каладином пожал плечами и от души пнул его напоследок:

– Светлость Хашаль велела с этим сделать что-нибудь особенное. С остальными сам решай.

Солдат кивнул своим напарникам, и они поспешили прочь.

Газ окинул рабов взглядом. На Каладина он посмотрел в последнюю очередь.

– У меня есть военная подготовка. Я служил в армии великого лорда Амарама.

– Мне нет до этого дела, – резко ответил Газ и сплюнул что-то черное.

Каладин поколебался:

– Когда Амарам...

– Да что ты заладил? – рявкнул Газ. – Служил под началом какого-то заурядного землевладельца, ну и что? Хочешь меня этим впечатлить?

Каладин вздохнул. Он уже встречал таких людей – младших сержантов без надежды на продвижение по службе. У них вся радость жизни заключалась в возможности повелевать теми, чья участь была еще более жалкой. Что ж, ладно.

– У тебя клеймо раба. – Газ фыркнул. – Сомневаюсь, что ты вообще держал копье в руках. Как бы то ни было, придется тебе снизойти до нас, лорденыш.

Девушка-спрен спорхнула откуда-то и рассмотрела Газа, потом закрыла один глаз, подражая ему. По какой-то причине ее вид заставил Каладина улыбнуться. Газ неверно истолковал его улыбку. Он нахмурился и шагнул вперед, наставив на парня палец.

В тот же миг в лагере хором запели горны. Плотники вскинули голову, а солдаты, которые сопровождали Каладина, припустили со всех ног в центр лагеря. Рабы рядом с Каладином взволнованно завертели головой.

– Буреотец! – ругнулся Газ. – Мостовики! Вперед, вперед, обормоты!

Он начал пинками поднимать людей, что обедали. Они побросали свои миски, вскочили. Вместо положенных ботинок на них были обычные сандалии.

– Ты, лорденыш, – сказал Газ, ткнув пальцем в Каладина.

– Я же не говорил...

– Клянусь Преисподней, мне плевать, что ты говорил! Теперь ты в Четвертом мосту. – Он махнул рукой в ту сторону, куда направились мостовики. – Остальные ждите вон там. Я вас позже разделю. Двигайтесь, или я велю подвесить вас за ноги.

Каладин пожал плечами и побежал за мостовиками. Они оказались одной из команд, что выбирались из казарм или выныривали из переулков. Их, похоже, здесь было довольно много. Примерно пятьдесят казарм, в каждой – допустим – двадцать или тридцать человек... Значит, мостовиков в этом войске приблизительно столько же, сколько солдат во всей армии Амарама.

Отряд Каладина пересек лагерь, лавируя между досками и кучами опилок, и приблизился к большой деревянной штуковине. Она явно перенесла немало Великих бурь и несколько битв. Ее поверхность была иссечена и покрыта дырками, напоминавшими следы от стрел. Выходит, «мостовик» – это от слова «мост»?

Да, верно. Это и впрямь был деревянный мост, футов тридцати в длину и восьми в ширину. В передней и задней части скошенный, он не имел перил. Центральную часть сколотили из толстых досок и мощных несущих балок. Вокруг лежали где-то сорок – пятьдесят таких же сооружений. Видимо, по одному на каждую казарму, по отряду на мост? Рядом собирались около двадцати мостовых рас четов.

Газ где-то раздобыл деревянный щит и блестящую булаву, но для них ни того ни другого не нашлось. Он быстро проверил расчеты. Остановившись перед Четвертым мостом, сержант помедлил, а потом требовательно спросил:

– Где ваш старшина?

– Умер, – ответил один из мостовиков. – Кинулся в Ущелье Чести прошлой ночью.

Газ выругался.

– У вас когда-нибудь появится старшина, который протянет больше недели? Клянусь бурей! Стройтесь, я побегу рядом. Будете слушать мои приказы. Выберем другого старшину, когда увидим, кто выживет. – Газ ткнул пальцем в Каладина. – Ты, лорденыш, сзади. Остальные – шевелитесь! Забери вас буря, я не потерплю еще одного выговора из-за придурков! Вперед, вперед!

Рабы принялись поднимать мост. Каладин пристроился сзади. Он слегка ошибся в расчетах, – похоже, на одно такое сооружение требовалось от тридцати пяти до сорока человек. Места хватало для пятерых спереди и сзади – трое под мостом, двое по бокам – и для восьмерых в длинной части, хотя у этой команды людей было недостаточно.

Каладин присоединился к команде. Похоже, конструкцию делали из очень легкого дерева, но она все равно оказалась безумно тяжелой. С глухим стоном Каладин высоко поднял свою часть моста и встал под ним. Другие расположились по всей длине моста, и постепенно конструкция легла им на плечи. По крайней мере, снизу были перекладины, за которые можно держаться.

У других мостовиков имелись жилетки с наплечниками – они смягчали давление и компенсировали разницу в росте. Каладину жилетку не дали, так что деревянные перекладины врезались ему прямо в кожу. Он ничего не видел; под мостом имелось углубление для

головы, но обзор по всем направлениям преграждало дерево. У тех, кто стоял по краям, обзор был лучше; Каладин подозревал, что боковые места ценились больше.

Дерево пахло маслом и потом.

– Вперед! – донесся снаружи приглушенный голос Газа.

Парень запыхтел, когда команда перешла на бег. Он не видел, куда бежит, и старался не споткнуться, пока мостовой расчет продвигался по восточному склону к Расколотым равнинам. Вскоре Каладин истекал потом и вполголоса ругался; дерево терло и рвало кожу на его плечах, и уже потекла кровь.

– Ну ты и дурак, – сказал кто-то рядом.

Каладин глянул вправо, но деревянные рукоятки закрывали обзор.

– Ты... – еле выговорил молодой раб, – ты со мной разговариваешь?

– Не стоило оскорблять Газа. – Голос звучал приглушенно. – Он время от времени позволяет новичкам бежать в наружных рядах. Очень редко.

Каладин попытался ответить, но воздуха не хватило. Он считал, что находится в лучшей форме, но его восемь месяцев кормили баландой, били и запирали на время Великих бурь в протекающих фургонах, грязных сараях или клетках. Это не могло не сказаться.

– Глубокий вдох, глубокий выдох, – проговорил все тот же приглушенный голос. – Сосредоточься на шагах. Считай их. Это помогает.

Каладин последовал совету. Он слышал, как рядом бегут другие мостовые расчеты. За ними раздавались знакомые звуки – шаги марширующих солдат и стук копыт по камню. Там шла армия.

Внизу то и дело мелькали камнепочки и маленькие пластины сланцекорника, угрожая попасться под ноги и сбить его. Поверхность Расколотых равнин покрывали трещины, выходы горных пород и камни. Вот почему они не использовали мосты на колесах – по такой неровной местности носильщики передвигались, по всей видимости, намного быстрее.

Вскоре Каладин стер и изрезал ноги до крови. Неужели мостовикам не полагалось ботинок? Он стиснул зубы от боли и продолжал бежать. Это просто еще одна работа. Он выдержит, выживет...

Глухие удары. Под ногами оказались доски. Мост через пропасть между плато на Расколотых равнинах. Миг спустя мостовой расчет пересек его, и ноги Каладина опять ощутили камень.

– Шевелитесь, шевелитесь! – орал Газ. – Забери вас буря, поторапливайтесь!

Рабы бежали, а позади армия мчалась через мост, сотни ботинок стучали по доскам. Очень скоро у Каладина по спине потекли струйки крови. Дыхание превратилось в пытку, в боку болезненно кололо. Он слышал, как хрипло дышат остальные, – звуки в тесноте под мостом разносились отчетливо. Значит, не только ему тяжело. Хотя бы побыстрее добраться до места.

Пустая надежда.

Следующий час стал настоящей мукой. Хуже любых побоев, что он перенес, хуже любой из ран, полученных в бою. Их марш казался бесконечным. Каладин смутно припоминал постоянные мосты, которые видел, когда рассматривал равнины из фургона работорговца. Они соединяли плато в наиболее узких местах, там, где пропасти проще всего можно было пересечь. Это часто означало необходимость делать крюк на север или юг, прежде чем продолжить путь на восток.

Мостовики роптали, ругались, стонали, потом замолчали. Они пересекали мост за мостом, одно плато за другим. Каладин так и не сумел разглядеть ни одну из пропастей. Он все бежал и бежал. И снова бежал. И уже не чувствовал ног. Но понимал: если остановится, его побьют. Казалось, плечи стерты до костей. Он пытался считать шаги, однако был слишком измотан даже для такого.

Но продолжал двигаться.

К счастью, Газ наконец-то приказал им остановиться. Каладин моргнул, споткнулся и чуть не упал без сил.

– Поднимай! – заорал Газ.

Мостовики подняли – руки Каладина заныли от движения после того, как он столько времени держал мост и не шевелил ими.

– Опускай!

Стоявшие по краям отступили в стороны, и мостовики из средних рядов схватились за боковые рукоятки. Это очень неуклюже и тяжело, но у них, видимо, была возможность попрактиковаться. Они опустили мост на землю, не перевернув.

– Толкай!

Каладин растерянно шагнул назад, а остальные принялись толкать мост, ухватившись за рукоятки. Они были на краю пропасти, где не построили постоянный мост. Неподалеку другие мостовые расчеты занимались тем же самым.

Парень бросил взгляд через плечо. В войске было две тысячи человек в мундирах темно-зеленого и белого цвета. Двенадцать сотен темноглазых копейщиков, несколько сотен кавалеристов на редких, дорогих лошадях. За ними – большой отряд тяжелой пехоты, светлоглазые в мощных доспехах, вооруженные большими булавами и с квадратными стальными щитами.

Похоже, они специально выбрали место, где расщелина была узкой и первое плато оказалось немного выше второго. Мост в два раза шире расщелины. Газ выругал Каладина, и он присоединился к остальным, толкая мост по неровной земле. Когда тот глухо ударился о другую сторону, команда расступилась, позволяя кавалерии пересечь ущелье.

Каладин слишком вымотался, чтобы за этим наблюдать. Он рухнул спиной на камни и только слушал, как пехотинцы топают по мосту. Потом повернул голову. Другие мостовики тоже упали, где стояли. Газ носился среди остальных расчетов со щитом на спине, тряс головой и ворчал, какие же они все бестолковые.

Парень хотел бы и дальше лежать, глядя в небо и забыв про весь мир. Опыт, однако, подсказывал, что из-за этого начнутся судороги. Тогда обратный путь окажется еще хуже. Опыт... он принадлежал другому человеку, из другого времени. Почти что из темных дней. Но если Каладин и не мог стать прежним, то все же способен учитывать то, что знал.

И потому он со стоном вынудил себя сесть и начал растирать мышцы. Впереди солдаты пересекали четвертый мост, с копьями на изготовку, с выставленными щитами. Газ следил за ними с неприкрытой завистью, и девушка-спрен танцевала вокруг его головы. Несмотря на усталость, Каладин ощутил укол ревности. С чего вдруг она взялась докучать этому грубияну, а не ему?

Через несколько минут Газ заметил парня и нахмурился.

– Он удивляется, почему ты не лежишь, – сказал знакомый голос.

Человек, который бежал рядом с Каладином, лежал на земле неподалеку и смотрел в небо. Он был постарше, с седеющими волосами и длинным обветренным лицом. Незнакомец выглядел таким же измотанным, как сам Каладин.

Молодой раб продолжал растирать ноги, открыто игнорируя Газа. Потом оторвал несколько кусков от своего мешкоподобного одеяния и перевязал ступни и плечи. К счастью, он уже привык ходить босиком, так что ущерб оказался не настолько велик.

А когда закончил, по мосту прошел последний солдат. За пехотой двигалась группа верховых светлоглазых в блестящих латах. Они окружали величественного всадника в полированном красном осколочном доспехе. Всадник отличался от того, с которым Каладину довелось повстречаться. Говорили, что каждый такой доспех – это шедевр, непохожий на другие.

Замысловатые латы с пластинами внахлест, красивый шлем с поднятым забралом. Осколочный доспех казался чем-то чуждым. Его создали в иную эпоху – в те времена, когда по Рошару ходили боги.

– Это король? – спросил Каладин.

Мостовик с обветренным лицом устало рассмеялся:

– Как же!

Парень повернулся к нему, нахмурившись.

– Будь это король, мы оказались бы в войске светлорда Далинара.

Имя показалось Каладину смутно знакомым.

– Он великий князь, так? Дядя короля?

– Ага. Лучший из людей, самый уважаемый рыцарь во всей армии. Говорят, он ни разу не нарушил данного слова.

Каладин презрительно фыркнул. Почти то же самое говорили и про Амарама.

– Войско великого князя Далинара – то, о чем стоит мечтать, парень. У него нет мостовых расчетов. По крайней мере, таких.

– Ну все, кремлецы! – заорал Газ. – Подъем!

Мостовики застонали и с трудом поднялись. Каладин вздохнул.

Краткого отдыха хватило, чтобы показать, насколько он вымотался.

– Поскорей бы вернуться, – пробормотал он.

– Вернуться? – переспросил мостовик с обветренным лицом.

– Мы не поворачиваем обратно?

Его товарищ криво ухмыльнулся:

– Парень, да ведь мы не добрались туда, куда направляемся. И скажи спасибо, что мы еще не там. Там начинается самое страшное.

И кошмар перешел во вторую фазу. Они пересекли мост, вытянули его на другую сторону и снова подняли на плечи. Побежали через плато. А там опять опустили мост, чтобы пересечь другую расщелину. Армия перешла, и все продолжилось.

Это повторилось не меньше дюжины раз. Им, конечно, удавалось отдохнуть между переходами, но Каладин так устал, что кратких передышек не хватало. Он едва успевал перевести дух, как его вынуждали снова взваливать мост на плечи.

Они должны были делать это быстро. Мостовики отдыхали, пока армия пересекала расщелины, но им полагалось наверстывать упущенное, перебегая плато – обгоняя шеренги солдат, – чтобы оказываться у следующей пропасти до войска. В какой-то момент его товарищ с обветренным лицом предупредил, что, если они не успеют разместить мост достаточно шустро, по возвращении в лагерь их высекут.

Газ отдавал приказы, ругал мостовиков, пинал, когда они двигались слишком медленно, но сам ничего толком не делал. В душе Каладина очень скоро поднялась волна ненависти к этому сухопарому человеку со шрамами на лице. Странно – он никогда раньше не испытывал ненависти к своим сержантам. Ведь такова была их работа: ругать солдат и разжигать в них воодушевление.

Каладин пришел в ярость не от этого. Газ послал его в поход без сандалий и жилета. Несмотря на «бинты», у него останутся шрамы. Наутро будет весь в синяках и от боли не сможет встать.

То, что сделал Газ, выдавало в нем мелочного задиру. Он рисковал потерей носильщика и провалом всей задачи из-за обиды.

«Забери тебя буря!» – подумал Каладин, уповая на то, что ненависть к Газу поможет ему пережить испытание. Несколько раз он падал, толкнув мост на место, и думал, что уже не встанет. Но когда Газ приказывал им подняться, Каладин каким-то образом вставал, превозмогая себя. Или так, или Газ победит.

За что им все это? В чем причина? Почему им приходится так много бежать? Они должны защищать свой мост, свой ценный груз, свою ношу. Они должны держать небо и бежать, они должны...

Он бредит. Бежать, бежать. Раз-два, раз-два, раз-два.

– Стой!

Каладин остановился.

– Поднимай!

Он поднял руки.

– Бросай!

Отступил и опустил мост.

– Толкай!

Толкнул мост.

«Умри».

Последнюю команду Каладин каждый раз отдавал себе сам. Он снова рухнул на камень, задел камнепочку, и та спешно втянула лозы. Несчастный закрыл глаза, не в силах больше беспокоиться из-за судорог. Впал в транс, что-то вроде полусна, – казалось, тот продлился всего один удар сердца.

– Встать!

Каладин поднялся, шатаясь на окровавленных ногах.

– Переход!

Он пересек мост, не тревожась о смертельно опасной пропасти с каждой стороны.

– Тяни!

Парень схватился за рукоять и потянул мост через расщелину на себя.

– Меняемся!

Каладин растерянно выпрямился. Он не понял этой команды:

Газ ее отдал впервые. Солдаты строились, двигаясь с той смесью страха и вынужденной расслабленности, что нередко настигала людей перед битвой. Несколько спренов ожидания – похожих на растущие из земли красные ленточки, трепещущие на ветру, – вырвались из камня и заколыхались среди солдат.

Битва?

Газ схватил Каладина за плечо, толкнул к передней части моста и сказал со злобной ухмылкой:

– А сейчас, лорденыш, новички идут первыми.

Молодой раб тупо взялся за мост с остальными, поднял его над головой. Рукоятки здесь такие же, но имелась щель на уровне глаз. Сквозь нее можно видеть, что происходит снаружи. Все мостовики поменялись местами: те, кто бежал спереди, перешли назад, а те, кто был сзади, – включая Каладина и мостовика с обветренным лицом – вперед.

Новичок не спрашивал зачем. Ему было все равно. Впрочем, спереди оказалось куда лучше – легче бежать, видя, что перед тобой.

Пейзаж на плато был суровый; тут и там попадались пучки травы, но камень не давал ей как следует углубиться. Камнепочки встречались чаще – росли по всему плато, похожие на пузыри или валуны размером с человеческую голову. Многие были открыты, и лозы высовывались из них, словно толстые зеленые языки. Некоторые даже цвели.

После стольких часов, когда ему приходилось дышать спертым воздухом в тесном пространстве под мостом, бежать спереди оказалось почти приятно. Отчего они дали такое замечательное место новичку?

– Таленелат'Элин, страдалец из страдалцев, – в ужасе пробормотал человек справа от него. – Плохи наши дела. Они уже построились! Плохи наши дела!

Каладин моргнул, вглядываясь в приближающуюся расщелину. По другую сторону пропасти стояли шеренги солдат с багрово-черной кожей в мраморных разводах. Они были в странных доспехах ржаво-оранжевого цвета, которые закрывали предплечья, грудь, голову и ноги. Его оцепенелому разуму понадобилось мгновение, чтобы все осознать.

Паршенди.

Они не похожи на обычных рабочих-паршунов – куда мускулистее и крепче. У них было мощное сложение солдат, и у каждого из-за спины выглядывала рукоять оружия. У некоторых были темно-красные и черные бороды с вплетенными кусочками камней, иные же – чисто выбриты.

Пока Каладин смотрел, передний ряд паршенди опустился на одно колено и взял на изготовку луки, натянул тетивы. Не длинные луки, предназначенные для того, чтобы запускать стрелы высоко и далеко. Короткие, изогнутые, позволяющие стрелять прямо, быстро и мощно. Отличное оружие для того, чтобы убивать мостовиков, прежде чем те смогут перекинуть переправу.

«Там начинается самое страшное...»

И вот наконец-то разыгрался самый настоящий кошмар.

Газ держался позади, криками понуждая мостовой расчет двигаться. Инстинкты Каладина взвыли, но инерция моста несла его вперед. Заставляла идти прямо в глотку чудовища, которое уже оскалило зубы и приготовилось сомкнуть челюсти.

Изнеможение и боль покинули Каладина. Он пришел в себя. Мосты неслись, люди под ними кричали на бегу. Они бежали навстречу смерти.

Все лучники выстрелили одновременно.

Человек с обветренным лицом попал под первую же волну, в него угодили сразу три стрелы. Мостовик слева от Каладина также упал... Парень даже не успел увидеть его лица. Несчастный закричал, погибая не от стрел, но под ногами собственной команды. С потерей двоих мост потяжелел.

Паршенди спокойно снова натянули тетивы и выстрелили. Каладин краем глаза заметил, что другой мостовой расчет едва держится. Паршенди, похоже, целились в определенные мосты. В этот попало несколько десятков стрел, и первые три ряда мостовиков повалились под ноги тем, кто шел позади. Тяжелая конструкция завалилась, потом ее занесло, и она рухнула, с ужасным хрустом раздавив тех, кто оставался внизу.

Мимо Каладина просвистели стрелы и убили еще двоих в переднем ряду возле него. Несколько стрел ударились о дерево у его головы, одна рассекла щеку.

Каладин закричал. От ужаса, от шока, от боли, от полнейшей растерянности. Никогда раньше не доводилось ему чувствовать себя таким беспомощным. Он бросался в атаку на укрепления врага, бежал под ливнем стрел, но всегда знал, что в какой-то степени контролирует происходящее. У него были копья и щит, он мог защищаться.

Не в этот раз. Мостовые расчеты были точно свиньи, которых гнали на убой.

Третий дружный выстрел – и еще одна из двадцати команд полегла. Алети тоже пускали стрелы волна за волной, убивая и ранив паршенди. Расчет Каладина почти добрался до ущелья. Он видел черные глаза паршенди на другой стороне, мог различить черты их узких лиц с мраморной кожей.

Вокруг него мостовики кричали от боли, стрелы выбивали их из-под мостов. С жутким грохотом упал еще один мост, весь расчет погиб.

Позади них Газ заорал:

– Поднять и опустить, дурни!

Мостовики резко остановились в тот же момент, когда лучники-паршенди выстрелили снова. Люди за Каладином закричали. Стрельбу паршенди прервал ответный дружный

выстрел со стороны алетийской армии. Хотя Каладин от шока утратил способность чувствовать, его тело знало, что следует делать. Опустить мост, принять позицию для толчка вперед.

Это подставило под удар мостовиков, которые до сих пор были в безопасности в задних рядах. Лучники-паршенди явно этого ждали; они подготовились и выстрелили в последний раз. Волна стрел обрушилась на мост, убила с полдесятка человек, и на темное дерево брызнула кровь. Спрены страха фиолетовыми зигзагами выскочили из досок и начали извиваться вокруг. Мост вильнул и сделался намного тяжелее.

Каладин споткнулся; рукоять выскальзывала из пальцев. Он упал на колени на самом краю пропасти и едва удержался, чтобы не свалиться вниз.

Парень закачался, одной рукой ухватившись за скалистый уступ, в то время как другая его рука болталась над пустотой. Заглянул в бездонную тьму, и головокружение едва не свело его с ума. Как же красиво! Каладин всегда любил взбираться на высокие скалы с Тьеном.

Инстинкт самосохранения вынудил его отпрянуть от края. Группа пехотинцев, выставив щиты, заняла позиции и толкала мост вперед. Лучники обменивались стрелами с сородичами, пока солдаты не установили мост, и тогда тяжелая кавалерия обрушилась на противника. Четыре моста упали, но шестнадцать сумели навести, предоставив армии возможность для мощной атаки.

Каладин попытался отползти подальше, но просто рухнул, где стоял; его тело отказалось подчиняться. Он даже не мог перекатиться на живот и лишь обессиленно подумал: «Я должен идти... Проверить, жив ли тот, обветренный... перевязать его раны... спасти...»

Но не мог. Не мог пошелохнуться. Не мог думать. К собственному стыду, он позволил себе закрыть глаза и погрузиться в беспамятство.

– Каладин.

Он не хотел открывать глаза. Проснуться означало вернуться в мир жуткой боли. Мир, где незащищенных, измученных людей вынуждали бежать навстречу летящим стрелам.

Это был воплощенный кошмар.

– Каладин! – Женский голос был легким, как шепот, но требовательным. – Они собираются тебя бросить. Вставай! Ты погибнешь!

«Я не могу... я не могу вернуться... Оставь меня в покое».

Что-то ударило его по лицу – невесомое, но болезненное. Парень поморщился. Это было ничто по сравнению с остальной болью, но почему-то оно оказалось более действенным. Он поднял руку, отмахиваясь. Движения было достаточно, чтобы сбросить оцепенение.

Каладин попытался открыть глаза. С одним не вышло – кровь из пореза на щеке стекла на веки и запеклась плотной коркой. Солнце переместилось. Прошло несколько часов. Он застонал и сел, прочищая глаз от засохшей крови. Земля поблизости была усеяна трупами. В воздухе пахло кровью и кое-чем похуже.

Два мостовика, еле держась на ногах, пинали каждое тело по очереди, проверяли, кто живой, а потом снимали с трупов жилеты и сандалии, распугивая кремлецов, которые хотели поживиться мертвечиной. Каладина они не тронули. У него нечего было брать. Его бы оставили с трупами, бросили на плато в одиночестве.

Девушка-спрен нетерпеливо порхала над ним. Он потерял челюсть там, где она его ударила. Некоторые спрены могли двигать мелкие предметы и швыряться маленькими зарядами энергии, что делало их весьма убедительными.

Сегодня, видимо, это спасло Каладину жизнь. Он застонал, чувствуя боль сразу во многих местах.

– Дух, у тебя есть имя? – спросил несчастный, вынуждая себя подняться на израненные ноги.

На плато, куда перешла армия, солдаты обшаривали мертвых паршенди, что-то искали. Подбирали оружие, видимо? Похоже, войско Садеаса победило. По крайней мере, нигде не было видно живых паршенди. Они или погибли, или сбежали.

Это плато выглядело в точности как те, которые армия пересекла на пути к цели. Единственным отличием было то, что в его центре имелось... что-то большое. Оно выглядело как огромная камнепочка – вероятно, нечто вроде куколки или раковины высотой добрых двадцать футов. Одну сторону вскрыли, обнажив скользкие внутренности. Каладин не заметил это во время атаки: лучники отвлекли все его внимание.

– Имя, – рассеянным тоном проговорила спрен ветра. – Да. У меня действительно есть имя. – Она удивленно взглянула на израненного приятеля. – А почему у меня есть имя?

– Я-то откуда знаю?

Каладин вынудил себя пойти вперед. Ноги полыхали от боли.

Он сильно хромал.

Ближайшие мостовики изумленно вытаращили глаза, но парень не обратил на них внимания и ковылял по плато, пока не нашел труп мостовика, который все еще был в жилете и сандалиях. Тот самый человек с обветренным лицом, что был с ним так добр... Стрела попала ему в шею. Каладин не стал смотреть в его устремленные в небо глаза, где застыл ужас, а забрал одежду незнакомца – кожаный жилет, кожаные сандалии, рубашку на шнуровке, в красных кровавых пятнах. Каладин был себе противен, но знал, что не может рассчитывать на одежду от Газа.

Он сел и использовал те части рубашки, что были почище, чтобы сменить свои импровизированные повязки, потом надел жилет и сандалии, стараясь как можно меньше двигаться. Подул легкий ветерок, унося прочь запах крови и голоса солдат, звавших друг друга. Кавалерия уже строилась, словно им не терпелось вернуться.

– Имя. – Спрен ветра прошла по невидимой опоре и оказалась напротив его лица. Она опять была в облике молодой женщины, в развевающемся платье с изящными ножками. – Сильфрена.

– Сильфрена, – повторил молодой раб, завязывая сандалии.

– Сил, – сказала дух и наклонила голову. – Это забавно. Получается, у меня есть и прозвище.

– Поздравляю.

Каладин опять поднялся, шатаясь.

Поодаль, уперев руки в боки, стоял Газ со щитом на спине.

– Ты, – крикнул он, тыкая пальцем в Каладина. Потом жестом указал на мост.

– Да ты шутишь. – Каладин посмотрел, как остатки мостового расчета – меньше половины от первоначального числа – собираются вокруг моста.

– Неси или оставайся тут. – Газ как будто сердился.

«Предполагалось, что я погибну, – понял Каладин. – Потому он не дал мне ни жилета, ни сандалий. Я был в первом ряду».

Все, кто был с ним рядом, погибли.

Он почти что сел и позволил им уйти. Но смерть от жажды на безлюдном плато была не той смертью, которую стоило выбирать. Каладин заковылял к мосту.

– Не беспокойся, – сказал один из мостовиков. – На этот раз они позволят нам идти медленно, делать много привалов. И дадут несколько солдат в помощь – чтобы поднять мост, нужно самое меньшее двадцать пять человек.

Каладин вздохнул, занял свое место, и какие-то невезучие солдаты присоединились к ним. Вместе они подняли мост. Конструкция ужасно тяжелая, но им все же это удалось.

Бывший воин шел, неуклюже переставляя ноги. А ведь еще недавно казалось, жизнь уже не сможет с ним сделать такого, что было бы сквернее рабского клейма с глифом «шаш»,

хуже, чем потерять на войне все, ужаснее, чем потерпеть неудачу, спасая тех, кого поклялся защищать.

Похоже, он ошибся. Мир поберег для него кое-что особенное. Одну последнюю пытку, предназначенную исключительно для Каладина.

И имя ей – Четвертый мост.

7

В рамках здравого смысла

«Они полыхают. Они горят. Они приносят с собой тьму, и все, что можно увидеть, – это их полыхающую кожу. Горят, горят, горят...»

Записано в паланише, 1172, 21 секунда до смерти. Наблюдался ученик пекаря.

Шаллан заспешила по рыжевато-оранжевому коридору, покрытому теперь пятнами сажи. Девушка надеялась, что фрески на стенах не слишком пострадали.

Впереди показалась группа паршунов с тряпками, ведрами и стремянками – собирались отмывать грязь. Когда Шаллан проходила мимо, паршуны безмолвно поклонились. Они умели разговаривать, но редко это делали. Многие казались немыми. Ребенком она считала мраморные разводы на их коже красивыми. Это было до того, как отец запретил ей проводить время рядом с паршунами.

Она сосредоточилась на своей цели. Как же убедить Ясну Холин, одну из самых влиятельных женщин в мире, передумать и взять в ученицы Шаллан Давар? Принцесса явно упряма; она уже много лет сопротивлялась любому принуждению к миру со стороны обитателей.

Девушка вошла в главную пещеру с высоченным каменным потолком и нырнула в толпу хорошо одетых людей. Она чувствовала себя сбитой с толку, но увиденный мельком духозаклинатель ее зачаровал. Дом Давар в последние годы вышел из забвения. Это случилось в первую очередь благодаря политическим талантам ее отца, которого многие ненавидели, но беспощадность позволила ему высоко подняться. А еще благодаря богатству – доход от недавно открытых месторождений мрамора на землях семьи Давар.

Шаллан всегда подозревала, что с этим богатством что-то нечисто. Каждый раз, когда очередная каменоломня семьи оказывалась выработанной, ее отец вместе с помощником уходили и... обнаруживали новое месторождение. Только допросив советника, Шаллан и ее братья узнали правду: их отец, используя запретный духозаклинатель, создавал новые залежи, соблюдая разумную осторожность, чтобы получать доход, но не вызывать подозрений.

Никто не знал, откуда у него фабриаль, который она теперь прятала в своем защищенном кошельке. Духозаклинатель был испорчен – сломался в тот самый злосчастный вечер, когда умер отец. «Не думай об этом», – приказала себе Шаллан.

Они наняли ювелира, и тот отремонтировал испорченный инструмент, но фабриаль все равно не работал. Их дворецкий – доверенное лицо отца, советник по имени Луеш, – умел пользоваться устройством, но даже он не смог заставить духозаклинатель действовать.

Долги и обещания отца превосходили их возможности. У них не было выбора. У ее семьи осталось еще немного времени – скорее всего, не больше года, – прежде чем пропущенные платежи станут непростительными и прежде чем отсутствие отца уже невозможно будет скрыть. В кои-то веки изолированное, провинциальное расположение их земель оказалось преимуществом – этим они объясняли задержки в обмене сообщениями. Ее братья

вели игру, рассылая письма от имени отца, временами изображая его и распространяя слухи о том, что светлорд Давар планирует что-то грандиозное.

Все ради того, чтобы она смогла воплотить в жизнь свой отважный план. Разыскать Ясну Холин. Стать ее ученицей. Узнать, где принцесса держит духозаклинатель. И подменить его неработающим.

С фабриалем они откроют новые каменоломни и восстановят состояние. Сотворят еду, чтобы накормить свою армию. Имея достаточно средств, чтобы выплачивать долги и давать взятки, они смогут объявить о том, что отец скончался, не опасаясь уничтожения.

Шаллан замешкалась посреди главного холла, обдумывая следующий шаг. То, что она собиралась совершить, крайне рискованно. Ей придется исчезнуть так, чтобы ее в тот же миг не обвинили в краже. Хотя девушка уже достаточно времени посвятила размышлениям на эту тему, ничего придумать так и не удалось. Но у Ясны много сильных и знатных врагов. Должен быть способ свалить на них «поломку» фабриала.

Об этом она подумает позже. Пока что ей как-то предстояло убедить принцессу взять себя в ученицы. Любой другой результат неприемлем.

Шаллан нервно вскинула руки в знак просьбы о помощи: прикрытая защищенная рука пересекает грудь и касается локтя свободной, поднятой и с растопыренными пальцами. Подошла полная женщина в сильно накрахмаленной белой рубашке со шнуровкой и черной юбке – такая одежда была универсальным знаком старшего слуги – и почтительно присела:

– Да, светлость?

– Паланеум, – сказала Шаллан.

Женщина поклонилась и повела ее вглубь длинного коридора.

У большинства женщин вокруг – включая служанок – волосы были убраны, и Шаллан почувствовала себя слишком заметной из-за распущенных волос. Из-за рыжины она еще сильнее выделялась на общем фоне.

Вскоре пол круто пошел вниз. Но и через четверть часа Шаллан все еще различала где-то позади звон колокольчиков. Возможно, потому здешние жители их и любили; благодаря колокольчикам даже в недрах Конклава можно слышать мир снаружи.

Прислужница подвела ее к величественным стальным дверям и поклонилась. Шаллан отпустила ее кивком.

Она не могла не восхититься красотой дверей; створки покрывала искусная резьба – сложные геометрические узоры из кругов, линий и глифов. Что-то вроде чертежа, разделенного на две половины. Увы, изучать детали было некогда, и она вошла.

За дверями обнаружилась такая большая комната, что просто дух захватывало. Стены из гладкого камня тянулись ввысь; слабое освещение не позволяло определить, насколько высоко, но она видела где-то далеко огоньки. На стенах рядами располагались маленькие балконы, в точности как частные ложи в театре. Из многих лился мягкий свет. Единственными звуками были шелест страниц и тихий шепот. Шаллан прижала защищенную руку к груди: великолепное помещение подавляло ее.

– Светлость? – К ней приблизился молодой слуга. – Вам что-то нужно?

– Да, новое чувство перспективы, – рассеянно проговорила Шаллан. – Что...

– Перед вами Вуаль, – негромко объяснил слуга. – Она предваряет сам Паланеум. Оба возникли еще до того, как был основан город. Некоторые считают, что эти залы вырезали сами Певцы зари.

– А где книги?

– Паланеум как таковой находится вон там. – Слуга взмахом руки указал на несколько дверей на другой стороне зала.

Через них она вошла в маленькое помещение, разделенное на части толстыми хрустальными стенами. Шаллан подошла к ближайшей, потрогала. Поверхность хрусталя была грубой, как тесаный камень.

– Духозаклятые? – спросила она.

Слуга кивнул. За ним прошел другой прислужник, указывая путь пожилому ревнителю. Как и у большинства ревнителей, у этого старика была бритая голова и длинная борода. Простые серые одеяния подвязаны коричневым кушаком. Слуга увел его за угол, и Шаллан теперь едва могла различить их силуэты с другой стороны, точно тени, плавающие в хрустале.

Она шагнула вперед, но ее спутник кашлянул:

– Мне понадобится ваш пропуск, светлость.

– Сколько он стоит? – нерешительно спросила Шаллан.

– Тысячу сапфировых броумов.

– Так дорого?

– На обслуживание множества больниц, открытых королем, требуются средства, – извиняющимся тоном сказал мужчина. – Харбрант может продавать лишь рыбу, колокола и сведения. Первые два вида товаров едва ли уникальны. А вот третье... скажем так, Паланеум – величайшая коллекция книг и свитков во всем Рошаре. Возможно, превосходящая даже Святой Анклав в Валате. Согласно последним подсчетам, в наших архивах семьсот тысяч текстов.

Ее отцу принадлежали восемьдесят семь книг. Шаллан их всех прочла несколько раз. Сколько же сведений может содержаться в семистах тысячах?! Так много, что с ума можно сойти. Как же ей хотелось ознакомиться с содержимым тайных полок! Можно было провести месяцы за чтением одних только названий.

Но нет. Возможно, когда она убедится, что братья в безопасности... что состояние семьи восстановлено... тогда и вернется. Может быть.

Девушке показалось, что она отказывается от теплого фруктового пирога, умирая от голода.

– Я могу подождать где-нибудь здесь?

– Вы можете использовать один из читательских альковов, – ответил слуга, расслабившись. Вероятно, он боялся, что она устроит сцену. – За них платить не надо. Там есть служители-паршуны, которые поднимут вас на верхние уровни, если пожелаете.

– Спасибо, – поблагодарила Шаллан и, повернувшись спиной к Паланеуму, опять почувствовала себя ребенком, которого заперли в комнате и не разрешили играть в саду из-за безумных страхов отца. – А светлость Ясна уже выбрала альков?

– Я могу узнать, – сказал слуга и повел Шаллан обратно в Вуаль, с ее далеким, невидимым потолком. Потом поспешно удалился, чтобы поговорить с кем-то еще, и оставил Шаллан у двери в Паланеум.

Она может вбежать внутрь. Пробраться...

Нет. Братья дразнили ее за излишнюю робость, но не робость сейчас удерживала ее на месте. Там, несомненно, есть охрана, и проникать туда бесполезно, это лишь уничтожит все шансы переубедить Ясну.

Заставить Ясну выслушать, доказать свою правоту. Даже от мыслей об этом Шаллан становилось плохо. Девушка ненавидела споры. В юности она ощущала себя изящной хрустальной фигуркой, которую выставили в шкафу под стеклом, чтобы можно было смотреть, но не трогать. Единственная дочь, последнее, что напоминает о любимой супруге светлорда Давара. По-прежнему казалось странным, что именно ей пришлось всем заняться после... после происшествия... после...

Воспоминания атаковали ее. Нан Балат в синяках, жилет изорван. Длинный серебряный меч в ее руке, достаточно острый, чтобы резать камни, точно воду.

«Нет. – Шаллан оперлась о каменную стену и сжала сумку. – Нет. Не думай о прошлом».

По привычке ища утешения в рисовании, девушка уже собралась достать бумагу и карандаши, но тут вернулся слуга.

– Светлость Ясна Холин действительно попросила выделить ей читательский альков, – сообщил он. – Вы можете подождать там, если желаете.

– Желаю, – сказала Шаллан. – Спасибо.

Слуга подвел ее к огороженному пространству, внутри которого четыре паршуна стояли на крепкой деревянной платформе. Шаллан в сопровождении прислужника ступила на платформу, и паршуны начали тянуть веревки, прикрепленные к вороту наверху, поднимая платформу. Единственными источниками света были сферы-броумы, закрепленные по углам подъемника на потолке. Аметисты, излучавшие мягкий фиолетовый свет.

Ей нужен план. Ясна Холин не из тех, кто может легко передумать. Шаллан придется ее чем-то поразить.

Они поднялись футов на сорок над поверхностью, и слуга взмахом руки велел паршунам остановиться. Шаллан последовала за старшим слугой по темному коридору к одному из балкончиков, что выступали на стене Вуали. Он был круглый, точно башенка, с каменными, по пояс, перилами. Занятые альковы мерцали разными цветами освещавших их сфер; в окружающей тьме огромного пространства казалось, будто балкончики зависли в пустоте.

В алькове стоял длинный изогнутый каменный стол, единственный стул и хрустальный сосуд, похожий на кубок. Шаллан поблагодарила кивком слугу. Тот удалился, а девушка вытащила горсть сфер и бросила в кубок, освещая альков.

Вздыхнув, уселась и положила сумку на стол. То завязывая, то развязывая шнурки на сумке, она пыталась придумать хоть что-нибудь, что позволило бы переубедить Ясну.

«Сначала, – решила Шаллан, – мне следует очистить разум».

Девушка достала стопку плотной рисовальной бумаги, несколько угольных карандашей разной толщины, кисточки и стальные перья, чернила и акварельные краски. Последним она вытащила один из своих маленьких альбомов – листы в обложке, – в котором были натурные зарисовки, сделанные на протяжении недель на борту «Услады ветра».

Эти незамысловатые вещи для Шаллан стоили больше полного сундука сфер. Она взяла верхний лист в пачке, потом выбрала заточенный угольный карандаш и покрутила в пальцах. Закрыла глаза и вызвала в памяти образ: Харбрант, каким она его запомнила в тот момент, когда сошла на причал. Волны колышутся у деревянных опор, в воздухе пахнет солью, люди взбираются по вантам, взволнованно окликают друг друга. И сам город, раскинувшийся на склонах холмов, – дома построены очень плотно, ни пяди земли не пропадает зря. Где-то далеко слышится тихий перезвон колокольчиков.

Она открыла глаза и принялась рисовать. Ее пальцы двигались сами по себе, для начала нанося широкие штрихи. Похожая на ущелье долина, в которой лежал город. Порт. Тут – квадраты, которые потом превратятся в дома, там – зигзаг, отмечающий резкий поворот широкой дороги, ведущей вверх, к Конклаву. Очень медленно она добавляла деталь за деталью. Тени-окна. Линии, заполняющие улицы. Намеки на людей и телеги, чтобы показать хаос оживленных улиц.

Девушка читала о том, как работали скульпторы. Многие брали обычный каменный блок и на первом этапе придавали ему условную форму. Потом обрабатывали снова и снова, с каждым разом добавляя детали. Она рисовала так же. Сначала широкие штрихи, затем детали – все больше и больше деталей – и наконец-то самые тонкие линии. Шаллан не училась графике, она просто делала то, что считала нужным.

Город под ее рукой обретал форму. Художница убеждала его появиться линия за линией, штрих за штрихом. Что бы она делала без этого? Напряжение спадало, словно утекающая сквозь ее пальцы и карандаш.

Работая, Шаллан теряла ощущение времени. Иногда она будто впадала в транс, и все вокруг исчезало. Ее пальцы как будто действовали сами по себе. Предаваться размышлениям, рисуя, было намного легче.

Очень скоро она перенесла образ из памяти на страницу. Подняла лист, удовлетворенная, расслабленная, – ее разум был чист. Запечатленный Харбрант покинул память – он весь перешел на бумагу. В этом тоже ощущалось что-то расслабляющее. Как будто ее разуму приходилось прилагать усилия, чтобы удерживать образы, пока не представится возможность их использовать.

Потом нарисовала Ялба – без рубашки и в жилете, жестом подзывающего коренастого возчика, который доставил ее к Конклаву. Она работала и улыбалась, вспоминая приветливый голос матроса. Тот, наверное, уже вернулся на «Усладу ветра». Ведь два часа миновали? Скорее всего.

Шаллан доставляло больше удовольствия рисовать животных и людей, а не вещи. Было что-то воодушевляющее в возможности перенести живое существо на бумагу. Город представлял собой линии и прямые углы, а человек – круги и изгибы. Сумеет ли она правильно изобразить ухмылку Ялба? Сумеет ли показать его ленивое спокойствие, то, как он заигрывает с женщиной, которая намного выше его по положению? А вот носильщик с тонкопальными руками, обутый в сандалии, в длинной куртке и мешковатых штанах. Его странный язык, пронизательный взгляд и даже этот его план по увеличению чаевых – превращение обычной поездки в настоящую экскурсию...

Рисуя, она чувствовала себя так, будто работала не просто с углем и бумагой. Создавая портрет, художница погружалась в самую душу. Есть растения, от которых можно отрезать небольшой кусочек – лист или маленькую часть ствола, – потом посадить и вырастить такое же растение. Создавая образ человека, Шаллан отщипывала побег души и на бумаге высаживала его, растила. Уголь вместо сухожилий, бумажная масса вместо костей, чернила вместо крови, шершавый лист вместо кожи. Она работала в определенном ритме и темпе, а шуршание карандаша по бумаге – это словно дыхание того, кого изображала.

Спрены творения начали собираться вокруг блокнота, разглядывать ее работу. Как и другие спрены, они, по слухам, всегда рядом, но обычно остаются невидимыми. Иногда удавалось их привлечь. Иногда нет. В рисовании это зависело от навыка.

Спрены творения были среднего размера, величиной с ее палец, и излучали мягкий серебристый свет. Они постоянно изменяли форму. Обычно принимали облик вещей, виденных недавно. Погребальная урна, человек, стол, колесо, гвоздь. Всегда одинакового серебристого цвета, всегда одинаково миниатюрные. Они в точности имитировали очертания предметов и существ, но двигались при этом странно. Стол мог кататься, как колесо, а урна разбивалась и восстанавливала сама себя.

Ее рисунок привлек с полдюжины спренов; акт творения приманил их, как яркий огонь приманил бы спренов пламени. Шаллан привыкла не обращать на них внимания. Они были нематериальны – если она задевала одного, его тело развеивалось, точно песок на ветру, а потом появлялось вновь. Художница ничего не чувствовала, прикасаясь к ним.

В конце концов она подняла страницу, довольная. На ней были изображены Ялб и возчик в деталях, с намеками на оживленный город позади. У нее получилось передать их взгляды. Это самое важное. Каждая из десяти Сущностей соответствовала каким-нибудь частям человеческого тела – кровь как жидкость, волосы как древесина и так далее. Глаза соответствовали хрусталику и стеклу. Они были окнами в разум и душу человека.

Она отложила страницу. Некоторые люди собирали трофеи. Другие – оружие или щиты. Многие собирали сферы.

Шаллан собирала людей. Людей и интересных существ. Возможно, это было связано с тем, что значительную часть своей юности она провела будто в тюрьме. Девушка давно научилась запоминать лица, но рисовала их не сразу. Дело в том, что отец однажды обнаружил, что она изображает садовников. Его дочь? Рисует портреты темноглазых? Он пришел в ярость – это был один из редких случаев, когда Шаллан пострадала от его печально знаменитого нрава.

После этого она стала рисовать людей, только будучи в одиночестве, а в остальное время набрасывала насекомых, панцирных и растения, которые видела в саду вокруг особняка. Отец не возражал – зоология и ботаника вполне подходящие занятия для женщины – и поощрял ее избрать естествознание своим Призванием.

Шаллан взяла третий чистый лист. Он словно умолял себя заполнить. Чистая страница – это еще нереализованная или уже упущенная возможность. Точно полностью заряженная сфера, которую так и не вынули из кошель и не позволили ее свету приносить пользу.

«Заполни меня».

Спрены творения собрались вокруг страницы. Застыли, словно в предвкушении. Шаллан закрыла глаза и вообразила Ясну Холин с мерцающим духозаклинателем на руке перед заблокированной дверью. В холле тишина, лишь где-то хнычет ребенок. Прислужники затаили дыхание. Король нетерпелив. Все почтительно замерли.

Шаллан открыла глаза и начала энергично рисовать, осознанно растворяясь в образах и воспоминаниях. Чем меньше она была в «сейчас» и чем больше в «тогда», тем лучше получался набросок. Два других были для разогрева; этот должен стать шедевром дня. Ее защищенная рука держала доску, к которой крепилась бумага, а свободная летала над листом, время от времени меняя карандаши. Мягкий уголек для глубокой, густой черноты, как прекрасные волосы Ясны. Жесткий – для светло-серых тонов, как мощные волны света, исходящие из камней духозаклинателя.

На несколько мгновений Шаллан вернулась в тот коридор понаблюдать за невероятным событием – за тем, как еретичка повелевает одной из самых священных сил в мире. Изменяющей силой, той самой, посредством которой Всемогущий создал Рошар. У Всемогущего было иное имя, которое могли произносить только ревнители, – Элитанатиль Преображающий Суть.

Шаллан вдохнула затхлый воздух того коридора. Услышала, как всхлипывает маленькая девочка. Почувствовала, как колотится сердце от возбуждения. Валун скоро преобразится. Высосав бурсвет из самосвета Ясны, он откажется от своей сущности и станет чем-то другим. У Шаллан перехватило дыхание.

А потом воспоминание растаяло, и она вернулась в тихий альков, погруженный в полумрак. На странице теперь красовалось безупречное изображение всего случившегося в черном и сером цвете. Горделивая принцесса взидала на каменную глыбу, требуя, чтобы та покорилась ее воле. Ясна была как живая. Чутье художницы подсказало Шаллан, что это одна из лучших ее работ. Девушка в каком-то смысле взяла в плен Ясну Холин. Ее охватил безудержный восторг. Даже если эта женщина снова откажет Шаллан, одно уже не изменится: принцесса теперь часть ее коллекции.

Шаллан вытерла пальцы специальной тряпицей, потом подняла рисунок. Рассеянно отметила, что привлекла уже два десятка спренов творения. Придется залакировать страницу соком слоедрева, чтобы закрепить уголь и не дать ему размазаться. Сок был у нее в сумке. Но сначала она хотела изучить рисунок и женщину, изображенную на нем. Кто же такая Ясна Холин на самом деле? Не та, кого можно запугать, это уж точно. Она была жен-

щиной до мозга костей, знатоком женских искусств, но ее ни в коем случае нельзя назвать нежной.

Такая оценит решимость Шаллан. Она примет еще одну просьбу об ученичестве, если та будет представлена надлежащим образом.

Ясна – рационалистка; женщина, которой хватило смелости отрицать существование Всемогущего, опираясь на собственные умозаключения. Ясна оценит силу, но только если та будет проистекать из логики.

Шаллан кивнула, взяла четвертый лист и ручку-кисть с тонким кончиком, потом потрясла и открыла чернильницу. Ясна потребовала доказательства способностей соискательницы к письму и логике. Что ж, разве есть лучший способ сделать это, чем перейти к просьбам в письменной форме?

Светлость Ясна Холин, – написала Шаллан, вырисовывая буквы со всей аккуратностью и красотой, на какую была способна. Она могла бы воспользоваться обычным пером, но ручка-кисть предназначалась для шедевров. Девушка собиралась сотворить на странице именно шедевр. – Вы отклонили мое прошение. Я это принимаю. И все же любой, изучавший формальную логику, знает, что ни одно предположение не может считаться аксиомой.

На самом деле довод звучал иначе: «Ни одно предположение – за исключением существования Всемогущего – не может считаться аксиомой». Но такая оговорка не оставит Ясну равнодушной.

Ученый должен быть готов к перемене своих теорий, если эксперимент докажет их несостоятельность. Я не устаю надеяться, что Вы относитесь к принятым решениям в том же духе: как к предварительным результатам, ожидающим дальнейших сведений.

Из нашей краткой беседы я поняла, что Вы высоко цените упорство. Вы похвалили меня за то, что я продолжала Вас искать. Вследствие этого, предполагаю, Вы не сочтете письмо признаком дурного тона. Примите его как доказательство моего рвения стать Вашей ученицей, а не как пренебрежение высказанным Вами решением.

Шаллан коснулась губ кончиком стержня кисти, обдумывая следующую фразу. Спрены творения медленно исчезали, растворялись. Говорили, существуют спрены логики, похожие на маленькие буревые тучи, и привлекают их великие споры, но девушка никогда таких не видала.

Вы ожидаете доказательства моей важности, – продолжила она. – Хотела бы я продемонстрировать, что мои познания обширнее, чем показало собеседование. К несчастью, у меня нет оснований затевать такой спор – в них и впрямь имеются слабые места. Это ясно и не подлежит разумному оспариванию.

Но жизни мужчин и женщин представляют собою нечто большее, нежели логические головоломки; подоплека их личного опыта неоценима для принятия правильных решений. Мои познания в логике недотягивают до Ваших стандартов, но даже я знаю, что у рационалистов есть правило: нельзя возводить логику в абсолют там, где идет речь о людях. Мы не просто мыслящие существа.

Таким образом, представленный здесь довод основан на объяснении моего невежества. Это объяснение, но не оправдание. Вы выразили недовольство тем, что меня обучали столь небрежно. Куда смотрела моя

мачеха? Куда смотрели мои наставницы? Почему мною занимались так плохо?

Неловко в этом признаваться: у меня было несколько наставниц, но я фактически не обучалась ничему. Моя мачеха пыталась это исправить, но она сама была необразованной. Это тайна, которую тщательно берегут: во многих веденских семьях не уделяют внимания должному воспитанию женщин.

В детстве у меня было три разных наставницы, однако каждая уходила через несколько месяцев, объясняя свое решение нравом моего отца, его грубостью. В том, что касается образования, меня предоставили самой себе. Я изучила, что смогла, посредством чтения, заполняя пробелы благодаря своей природной любознательности. Но я не могу сравниться по знаниям с той, кого учили как положено и много за это платили.

Почему этот довод является основанием для того, чтобы принять меня в ученицы? Потому что за все свои знания мне приходилось сражаться самой. Я охотилась за тем, что другим приносили на блюде. Я считаю, что по этой причине мои познания – хоть и ограниченные – обладают дополнительной ценностью и важностью. Я уважаю Ваши решения, но осмелюсь просить Вас пересмотреть их. Кого бы Вы предпочли? Ученицу, которая способна повторять правильные ответы, потому что наставница за огромное жалованье хорошенько ее выдрессировала, или ученицу, которой приходилось сражаться и драться ради того, чтобы что-то узнать?

Заверяю, одна из них оценит Ваши наставления куда выше, чем другая.

Шаллан подняла кисть. Теперь, когда девушка осмысливала свои доводы, они казались несовершенно. Может ли невежество понравиться Ясне? И все-таки интуиция подсказывала, что так правильно, хоть письмо и было ложью. Ложью, сооруженной из правды. Она ведь явилась сюда не ради того, чему могла научить ее Ясна. Шаллан пришла обворовать еретичку.

Ощувив болезненный укол совести, Шаллан едва не скомкала страницу. Шаги в коридоре снаружи вынудили ее замереть. Она вскочила, завертелась, прижав защищенную руку к груди. Девушка не могла подыскать нужные слова, чтобы объяснить свое присутствие Ясне Холин.

Свет и тени заиграли в коридоре, а потом кто-то робко заглянул в альков, держа в руке единственную сферу, излучавшую белый свет. Это была не Ясна. Это оказался мужчина двадцати с небольшим лет, в простом сером одеянии. Ревнитель. Шаллан расслабилась.

Молодой человек ее заметил. У него было узкое лицо с пронизательными синими глазами. Короткая ровная борода, голова обрита.

– Ох, прошу прощения, светлость, – проговорил он тоном, выдававшим образованного и вежливого человека. – Я думал, это альков Ясны Холин.

– Так и есть, – сказала Шаллан.

– А-а. Вы тоже ее ждете?

– Да.

– Я не причиню вам ужасных неудобств, если тоже здесь подожду?

У него был легкий гердазийский акцент.

– Разумеется, нет, ревнитель. – Она уважительно кивнула и поспешно собрала свои вещи, освобождая для него место.

– Светлость, я не могу занять ваш стул! Я принесу себе другой.

Она протестующе вскинула руку, но ревнитель уже вышел. Вернулся быстро, неся стул из другого алькова. Молодой человек был высоким, худощавым и – думая об этом, Шаллан ощутила легкую неловкость – довольно красивым. Ее отцу принадлежали только три ревнителя, и все пожилые. Они путешествовали по его землям, навещали деревни, проповедовали, помогая крестьянам достигать Вех в их Славе и Призвании. В ее коллекции имелись их портреты.

Ревнитель опустил стул и замешкался перед тем, как сесть, глядя на стол.

– Вот это да... – сказал он с удивлением.

На миг Шаллан решила, что он читает ее письмо, и почувствовала беспричинный приступ паники. Ревнитель, однако, разглядывал три рисунка, что лежали на краю стола, ожидая лакировки.

– Это ваше, светлость?

– Да, ревнитель, – сказала Шаллан, опустив глаза.

– Ну что же вы так официально! – воскликнул ревнитель, подавшись вперед и поправляя очки, чтобы лучше рассмотреть ее работу. – Прошу вас, я брат Кабзал или просто Кабзал. Честное слово, этого достаточно. А вы?

– Шаллан Давар.

– Светлость, клянусь золотыми ключами Веделедев! – Брат Кабзал выпрямился. – Это Ясна Холин научила вас так обращаться с карандашом?

– Нет, ревнитель, – ответила она, продолжая стоять.

– И опять этот официоз, – заметил он и улыбнулся. – Скажите, я такой страшный?

– Меня с детства учили уважать ревнителей.

– Что ж, сам я считаю, что уважение – нечто вроде навоза. Если его использовать по необходимости, все начнет буйно расти. Но если перестараться, будет просто сильно вонять.

Его глаза сверкнули.

Ей послышалось или ревнитель – слуга Всемогущего – только что говорил о навозе?!

– Ревнитель – представитель самого Всемогущего, – сказала Шаллан. – Продемонстрировать вам свое неуважение означало бы сделать то же самое по отношению к Всемогущему.

– Понятно. Значит, вы бы так себя повели, появившись здесь сам Всемогущий? Столь же официально, с поклонами?

Она поколебалась.

– Вообще-то, нет.

– Хм, и как же тогда?

– Полагаю, я бы закричала от боли, – сказала Шаллан, не задумываясь. – Поскольку написано: слава Всемогущего такова, что любой, кто на него взглянет, тотчас же обратится в пепел.

Ревнитель в ответ на это рассмеялся:

– Несомненно, мудрые слова. Но прошу вас, сядьте.

Она с неохотой повиновалась.

– Вас все еще что-то беспокоит. – Он взял портрет Ясны. – Что я должен сделать, чтобы вы расслабились? Забраться на этот стол и станцевать джигу?

Она удивленно моргнула.

– Нет возражений? Что ж... – Брат Кабзал положил портрет и начал взбираться на стул.

– Нет, прошу вас! – Шаллан вскинула свободную руку.

– Вы уверены? – Он окинул стол оценивающим взглядом.

– Да, – ответила девушка, представляя себе, как ревнитель спотыкается, делает неверный шаг и, упав с балкона, камнем падает на пол в десятках футов вниз. – Честное слово, я больше не буду демонстрировать уважение!

Он тихонько захихикал, спрыгнул и сел. Потом наклонился к ней, словно заговорщик:

– Угроза джиги на столе работает почти всегда. Мне лишь раз пришлось ее сплясать, когда я проиграл пари с братом Ланином. Старший ревнитель нашего монастыря от ужаса чуть кверху килем не перевернулся.

Шаллан с трудом сдержала улыбку:

– Вы ревнитель, вам запрещено иметь собственность. Что же вы ставили?

– Две глубоких понюшки аромата зимней розы и тепло солнечного света на коже. – Он улыбнулся. – Иногда приходится как следует пофантазировать. После того как тебя на протяжении многих лет маринуют в монастыре, этому можно научиться. Итак, вы собирались объяснить мне, где обучились столь хорошо рисовать.

– Практика. Думаю, в конечном счете так учатся все.

– И опять мудрые речи. Я начинаю сомневаться, кто из нас ревнитель. Но вас, безусловно, кто-то обучал.

– Дандос Масловер.

– О, если кого и можно назвать истинным мастером карандаша, то как раз его. И все же... не то чтобы я сомневался в ваших словах, светлость, но я заинтригован: как мог Дандос обучать вас искусству рисунка, если – насколько я помню – он вот уже триста лет страдает весьма серьезным и неизлечимым недугом, именуемым смерть?

Шаллан покраснела:

– У моего отца была книга с его наставлениями.

– И вы научились этому, – сказал Кабзал, беря ее набросок Ясны, – по книге.

– Э-э-э... ну да.

Жрец перевел взгляд на рисунок:

– Надо бы мне побольше читать.

Шаллан невольно рассмеялась и запечатлела образ ревнителя: вот он со смесью восхищения и растерянности на лице изучает рисунок, одним пальцем потирая щетину на подбородке.

Он любезно улыбнулся и положил набросок на стол:

– У вас есть лак?

– Да, – сказала она и достала из сумки пузатый флакон с распылителем, похожий на те, в каких обычно держат духи.

Он взял маленькую бутылочку, открутил заглушку в передней части, хорошенько встряхнул и опробовал лак на тыльной стороне ладони. Удовлетворенно кивнул и потянулся к наброску:

– Непозволительно было бы смазать такую работу.

– Я сама могу залакировать. Не стоит вам утруждаться.

– Это не труд; это честь. Кроме того, я же ревнитель. Мы места себе не находим, если нам не удастся заниматься той работой, которую люди могли бы сделать и сами. Я это делаю ради собственного удовольствия.

Он начал наносить лак, аккуратно прыскавая на страницу.

Девушка едва сдерживалась, чтобы не выхватить набросок. К счастью, ревнитель действовал осторожно, и лак лег ровно. Он явно делал это не впервые.

– Вы из Йа-Кевода, видимо? – спросил брат Кабзал.

– Волосы подсказали? – Шаллан подняла руку к красным волосам. – Или акцент?

– То, как вы относитесь к ревнителям. Веденская церковь, без преувеличения, самая ревностная хранительница традиций. Я дважды бывал в вашей милой стране; хоть кухня пришлась по нраву моему желудку, то, как вы кланяетесь и заискиваете перед ревнителями, вызывало у меня неловкость.

– Возможно, стоило пару раз станцевать на столе.

– Я об этом думал. Но мои братья и сестры из вашей страны, скорее всего, упали бы замертво от стыда. Не хотелось бы иметь такое на своей совести. Всемогущий недобр с теми, кто убивает его священников.

– Думаю, он не одобряет убийства как таковые, – ответила она, по-прежнему наблюдая, как он наносит лак. Странно было видеть, что кто-то другой трудится над ее рисунками.

– И что светлость Ясна думает о ваших способностях? – спросил он, не прерываясь.

– Сомневаюсь, что ей есть до этого дело, – сказала Шаллан и скривилась, вспомнив их разговор. – Похоже, она не великий ценитель изобразительных искусств.

– Наслышан. Увы, это один из ее немногих недостатков.

– А другая маленькая проблема заключается в том, что она еретичка?

– Именно, – с улыбкой согласился Кабзал. – Должен признаться, входя сюда, я ждал безразличия, а не почтения. Как же вы сделали частью ее свиты?

Шаллан вздрогнула, впервые сообразив, что брат Кабзал принял ее за одну из секретарш светледи Холин. Возможно, за ученицу.

– Вот зараза... – пробормотала она.

– Гм?

– Брат Кабзал, кажется, я невольно ввела вас в заблуждение. Я никак не связана со светлостью Холин. Пока, по крайней мере. Я пыталась убедить ее взять меня в ученицы.

– А-а, – сказал он, завершая лакировку.

– Простите.

– За что? Вы не сделали ничего плохого. – Он подул на рисунок и перевернул, показывая ей. Лакировка была безупречной, ни единого потека. – Дитя, вы не окажете мне услугу? – Жрец отложил лист.

– Что угодно.

Он вскинул бровь, услышав это.

– В рамках здравого смысла, – прибавила она.

– И кто же установит эти рамки?

– Видимо, я.

– Какая жалость. – Кабзал поднялся. – Тогда я ограничу себя сам. Не могли бы вы сообщить светлости Ясне, что я заходил ее проведать?

– Она вас знает?

Что общего могло быть у гердазийского ревнителя с Ясной, убежденной безбожницей?

– О, я бы так не сказал. Но надеюсь, она помнит мое имя, поскольку я уже несколько раз просил об аудиенции.

Шаллан кивнула, вставая:

– Полагаю, вы хотите обратить ее в истинную веру?

– Она представляет собой уникальный вызов. Не думаю, что я смогу жить спокойно, если хотя бы не попытаюсь ее переубедить.

– Хотелось бы, чтобы вы жили спокойно, – заметила Шаллан, – ибо в ином случае может возобладать ваша противная привычка почти убивать священнослужителей.

– Всенепременно. И думаю, личное сообщение от вас может помочь там, где письма остались без ответа.

– Я... сомневаюсь.

– Что ж, если она откажет, это всего лишь будет означать, что я вернусь. – Он улыбнулся. – И тогда, надеюсь, мы опять встретимся. Так что я очень жду.

– Как и я. И простите еще раз за недопонимание.

– Светлость! Я вас умоляю, не берите на себя ответственность за мои предположения.

Она улыбнулась:

– Я не посмею взять на себя ответственность за вас, о чем бы ни шла речь, брат Кабзал. Но мне все же неловко.

– Это пройдет, – заверил он, и синие глаза блеснули. – Но я постараюсь сделать так, чтобы вы почувствовали себя наилучшим образом. Есть ли что-то, что вы любите? Я хочу сказать, помимо ревнителй и рисования потрясающих картин?

– Варенье.

Он склонил голову набок.

– Оно мне нравится. – Шаллан пожала плечами. – Вы сами спросили, что я люблю. Варенье.

– Так тому и быть.

Он вышел в темный коридор, вылавливая из кармана сферу, чтобы осветить себе путь, и через несколько мгновений исчез.

Почему он сам не дождался Ясны? Шаллан покачала головой, потом залакировала два других рисунка. Она едва успела их высушить и начала укладывать в свою сумку, как в коридоре послышались шаги и раздался голос принцессы.

Шаллан поспешно собрала свои вещи, оставила письмо на столе и, спрятавшись в боковой части алькова, решила ждать. Ясна Холин вошла миг спустя в сопровождении небольшой группы слуг.

Выглядела она недовольной.

8

Ближе к огню

«Победа! Мы стоим на горе! Мы разметали всех врагов! Мы поселимся в их домах, их земли станут нашими фермами! И будут они гореть, как мы когда-то горели, в том месте, что пустынно и безлюдно».

Записано в ишашан, 1172, 18 секунд до смерти. Наблюдалась светлоглазая старая дева восьмого дана.

Опасения Шаллан подтвердились, когда Ясна посмотрела прямо на нее и раздраженно уперлась защищенной рукой в бедро:

– А-а, так это ты.

Шаллан съежилась:

– Вам слуги сказали, да?

– Ты же не думала, что они оставят кого-то в моем алькове и не предупредят меня?

Позади Ясны в коридоре топтались несколько паршунов, каждый нес высокую стопку книг.

– Светлость Холин, – сказала Шаллан, – я просто...

– Я потратила на тебя достаточно времени, – перебила Ясна, и глаза ее гневно сверкнули. – Ты уйдешь, юная госпожа Давар. И я не увижу тебя снова, пока буду здесь. Я понятно выражаюсь?

Надежды Шаллан рухнули. Она сжалась. Ясна Холин подавляла одним своим присутствием. Ей нельзя было перечить. Хватало одного взгляда глаза в глаза, чтобы это понять.

– Простите за беспокойство, – прошептала Шаллан и, прижимая к груди сумку, ушла со всем достоинством, на какое еще была способна.

Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться от досады и разочарования, пока неслась по коридору, чувствуя себя полной дурой. Шаллан достигла шахты подъемника, но паршуны уже вернулись вниз, доставив Ясну. Девушка не стала звонить в колокольчик, вызы-

вая их. Взамен она прижалась спиной к стене, сползла на пол, притянула колени к груди и обхватила их, сжимаясь в комочек. Свободной рукой вцепилась в локоть защищенной сквозь ткань длинной манжеты и попыталась выровнять дыхание.

Злые люди сбивали ее с толку. Она не могла не вспомнить своего отца во время одной из его гневных тирад, не могла не услышать вновь крики, вопли и всхлипы. Была ли она слабой оттого, что противостояние лишало ее равновесия? Она чувствовала, что так и есть.

«Дура, какая же ты дура, – думала Шаллан, и несколько спренов боли выкарабкались из стены рядом с ее головой. – С чего ты взяла, что сумеешь это сделать? Ты за всю свою жизнь выбиралась за границы семейных земель с полдесятка раз! Идиотка, идиотка, идиотка!»

Она убедила братьев довериться ей, возложить надежды на ее нелепый план. И что же теперь? Она потратила шесть месяцев, на протяжении которых их враги подбирались все ближе.

– Светлость Давар? – неуверенно спросил кто-то.

Шаллан подняла голову. Глубоко погрузившись в отчаяние и не заметила, как подошел слуга. Это был молодой человек в совершенно черной униформе, без эмблем на груди. Скорее всего, ученик.

– Светлость Холин желает поговорить с вами. – Он жестом указал на альков Ясны.

«Чтобы устроить мне новый разнос?»

Лицо Шаллан искривилось гримасой боли. Но наделенная властью дама вроде Ясны получала то, что хотела. Девушка заставила себя перестать дрожать, потом поднялась. По крайней мере, она сумела не расплакаться и не испортила макияж. Она последовала за слугой в освещенный альков, прячась за прижатой к груди сумкой, как на поле боя прячутся за щитом.

Ясна Холин расположилась на стуле, который недавно занимала Шаллан, на столе громоздились стопки книг. Принцесса потирала лоб свободной рукой. Духозаклинатель все еще был на ней, дымчатый кварц в нем потемнел и треснул. Хотя Ясна выглядела усталой, ее осанка оставалась безупречной, платье из отличного шелка ниспадало ровными складками до пят, защищенная рука лежала на коленях.

Ясна внимательно посмотрела на Шаллан и опустила свободную руку.

– Юная госпожа Давар, мне не стоило изливать на тебя свой гнев, – произнесла она усталым голосом. – Ты продемонстрировала настойчивость, которую я, как правило, поощряю. Гром и молнии, да я сама частенько грешу упрямством. Иногда сложнее всего принять в других то, чем мы обладаем в избытке. Меня извиняет лишь одно: в последнее время я слишком много работала и очень утомилась.

Шаллан кивнула в знак благодарности, хотя на самом деле чувствовала себя неловко.

Ясна повернулась, устремив взгляд на простиравшуюся за балконом темноту Вуали.

– Я знаю, что люди про меня говорят. Стоило бы надеяться, что я не такая суровая, как кое-кто твердит, хотя прослыть жестокой – не самая плохая участь для женщины. Этим можно и воспользоваться.

Шаллан с трудом удавалось сохранять спокойствие. Может, ей уйти?

Ясна покачала головой, думая о чем-то своем, и девушка понятия не имела, что могло вызвать этот рассеянный жест. Наконец принцесса опять повернулась к соискательнице и взмахом руки указала на большой стеклянный кубок на столе. В нем оставалось с десяток сфер, принадлежавших Шаллан.

Девушка потрясенно прижала к губам свободную руку: как можно было о них забыть? Она поклонилась Ясне с благодарностью и поспешно собрала сферы:

– Светлость, из головы совсем вылетело – пока я ждала, сюда заходил ревнитель, брат Кабзал, хотел с вами встретиться. Он попросил сообщить вам, что желает поговорить.

– Ничего удивительного, – сказала Ясна. – Юная госпожа, ты выглядишь потрясенной из-за сфер. Я предположила, что ты ждешь снаружи, когда представится возможность их забрать. Ты поэтому была так близко?

– Нет, светлость. Я просто пыталась успокоиться.

– А-а.

Шаллан прикусила губу. Принцесса, похоже, больше не сердится на нее. Возможно...

– Светлость, – заговорила девушка, съездившись от своей дерзости, – что вы думаете о моем письме?

– Письме?

– Я... – Шаллан посмотрела на стол. – Светлость, оно под книжными стопками.

Слуга быстро передвинул стопку, – видимо, паршун положил книги на стол, не заметив письма. Ясна взяла его, вскинув бровь, и Шаллан поспешно развязала сумку и бросила сферы в кошель. Потом прокляла себя за торопливость – ведь теперь ей нечего было делать, кроме как стоять и смотреть, пока Ясна не дочитает до конца.

– Это правда? – Ясна посмотрела на нее поверх письма. – Ты самоучка?

– Да, светлость.

– Поразительно.

– Спасибо, светлость.

– А это письмо – умный ход. Ты правильно предположила, что на письменную просьбу я отвечу. Это демонстрирует твое умение подбирать слова, и содержание письма доказывает, что ты можешь мыслить логически и выдвигать правильные доводы.

– Спасибо, светлость. – Шаллан ощутила новый всплеск надежды, смешанной с усталостью. Ее мотало туда-сюда, точно канат на состязании по перетягиванию.

– Стоило оставить мне эту записку и уйти до того, как я вернусь.

– Но тогда бы она затерялась под книгами.

Ясна вскинула на нее бровь, словно намекая, что ей не нравится, когда ее исправляют.

– Ну хорошо. Разумеется, обстоятельства важны. Твои обстоятельства не оправдывают нехватки знаний в области истории и философии, но снисходительность в этом случае представляется желательной. Я позволю тебе написать новое прошение позже – такой привилегии не получала еще ни одна кандидатка в ученицы. Когда укрепишь свои познания в этих двух областях, возвращайся ко мне. Если достигнешь значительных успехов, я тебя приму.

Шаллан пала духом. Предложение Ясны и впрямь было хорошим, но понадобились бы годы учебы, чтобы достичь требуемого уровня знаний. К тому времени Дом Давар падет, кредиторы разделят между собой земли ее семьи, а братьев вместе с ней лишат титула и, возможно, продадут в рабство.

– Благодарю, светлость, – сказала Шаллан, опустив голову.

Ясна кивнула, давая понять, что разговор окончен. Девушка вышла из алькова, тихонько прошла по коридору и потянула за шнур, вызывая подъемник.

Принцесса, можно сказать, пообещала принять ее позже. Для большинства это была бы великая победа. Ученичество у Ясны Холин, которую многие считали лучшей из живущих ученых, обеспечит блестящее будущее. Шаллан бы удачно вышла замуж, скорее всего за сына великого князя, попала бы в высшее общество. В самом деле, если бы у нее было достаточно времени, чтобы выучиться под началом Ясны, сам факт почетной связи с Домом Холин мог бы спасти ее Дом.

Если бы...

В конце концов Шаллан выбралась из Конклава; у него, оказывается, не было запирающихся ворот, просто колонны по сторонам входа, похожего на разверстую пасть. Девушка с удивлением обнаружила, что уже вечер. Она медленно спустилась по большим ступеням, потом свернула на тихую тропинку, где можно спокойно брести в одиночестве. Вдоль

этой дорожки росла невысокая живая изгородь из декоративного сланцекорника, и несколько побегов выпустили веерообразные шупальца, которые покачивались на вечернем ветру. Спрены жизни лениво порхали с одного «веера» на другой мерцающей зеленой пылью.

Шаллан облокотилась о растения, похожие на камни, и они тотчас спрятали шупальца. Отсюда она могла глядеть на Харбрант, чьи огни горели внизу, точно огненный водопад, струящийся по склонам утесов. У нее и братьев не осталось иного выхода, кроме побега. Нужно бросить семейные владения в Йа-Кеведе и искать убежища. Но где? Остались ли еще старые союзники, с которыми ее отец не поссорился?..

Была еще странная коллекция карт, которую они нашли в его кабинете. Зачем она нужна? Он редко говорил с детьми о своих планах. Даже советникам отца было известно очень мало. Хеларан – самый старший из братьев – что-то знал, но он исчез больше года назад, и отец объявил его мертвым.

Как обычно, мысли об отце заставили Шаллан почувствовать себя нездоровой, и боль начала стискивать грудь. Она схватилась свободной рукой за голову, ощутив, как вес судьбы Дома Давар, ее роли в этой судьбе и тайны, которую носила с собой, пряча за десятью ударами сердца, становится непосильным.

– Эй, госпожа! – позвал кто-то.

Она повернулась и с изумлением увидела Ялба – тот стоял на высоком скалистом уступе чуть поодаль от входа в Конклав. Вокруг него на камнях сидели несколько человек в мундирах стражников.

– Ялб? – потрясенно проговорила девушка. Он должен был вернуться на корабль много часов назад. Шаллан поспешила к подножию уступа. – Почему ты все еще здесь?

– О! – Он ухмыльнулся. – Так уж вышло, что я сел играть в кабер с этими превосходными, честными и благородными господами из городской стражи. Я подумал: стражи порядка вряд ли обманут, – и решил скоротать время за дружественной игрой.

– Но тебе не следовало ждать!

– Выигрывать восемьдесят светосколков у этих ребят тоже не следовало, – сказал Ялб со смешком. – Но я сделал и то и другое!

Сидевшие вокруг него мужчины выглядели куда менее довольными. Поверх мундиров на них были оранжевые накидки, перехваченные в талии белыми кушаками.

– Что ж, полагаю, я должен теперь отвести вас обратно на корабль. – Ялб с неохотой собрал сферы, лежавшие кучкой у ног. Они переливались всевозможными цветами. Свет был слабый – каждая была всего лишь светосколком, – но выигрыш все равно оказался впечатляющий.

Шаллан отступила на шаг, и Ялб прыгнул с уступа. Товарищи по игре не хотели его отпускать, но он взмахом руки указал на Шаллан:

– Хотите, чтобы я отправил светлоглазую даму ее ранга пешком в порт одну? Я принял вас за честных людей!

Протесты утихли.

Ялб хихикнул, поклонился Шаллан и повел ее прочь по тропе. В его глазах плясали озорные огоньки.

– Буреотец, а это здорово – выигрывать у законников. Мне в порту все будут наливать бесплатно, как только разойдутся слухи.

– Нельзя играть в азартные игры, – напомнила Шаллан. – Нельзя заглядывать в будущее. Я дала тебе ту сферу не для того, чтобы ты тратил ее на такие дела.

Ялб рассмеялся:

– Если знаешь, что выиграешь, то при чем тут азарт, госпожа?

– Ты жульничал?! – в ужасе прошипела она и оглянулась на стражников, которые продолжили игру, озаренные светом сфер на камнях перед ними.

– Не так громко! – одернул ее Ялб, понизив голос. Однако выглядел он весьма довольным собой. – Надуть четырех стражников, вот это трюк. Даже не верится, что я такое устроил!

– Я в тебе разочарована. Это неподобающее поведение.

– Госпожа, вполне подобающее, если мы говорим о морях. – Он пожал плечами. – Они этого от меня и ждали. Следили за мной, точно укротители за ядовитым небоугрем, да-да. Мы играли не в карты, а в то, удастся ли им понять, как именно я жульничал, или же мне – не дать им уволочь меня в тюрьму. Думаю, если бы не вы, вряд ли я сумел бы сохранить свою шкуру в целости!

Это, похоже, его не очень-то беспокоило.

Дорога к причалам была совсем не такой оживленной, как прежде, но вокруг все еще гуляло на удивление много людей. Улицу освещали масляные фонари – сферы бы просто оказались в чьем-то кармане, – но многие прохожие несли с собой сферные лампы, которые отбрасывали на мостовую разноцветные радуги. Люди чем-то напоминали спренов – каждый своего оттенка.

– Итак, госпожа, – заговорил Ялб, аккуратно ведя ее через толпу, – вы действительно хотите вернуться? Я сказал то, что сказал, потому что мне нужен был повод выйти из игры.

– Да, пожалуйста, отведи меня обратно.

– А что же ваша принцесса?

Шаллан скорчила гримасу:

– Встреча была... бестолковой.

– Она вас не взяла? А в чем дело?

– В хроническом всезнайстве, видимо. Она настолько успешна, что ее ожидания по поводу других далеки от реальности.

Ялб нахмурился и повел Шаллан в сторону от компании нетрезвых гуляк, которые, спотыкаясь, брели вверх по улице. Не слишком ли рано для такого? Ялб опередил Шаллан на несколько шагов, повернулся и пошел спиной вперед, глядя на нее.

– Юная госпожа, бессмыслица какая-то. Чего же она могла от вас хотеть?

– Очень многого, похоже.

– Но ведь вы безупречны! Простите, что я иду напролом.

– Ты идешь задом наперед.

– Тогда простите за то, что я все делаю шиворот-навыворот. Светлость, вы хороши с любой стороны, это я вам точно говорю.

Она вдруг поняла, что улыбается. У матросов Тозбека о ней было слишком высокое мнение.

– Из вас получилась бы идеальная ученица, – продолжил он. – Воспитанная, красивая, утонченная и все такое прочее. Мне не по нраву ваше мнение об играх, но этого следовало ожидать. Неправильно было бы для приличной женщины не отчитать парня за то, что тот играет. Все равно что солнце бы не взошло или море побелело.

– Или Ясна Холин улыбнулась.

– Именно! В любом случае вы само совершенство.

– Спасибо на добром слове.

– Я правду говорю. – Он остановился, уперев руки в боки. – Ну так что? Вы собираетесь сдаться?

Шаллан растерянно уставилась на Ялба. Матрос стоял посреди оживленной улицы, в свете желто-оранжевого фонаря: руки на бедрах, белые тайленские брови ниспадают вдоль лица, под расстегнутым жилетом нет рубашки. Такую позу ни один гражданин, даже самого высокого ранга, не осмеливался принять в особняке ее отца.

– Но ведь я попыталась ее переубедить. – Шаллан покраснела. – Я отправилась к ней во второй раз, и она снова мне отказала.

– Дважды, да? В картах всегда надо пробовать третий раз. Он чаще всего оказывается выигрышным.

Шаллан нахмурилась:

– Но ведь это неправда. Законы вероятности и статистики...

– Не смыслю я в математике, забери ее буря. – Ялб скрестил руки на груди. – Зато разбираюсь в Стремлениях. Выигрывает тот, для кого это важнее всего, вот в чем дело.

Стремления. Языческое суеверие. Разумеется, Ясна и охранные глифы считала суеверием, так что, наверное, все зависит от точки зрения.

Попытаться в третий раз... Шаллан вздрогнула, вообразив себе гнев Ясны, если она осмелится заявиться к ней опять. Принцесса точно отзовет свое предложение обучаться у нее в будущем.

Но Шаллан и не сумеет воспользоваться этим предложением. Оно словно стеклянная сфера без самосвета внутри. Мило, но бесполезно. Не лучше ли в последний раз попытаться занять нужное место сейчас?

Не получится. Ясна недвусмысленно дала понять, что соискательница еще недостаточно образованна.

Недостаточно образованна...

В голове Шаллан сверкнула идея. Она подняла защищенную руку к груди, стоя посреди широкой дороги, раздумывая о своем дерзком замысле. Скорее всего, ее вышвырнут из города по приказу Ясны.

И все-таки сможет ли она смотреть в лицо братьям, если вернется домой, не перепробовав все возможности? Они зависели от нее.

Впервые в жизни Шаллан кому-то была нужна. Ответственность приводила ее в восторг и ужасала.

– Мне необходимо найти книжную лавку. – Ее голос дрогнул. Ялб вопросительно вскинул бровь.

– Третий раз – самый удачливый. Думаешь, можно найти книжную лавку, которая будет открыта так поздно?

– Госпожа, Харбрант – важный порт, – сказал матрос со смехом. – Лавки здесь работают допоздна. Просто подождите тут.

Он ринулся прочь и скрылся в вечерней толпе.

Шаллан вздохнула, потом со скромным видом присела на каменное основание фонарного шеста. Наверное, здесь безопасно. Она видела, как по улицам проходят другие светлоглазые дамы, хотя их чаще везли в паланкинах или маленьких тележках, запряженных людьми. Она даже изредка видела настоящие кареты, хотя только богачи могли позволить себе содержать лошадей.

Через несколько минут из толпы выскочил Ялб и взмахом руки позвал ее. Она поспешила к нему.

– Нам надо нанять возчика? – спросила Шаллан, когда они вышли на широкую боковую улицу, что уходила в сторону по склону городского холма.

Приходилось ступать осторожно: юбка была достаточно длинной, Шаллан опасалась порвать ее о камни. Кайма в нижней части подола была сменной, но девушка едва ли могла себе позволить тратить сферы на такие вещи.

– Не-а, – сказал Ялб. – Это прямо здесь.

Он указал на следующую улицу. Там был целый ряд лавок, взбиравшихся по крутому склону, и у каждой над входом висела вывеска с глифпарой «книга», и глифы часто оказыва-

лись стилизованы под изображение книги. Неграмотные слуги, которых посылали за покупателями, должны были его распознать.

– Торговцы одной масти держатся вместе, – пояснил Ялб, потирая подбородок. – Как по мне, это глупо, но, кажется, торговцы похожи на рыб. Там, где есть одна, найдутся и другие.

– Об идеях можно сказать то же самое.

Шесть разных лавок. Все окна освещены прохладным и ровным бурсветом.

– Третья слева. – Моряк ткнул пальцем. – Торговца зовут Артмирном. Мне сказали, он лучший.

Это было тайленское имя. Похоже, Ялб расспросил соотечественников, и они направили его сюда.

Девушка кивнула Ялбу, и они начали взбираться по узкой каменной улице к лавке. Ялб с ней не вошел; она заметила, что многие мужчины чувствуют себя неуютно вблизи слов и чтецов, даже если они не воринцы.

Шаллан толкнула дверь – крепкое дерево с двумя хрустальными панелями – и вошла в теплую комнату, сама не зная, чего ждать. Она никогда не посещала магазин, чтобы что-то купить, – посылала слуг, или же торговцы приходили к ней сами.

В лавке обнаружили камин и уютные, мягкие кресла. Над горящими дровами танцевали спрены пламени. Пол оказался деревянным, причем в дереве не было видно стыков или щелей, – скорее всего, оно было духозаклятое, из камня, что внизу. И в самом деле, роскошно.

За прилавком стояла женщина в вышитой юбке и блузе, а не в изящной хаве из цельного куска шелка, как на Шаллан. Продащица хоть темноглазая, но явно обеспеченная. В воринских королевствах она принадлежала бы к первому или второму нану. У тайленцев были собственные ранги. По крайней мере, они не отъявленные язычники – соблюдают цвет глаз, да и эта женщина носила перчатку на защищенной руке.

Книг было не так уж много. Несколько на прилавке, одна на подставке возле кресел. На стене тикали часы, в нижней части которых висели с десятков блестящих серебряных колокольчиков. Все выглядело скорее как жилой дом, а не магазин.

Женщина вложила закладку в книгу и улыбнулась Шаллан. Это была вкрадчивая, слащавая улыбка. В ней проступало что-то хищное.

– Прошу, светлость, присядьте. – Лавочница взмахом руки указала на кресла. Завитые белые и длинные тайленские брови висели по сторонам ее лица, словно часть челки.

Шаллан неуверенно села, а женщина позвонила в колокольчик, спрятанный под прилавком. Вскоре в комнату вразвалочку вошел грузный мужчина в жилете, который едва не лопался, пытаясь удержать пышные телеса. У этого человека были седеющие волосы, а брови он зачесывал за уши.

– Ах! – сказал он, всплеснув пухлыми руками. – Милая юная госпожа! Вы пришли за хорошим романом? За легким чтивом, чтобы скоротать жестокие часы разлуки с вашим возлюбленным? Или, возможно, за книгой по географии с подробными описаниями экзотических местностей?

Он говорил на ее родном веденском, и интонации у него были чуть снисходительные.

– Я... нет, благодарю. Мне нужна подборка книг по истории и еще три книги по философии. – Она попыталась вспомнить, какие имена упоминала Ясна. – Что-то из Плачины, Габратина, Юстары, Маналина или Шауки-дочери-Хасветы.

– До чего тяжелое чтиво для столь молодой дамы! – Торговец кивнул женщине, которая была, скорее всего, его женой.

Та нырнула в заднюю комнату. Она будет читать для него; даже если он сам умеет читать, не стоит оскорблять клиентов, делая это в их присутствии. Сам торговец занимается деньгами; торговля в большинстве случаев считалась мужским искусством.

– Итак, почему столь юный цветок, как вы, озабочен такими темами? – спросил он, усаживаясь в кресло напротив нее. – Не могу ли я заинтересовать вас приятным любовным романом? Это мой конек, знаете ли. Молодые дамы со всего города приходят ко мне и всегда уносят только лучшее.

Его тон рассердил Шаллан. Было достаточно унижительно осознавать, что она чересчур домашний ребенок. Неужели об этом стоило напоминать?

– Роман... – Девушка держала сумку поближе к груди. – Да, возможно, это было бы неплохо. У вас, случайно, нет экземпляра «Ближе к огню»?

Торговец моргнул. «Ближе к огню» был написан от лица человека, который медленно погружался в безумие после того, как оказался свидетелем голодной смерти своих детей.

– Уверены, что вам требуется нечто столь... э-э-э, претенциозное?

– Неужели молодым дамам не позволено на что-нибудь претендовать?

– Ну что вы, что вы. – Он снова улыбнулся – это была искренняя и зубастая улыбка торговца, который пытается умиловить клиента. – Вы, как я вижу, отличаетесь разборчивым вкусом.

– Верно, – сказала Шаллан твердым голосом, хоть сердце взволнованно колотилось. Неужели у нее такая судьба – вступать в спор с каждым встречным? – Я и впрямь предпочитаю, чтобы мою пищу готовили очень осторожно, ибо мне доступны мельчайшие вкусовые оттенки.

– Прошу прощения. Я имел в виду, что у вас тонкий вкус по отношению к книгам.

– Книжки-то я как раз не ем.

– Светлость, сдается мне, вы издеваетесь.

– Нет, еще нет. Но сейчас начну.

– Я...

– Впрочем, – перебила Шаллан, – вы были правы, сравнивая ум и желудок.

– Но...

– Слишком многие из нас, – продолжила девушка, – уделяют чрезвычайно большое внимание тому, что помещают в рот, почти забывая о той пище, что предназначена для ушей и глаз. Вы согласны?

Он кивнул, возможно не веря в то, что она позволит ему что-то сказать и не перебьет снова. В глубине души Шаллан понимала, что зашла слишком далеко, что это все итог напряжения и досады после двух встреч с Ясной.

В тот момент ей было все равно.

– Разборчивость, – продолжила она, будто пробуя слово на вкус. – Не уверена, что могу согласиться с вами. Разборчив тот, кто от чего-то отказывается. Пренебрегает чем-нибудь. Может ли человек пренебрегать тем, что поглощает? Будь то пища или мысли?

– Думаю, да. Вы ведь об этом и говорили сейчас?

– Я говорила, что нам следует быть повнимательней с тем, что мы читаем или едим. Я не предлагала чем-то пренебречь. Как по-вашему, что произойдет с человеком, который будет питаться только сладостями?

– Знаю, знаю, – сказал мужчина. – У моей свояченицы то и дело случается несварение желудка по этой причине.

– Это потому, что она слишком разборчива. Телу требуются разные виды пищи, чтобы оставаться здоровым. А уму – разные идеи, чтобы оставаться острым. Разве вы со мной не согласны? И потому, если бы я читала только эти глупые романы, которые, по-вашему, соответствуют предмету моих желаний, мой разум заболел бы столь же быстро, как желудок вашей свояченицы. Да, я думаю, что метафора весьма хороша. Мастер Артмирн, вы мудрый человек.

Он снова заулыбался.

– Разумеется, – заметила Шаллан, не улыбаясь в ответ, – когда с человеком разговаривают свысока, у него портятся и разум, и желудок. Как любезно с вашей стороны было преподать столь живой урок, чтобы проиллюстрировать вашу блестящую метафору. Вы со всеми клиентами так обращаетесь?

– Светлость... кажется, вы плавно движетесь к сарказму.

– Забавно. Я-то думала, что бегу к нему со всех ног и кричу во весь голос.

Он покраснел и поднялся:

– Пойду-ка я помогу жене. – И поспешно удалился.

Шаллан откинулась на спинку кресла и поняла, что злится на себя за то, что позволила раздражению вылиться наружу. Именно об этом ее и предупреждали наставницы. Молодой женщине надлежит следить за своим языком. Буйный нрав ее отца заработал их семейству прискорбную репутацию; стоит ли ее усугублять?

Она заставила себя успокоиться, наслаждаясь теплом и наблюдая за танцующими спреями пламени, пока не вернулись торговец и его жена со стопкой книг. Торговец снова сел, а супруга опустила книги на пол и, подтащив ближе стул, стала перекладывать их по одной, пока ее муж говорил.

– По истории у нас два варианта. – В его голосе теперь не было ни намека на покровительственный тон и дружелюбие. – «Течение времени» Ренкальта, обзор истории Рошара после Иерократии в одном томе. – (Его жена подняла книгу в красном тканевом переплете.) – Я сказал своей жене, что вас оскорбит столь простецкий подход, но она настаивала.

– Спасибо. Я не оскорблена, но мне в самом деле нужно что-то более детальное.

– Тогда, возможно, «Этернатис» вам пригодится, – сказал торговец, и его жена подняла сине-серый четырехтомник. – Это философский труд, в котором тот же самый период исследуется с упором на взаимоотношения пяти воринских королевств. Как видите, это исчерпывающая работа.

Четыре толстых тома. Пять воринских королевств? Она думала, их четыре. Йа-Кевед, Алеткар, Харбрант и Натанатан. Объединенные религией, они были сильными союзниками в годы, последовавшие за Отступничеством. Что еще за пятое королевство?

Тома ее заинтриговали.

– Я их возьму.

– Великолепно. – Глаза торговца опять слегка заблестели. – Из названных вами философских трудов у нас ничего нет за авторством Юстары. Имеются по одной книге Плачини и Маналина; в обоих случаях это собрания отрывков из их самых знаменитых работ. Мне читали книгу Плачини; она довольно хороша.

Шаллан кивнула.

– Что касается Габратина, – продолжил он, – имеются четыре разных тома. Ох, до чего же плодovit он был! И да, еще у нас есть одна книжка Шауки-дочери-Хасветы. – (Жена подняла тонкую зеленую книжицу.) – Должен признаться, ни одну из ее работ мне не читали. Я и не думал, что у шинцев есть мыслители, заслуживающие внимания.

Шаллан посмотрела на четыре тома Габратина. Она понятия не имела, какой следует взять, и решила избежать трудностей, указав на два сборника, которые он упомянул первыми, и томик Шауки-дочери-Хасветы. Мыслительница из далекого Шиновара, где люди жили в грязи и поклонялись камням? Человек, убивший отца Ясны около шести лет назад и спровоцировавший войну с паршенди в Натанатане, был шинцем. Убийца в Белом, так его называли.

– Я возьму эти три, – сказала Шаллан, – вместе с историческими.

– Великолепно! – повторил торговец. – За то, что вы берете так много, я дам вам большую скидку. Скажем, десять изумрудных броумов?

Шаллан чуть не задохнулась. Изумрудный броум был самой ценной сферой и стоил тысячу бриллиантовых светоскопков. Десять таких стоили в несколько раз больше ее путешествия в Харбрант!

Она открыла свою сумку, посмотрела на кошелек. У нее оставалось около восьми изумрудных броумов. Ей, конечно, придется взять меньше книг, но какие же выбрать?

Внезапно двери распахнулись. Шаллан вздрогнула от неожиданности и с удивлением увидела на пороге Ялба, который стоял, взволнованно теребя в руках шапку. Он ринулся к ее креслу и упал на одно колено. Она была слишком потрясена, чтобы сказать хоть слово. Что его так встревожило?

– Светлость, – пробубнил моряк, опустив голову, – мой хозяин умоляет вас вернуться. Он пересмотрел свое предложение. Честное слово, мы соглашаемся на вашу цену.

Шаллан остолбенела с открытым ртом.

Ялб посмотрел на торговца:

– Светлость, не покупайте у этого человека. Он лжец и мошенник. Мой хозяин продаст вам куда лучшие книги по выгодным ценам.

– Это что еще такое? – Артмирн вскочил. – Да как ты смеешь! Кто твой хозяин?

– Бармест, – прошептал Ялб, словно защищаясь.

– Вот крыса. Послал мальчишку в мою лавку, пытаюсь украсть моего клиента? Возмутительно!

– Она сначала пришла к нам! – воскликнул Ялб.

Шаллан наконец-то взяла себя в руки. «Буреотец! А он хороший актер».

– У вас был шанс, – сказала она Ялбу. – Беги и скажи своему хозяину, что я не позволю себя обмануть. Я обойду все лавки в городе, но найду разумные цены.

– У Артмирна неразумные. – Ялб сплюнул на пол.

Торговец вытаращил глаза от ярости.

– Поглядим, – буркнула Шаллан.

– Светлость, – заговорил Артмирн, побагровев, – вы ведь не верите в эти домыслы?

– И сколько вы у нее запросили? – поинтересовался Ялб.

– Десять изумрудных броумов, – сообщила Шаллан. – За эти семь книг.

Ялб рассмеялся:

– И вы не встали и не вышли отсюда тотчас же! Вы же почти уговорили моего хозяина, и он предложил вам куда лучшую сделку! Пожалуйста, светлость, вернитесь со мной. Мы готовы...

– Десять было просто для начала, – встрял Артмирн. – Я и не думал, что она согласится на такую сумму. – Он посмотрел на Шаллан. – Разумеется, восемь...

Ялб снова рассмеялся:

– Уверен, мы найдем точно такие же книги, светлость. Я могу спорить, мой хозяин отдаст их вам за два.

Артмирн побагровел еще сильнее и пробормотал:

– Светлость, вы же не станете покровительствовать человеку, которому хватило грубости послать слугу в чужую лавку, чтобы украсть клиента!

– Возможно, стану. По крайней мере, он в моем уме не сомневался.

Жена Артмирна уставилась на мужа, и он весь залился краской:

– Два изумрудных, три сапфировых. Дешевле я не могу себе позволить. Если вас не устраивает, идите к этому пройдохе Барместу. Но в его книгах, скорее всего, не будет хватать страниц.

Шаллан помедлила, покосилась на Ялба, который увлекся ролью и продолжал кланяться и лебезить. Их взгляды встретились, и он едва заметно пожал плечами.

– Хорошо, – сказала она Артмирну, и моряк изобразил стон.

Он выскользнул из лавки, заработав проклятие от жены Артмирна. Шаллан встала и отсчитала сферы; изумрудные броумы, которые она извлекла из своего потайного кошелька.

Вскоре она вышла из лавки с тяжелой холщовой сумкой. Прошла по крутой улице и обнаружила Ялба возле фонарного столба. Она улыбнулась, когда матрос забрал у нее сумку.

– Откуда ты знал, сколько следует платить за книги? – спросила она.

– Сколько следует платить? – переспросил он, закидывая сумку на спину. – За книгу? Понятия не имею. Я просто догадался, что он попытается содрать с вас сколько сможет. Поэтому я поспрашивал вокруг, кто его самый большой соперник, и вернулся, чтобы помочь его вразумить.

– Неужели у меня на лице написано, что я поведусь на обман? – спросила она, краснея, когда они вдвоем вышли с примыкающей улицы.

Ялб усмехнулся:

– Самую малость. В любом случае душить людей вроде него почти так же забавно, как обманывать стражников. Возможно, вы могли бы еще сильнее сбить цену, уйдя со мною, а потом вернувшись чуть позже, чтобы дать ему еще один шанс.

– Звучит слишком сложно.

– Торговцы что наемники, говорила моя старая крестная. Одна разница – торговец снимет тебе голову с плеч, а потом притворится, будто он все равно твой друг.

И это говорил человек, который только что провел вечер, обманывая стражников за игрой в карты...

– Что ж, в любом случае я тебя благодарю.

– Не за что. Это было забавно, хотя мне не верится, что вы столько заплатили. Это ведь просто деревяшки. Я могу выловить из воды какую-нибудь дощечку и наставить на ней смешных закорючек. Вы мне тоже за нее сферы заплатите?

– Не могу обещать. – Шаллан запустила руку в сумку. Она достала нарисованный ранее портрет Ялба и возницы. – Но прошу тебя, возьми вот это в знак моей благодарности.

Ялб взял рисунок и шагнул ближе к фонарю, чтобы лучше его рассмотреть. Рассмеялся, склонив голову набок, потом широко улыбнулся:

– Буреотец! Ну вы только поглядите! Такое чувство, что я смотрюсь в полированную тарелку, да-да. Светлость, я не могу это взять!

– Пожалуйста. Я настаиваю.

Девушка моргнула, снимая образ того, как он стоит, схватившись рукой за подбородок, и изучает свой портрет. Она его потом снова нарисует. После того что он для нее сделал, ей непременно хотелось заполучить его в свою коллекцию.

Ялб аккуратно вложил картинку между страницами книги и потом поднял сумку. Они пошли дальше и вскоре попали на главную дорогу. Средняя луна – Номон – уже взошла и озарила город бледно-синим светом. В отцовском доме Шаллан редко позволяли в это время бодрствовать, но горожане вокруг словно и не замечали, что уже поздно. До чего все-таки странное место этот город.

– На корабль? – спросил Ялб.

– Нет, – ответила Шаллан и глубоко вздохнула. – В Конклав.

Матрос вскинул бровь, но отвел девушку, куда она хотела. Оказавшись там, Шаллан попрощалась с Ялбом, напомнив ему забрать портрет. Он так и сделал, пожелал ей удачи и поспешил прочь от Конклава, вероятно беспокоясь о возможной встрече со стражниками, которых обманул ранее.

Шаллан вручила книги слуге и прошла по коридору обратно в Вуаль. За украшенными орнаментом стальными дверями она позвала старшего слугу.

– Да, светлость? – спросил мужчина. Большинство альковов теперь были темны, и слуги спокойно заносили книги в безопасное хранилище за хрустальными стенами.

Стряхнув усталость, Шаллан сосчитала ряды. В алькове Ясны еще горел свет.

– Я бы хотела воспользоваться вон тем альковым. – Она указала на балкон рядом с ним.

– У вас есть пропуск?

– Боюсь, нет.

– Тогда придется заплатить за место, если вы желаете использовать его постоянно. Две небомарки.

Шаллан содрогнулась от цены, но выудила сферы и отдала их. Ее кошелек пустел с удручающей скоростью. Она позволила паршунам поднять себя на нужный этаж, потом тихонько подошла к алькову. Использовала все оставшиеся сферы, чтобы заполнить большую лампу-кубок. Добиваясь яркого света, она была вынуждена высыпать туда сферы всех девяти цветов и трех размеров, так что иллюминация вышла пестрая и неровная.

Девушка выглянула из своего алькова, чтобы увидеть следующий балкон. Ясна работала, не замечая времени, и ее кубок был заполнен до краев чистыми бриллиантовыми бронунами. Они давали лучший свет, но были непригодны для духозаклания, так что ценились невысоко.

Девушка нырнула обратно. На самом краю стола в алькове нашлось место, где можно сидеть вне поля зрения Ясны, – за стеной, так что там она и села. Вероятно, стоило выбрать альков на другом этаже, но ей хотелось наблюдать за принцессой. Она надеялась, что Ясна проведет здесь за работой много недель. Достаточно времени для того, чтобы Шаллан посвятила себя яростной зубрежке. Ее способность запоминать картины и сцены не работала с текстами, но она могла заучивать списки и факты со скоростью, которую ее учительницы находили замечательной.

Она устроилась поудобнее в кресле, притянула книги поближе и разложила их. Потерла глаза. Было уже очень поздно, но нельзя терять время. Ясна сказала, что Шаллан может снова обратиться с прошением, когда заполнит пробелы в знаниях. Что ж, Шаллан намеревалась проделать все это в рекордно короткий срок. Она сделает это до того, как Ясна соберется уезжать из Харбранта.

Последняя, отчаянная надежда, такая хрупкая, что нечаянный поворот судьбы, скорее всего, уничтожит ее. Глубоко вздохнув, Шаллан открыла первую из исторических книг.

– Я никогда от тебя не избавлюсь, верно? – мягко поинтересовался женский голос.

Шаллан подпрыгнула и чуть не сбила книги на пол, поворачиваясь к двери. Там стояла Ясна Холин, в темно-синем платье с серебряной вышивкой, чей шелковистый блеск отражал свет сфер Шаллан. Рукой в перчатке она прикрывала духозаклинатель.

– Светлость, – пробормотала Шаллан, поспешно вставая и склоняясь в неловком поклоне, – я не хотела вас отвлекать. Я...

Ясна взмахом руки велела ей замолчать. Она шагнула в сторону, и вошел паршун со стулом. Он поставил его возле стола, и принцесса, скользнув ближе, села.

Девушка пыталась понять, в каком она настроении, но лицо высокородной дамы оставалось непроницаемым.

– Честное слово, я не собиралась вас беспокоить.

– Я заплатила слугам, чтобы мне сообщили, если ты вернешься в Вуаль, – рассеянно проговорила Ясна, беря одну из книг Шаллан и читая название. – Я не хотела, чтобы меня снова прервали.

– Я... – Шаллан опустила взгляд и залилась краской.

– Не трать время на извинения. – Принцесса выглядела усталой, еще более усталой, чем сама Шаллан. Она перебрала книги. – Отлично. Хороший выбор.

– Я не очень-то старалась. Просто у торговца оказалось именно это.

– Ты собиралась быстро изучить их содержание, я предполагаю? – задумчиво проговорила Ясна. – Попытаться впечатлить меня еще раз перед тем, как я покину Харбрант?

Девушка поколебалась, потом кивнула.

– Умный ход. Мне следовало поставить тебе ограничение во времени для повторного прошения. – Она окинула Шаллан взглядом. – Ты очень целеустремленная. Это хорошо. И я знаю, почему ты так отчаянно стремишься попасть ко мне в ученицы.

Шаллан обомлела. Она знала?!

– У твоей семьи много врагов, – продолжила Ясна, – а твой отец склонен к отшельничеству. Без долгосрочного и крепкого альянса тебе будет очень трудно найти мужа.

Шаллан расслабилась, но попыталась этого не показать.

– Позволь мне осмотреть твою сумку.

– Светлость? – Девушка нахмурилась, сдерживая желание прижать сумку к себе.

– Ты помнишь, что я сказала по поводу повторений? – Ясна протянула руку.

Шаллан неохотно отдала сумку. Ясна аккуратно вытащила ее содержимое, разложила в ряд кисточки, карандаши, перья, баночку с лаком, чернила и растворитель. В другом ряду оказались пачки бумаги, блокноты и законченные картины. Потом она вытащила кошелек и, конечно же, заметила, что он пуст. Посмотрела на лампу-кубок, подсчитала ее содержимое. Вскинула бровь.

Затем она принялась просматривать картины юной художницы. Сначала отдельные листы – и ненадолго замерла над собственным портретом. Шаллан наблюдала за лицом принцессы. Была ли та польщена? Удивлена? Или недовольна тем, что Шаллан столько времени тратила, рисуя моряков и служанок?

Наконец Ясна перешла к рисовальному блокноту, заполненному набросками растений и животных, которых художница повидала во время путешествия. Ясна рассматривала эти рисунки дольше всего, читала каждую заметку.

– Почему ты сделала все эти наброски? – спросила она, закончив.

– Почему, светлость? Ну, потому что мне так хотелось.

Шаллан скривилась. Может, ей стоило сказать что-то глубокомысленное?

Ясна медленно кивнула, потом встала:

– Король особым распоряжением выделил мне в Конклаве покои. Собирайся, и пойдем туда. Ты выглядишь измученной.

– Светлость? – Шаллан почувствовала, как все тело дрожит от возбуждения.

Ясна помедлила в дверном проеме.

– При первой встрече я приняла тебя за лицемерную провинциалку, которая желает лишь воспользоваться моим именем на пути к обогащению.

– Вы изменили свое мнение?

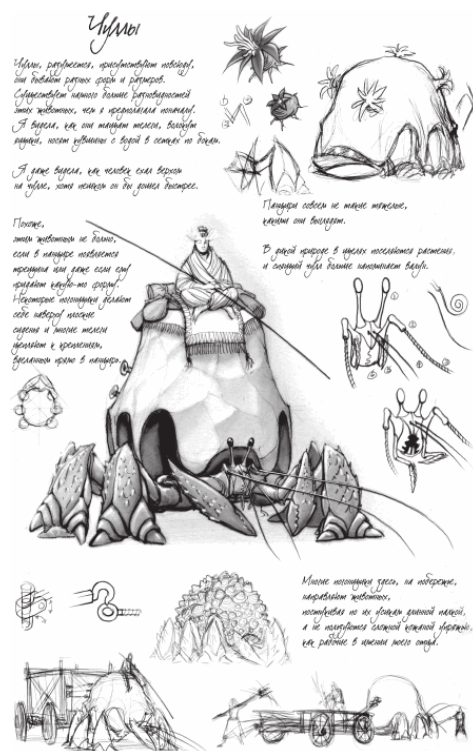
– Нет. Нечто подобное в тебе точно имеется. Но мы все очень разные, и о человеке многое можно понять по вещам, которые он носит с собой. Если этот блокнот на что-то и указывает, то на твою склонность посвящать свободное время учебе ради учебы как таковой. Это обнадеживает. Возможно, это лучший довод, который ты могла бы привести в свою пользу. Раз уж я не могу от тебя избавиться, то стоит подыскать тебе применение. Завтра мы начнем рано, и ты будешь делить свое время между образованием и помощью в моих изысканиях.

На этом Ясна удалилась.

Растерянная Шаллан лишь устало моргала. Вытащив лист бумаги, она быстро записала благодарственную молитву, которую решила сжечь позднее. Потом торопливо собрала книги и отправилась на поиски слуги, которого можно послать на «Усладу ветра» за ее багажом.

Это был очень, очень длинный день. Но она победила. Первый шаг сделан.

Впереди было самое трудное.

9

Преисподняя

«Десять человек с полыхающими осколочными клинками стоят у черно-бело-красной стены».

Записано в йесачев, 1173, 12 секунд до смерти. Объект наблюдения: один из ревнителй, подслушано в его последние мгновения.

Каладина приписали к Четвертому мосту не случайно. Из всех мостовых расчетов у этого был самый высокий уровень потерь. И это притом, что бригады мостовиков могли терять от трети до половины людей за один лишь выход на поле боя.

Каладин сидел снаружи, прислонившись к стене казармы, и на него падала струйка дождевой воды. Это не было бурей. Просто обычный весенний дождь. Мягкий и робкий кузен могучей стихии.

Сил опустилась на плечо Каладина. Или зависла над ним. Как-то так. Она, похоже, совершенно невесомая. Каладин сгорбился, уткнулся подбородком в грудь и смотрел, как ему в карман затекает вода.

Надо было войти в казарму Четвертого моста. Холодно, мебели нет, но можно хоть укрыться от дождя. Но ему было... все равно. Сколько он уже в Четвертом мосту? Две недели? Три? Вечность?

Из двадцати пяти человек, которые выжили в тот первый раз, когда он нес мост, двадцать три уже мертвы. Двоих перевели в другие команды, потому что они как-то сумели подольститься к Газу, но там оба погибли. Остались лишь сам Каладин да еще один мостовик из старого состава. Двое из почти сорока.

Бригаду мостовиков пополнили другие несчастные, и большинство из них тоже погибли. Их заменили. Новичков ждала та же участь. Постоянно приходилось выбирать нового старшину. Предполагалось, это лучший пост в мостовом расчете, потому что старшина всегда бежал с безопасной стороны. К Четвертому мосту это не относилось.

Порой случались и удачные боевые вылазки. Если алеті приходили раньше паршенди, ни один мостовик не погибал. А если они прибывали слишком поздно, там уже оказывался какой-нибудь другой великий князь. Садеас не помогал; он разворачивал свое войско и возвращался в лагерь. Даже в плохих вылазках паршенди иной раз сосредотачивали мощь своих луков на других мостовых расчетах. Иногда мостовики погибали десятками, а в Четвертом мосту при этом все оставались живы.

Такое случалось редко. По какой-то причине Четвертый мост попадал под удар чаще прочих. Каладин даже не пытался узнавать имена своих товарищей. Никто из мостовиков этого не делал. Зачем? Узнаешь имя, а кто-то из вас двоих погибнет еще до конца недели. Скорее всего, оба. Может быть, ему бы стоило расспросить людей, чтобы было потом с кем побеседовать в Преисподней. Они бы предавались воспоминаниям об ужасном Четвертом мосте и в конечном счете сошлись бы на том, что даже вечное пламя куда приятнее.

Каладин криво ухмыльнулся. Скоро придет Газ, пошлет их работать. Мыть уборные, чистить улицы, выгребать навоз из конюшен, собирать камни. Что угодно, лишь бы они не думали о своей участи.

Он все еще не знал, зачем алеті сражаются на этих проклятых плато. Это было как-то связано с теми огромными куколками. Кажется, в их сердцевинах прятались самосветы. Но какое отношение они имели к Договору Отмщения?

Другой мостовик – молодой веденец с рыжевато-русыми волосами – лежал неподалеку, уставившись в небо, что плевалось дождем. Дождевая вода собиралась в уголках его карих глаз, стекала по лицу. Он не моргал.

Они не могли сбежать. Военный лагерь с тем же успехом мог бы служить тюрьмой. Мостовики имеют право тратить свое жалкое жалованье на дешевое вино или шлюх, но не покидать расположение. Периметр хорошо охранялся. Отчасти это было связано с необходимостью не пускать внутрь солдат из других лагерей – там, где встречались войска, всегда возникало соперничество. Но основная причина – не позволить мостовикам и рабам совершить побег.

Почему? Почему все так ужасно? Происходящее не имеет никакого смысла. Отчего бы не отправлять вперед нескольких мостовиков со щитами, чтобы они заслоняли людей от стрел? Он спросил, и ему сказали, что это слишком сильно их замедлит. Каладин спросил опять, и ему сказали, что подвешат за ноги, если он не закроет рот.

Светлоглазые вели себя так, будто весь этот бардак был какой-то великой игрой. Если оно и впрямь так, правила игры скрывали от мостовиков, и они понимали в ней не больше, чем фигуры на доске понимают в стратегии игрока.

– Каладин? – Сил спустилась на его ногу в привычном ему образе девчушки в длинном платье, что переходило в туман. – Каладин? Ты уже несколько дней молчишь.

Он продолжал пялиться на камень. Наверняка есть какой-то выход. Мостовикам разрешали ходить к ущелью неподалеку от лагеря. Правилами это было запрещено, но часовые закрывали глаза. Считалось, что такова единственная милость, которую можно даровать мостовику.

Мостовики, что уходили по этой тропе, не возвращались.

– Каладин? – позвала Сил тихим обеспокоенным голосом.

– Мой отец говорил, что в мире есть два вида людей, – хрипло прошептал Каладин. – Он говорил, есть те, кто забирает жизни. И те, кто спасает жизни.

Сил нахмурилась, склонила голову. Такие беседы ее сбивали с толку; она не понимала отвлеченных понятий.

– Я считал, что он ошибается. Думал, есть еще третья группа. Люди, которые убивают, чтобы спасти. – Он покачал головой. – Я был дураком. Третья группа и впрямь существует, и она большая, но совсем не такая, как мне казалось.

– Какая группа? – Спрен наморщила лоб и уселась на его колено.

– Люди, которые существуют ради того, чтобы их спасли или убили. Группа посредине. Те, кто не может ничего сделать, только умереть или оказаться под защитой. Жертвы. И я один из них.

Он окинул взглядом мокрый склад. Плотники ушли, спрятав под навесами необработанные деревья и забрав инструменты, которые могли заржаветь. Казармы мостовиков располагались к западу и северу от склада. Четвертый мост стоял чуть поодаль от остальных, словно невезение было заразной болезнью. Чем ближе, тем заразнее, сказал бы отец Каладина.

– Мы существуем ради того, чтобы быть убитыми. – Юноша моргнул и посмотрел на нескольких мостовиков из своего расчета, безучастно сидящих под дождем. – Если мы еще не умерли.

– Ненавижу, когда ты такой, – пробормотала Сил, летая вокруг головы Каладина, пока его бригада тащила на лесной склад бревно.

Паршенди часто поджигали постоянные мосты, так что инженеры и плотники великого князя Садеаса не сидели без дела.

Прежний Каладин удивился бы, отчего армии не стараются как следует защитить мосты. «Тут что-то не так! – сказал голос внутри его. – Ты пропускаешь какую-то часть головоломки. Они растрачивают ресурсы и жизни мостовиков. Словно и не думают о том, чтобы продвинуться вглубь и сразиться с паршенди. Просто устраивают ожесточенные схватки на плато, потом возвращаются в лагерь и празднуют. Почему? Почему?!»

Он не обращал внимания на этот голос, принадлежавший Каладину из прошлого.

– Ты был таким живым, – продолжала Сил. – За тобой многие наблюдали. Солдаты в твоём отделении. Враги, с которыми ты сражался. Другие рабы. Даже некоторые светлоглазые.

Скоро обед. Тогда он сможет поспать, пока старшина не разбудит его пинком, чтобы отправить на послеобеденное дежурство.

– Раньше я смотрела, как ты сражаешься, – не замолкала Сил. – А теперь этого почти не помню. Мои воспоминания о том, что было тогда, расплываются. Я как будто гляжу на тебя сквозь дождь.

Погоди-ка. Это странно. Сил привязалась к Каладину уже после того, как он вылетел из армии. И она тогда вела себя в точности как обычный спрен ветра. Он замешкался, заработав от надзирателя ругательство и удар кнутом по спине.

Снова налег на бревно. Мостовиков, которые проявляли мало усердия в работе, пороли, а мостовиков, которые проявляли мало усердия во время вылазки с мостом, казнили. В войске с этим никто не шутил. Откажись бежать навстречу паршенди, попытайся затесаться в хвост к другим мостам, и будешь обезглавлен. По крайней мере, за такое преступление наказание было совершенно определенным.

Так-то мостовиков наказывали разными способами. Можно было заполучить дополнительную работу, несколько ударов кнутом или потерять часть жалованья. За что-то по-настоящему плохое подвешивали за ноги к столбу или стене и оставляли на суд Буреотца, то есть бросали снаружи на время Великой бури. Но чтобы тебя казнили, следовало сделать единственную вещь: отказаться бежать в атаку на паршенди.

Если побежишь с мостом, то умереть можешь, но если не побежишь, то умрешь точно.

Каладин и его команда положили бревно к остальным и отцепили веревки. Потом направились к краю лесного склада, где ждали другие бревна.

– Газ! – крикнул кто-то.

Высокий солдат с желто-черными волосами стоял там, где начинались бараки, и рядом с ним топтались несколько человек весьма жалкого вида. Это был Лареш, один из тех, кто работал в палатке вербовщиков. Он привел новых мостовиков на замену убитым.

День выдался яркий, без намека на облачко, и солнце припекло Каладину спину. Газ поспешил разобраться с рекрутами, и так вышло, что Каладин с остальными отправился в ту же сторону за новым бревном.

– До чего жалкое отребье, – бормотал Газ, разглядывая новобранцев. – Конечно, если бы они не были такими, не попали бы сюда.

– Это точно, – согласился Лареш. – Десятерых в первом ряду поймали на контрабанде. Ты знаешь, что делать.

Потребность в пополнении бригад мостовиков существовала постоянно, но и нового мяса на убой всегда хватало. Часто попадались рабы, однако было много воров или других нарушителей закона из числа обитателей лагеря. Ни одного паршуна. Они были слишком ценными, и, кроме того, паршенди и паршуны состояли в дальнем родстве. Лучше не демонстрировать лагерным трудягам-паршунам их кузенов в бою.

Иногда в мостовой расчет попадали солдаты. Такое случалось только лишь из-за необычайно серьезного проступка, вроде драки с офицером. То, что в других армиях завершалось виселицей, в этом войске означало отправку на мосты. Предположительно, можно было вернуть свободу, пережив сто вылазок с мостом. По слухам, одному или двум такое удалось. Скорее всего, это был просто миф, предназначенный для того, чтобы у мостовиков остался проблеск надежды на спасение.

Каладин и остальные прошли мимо новичков, свесив голову, и начали цеплять веревки к следующему бревну.

– Четвертому мосту нужны люди, – сказал Газ, потирая бороду.

– Четвертому всегда нужны люди, – ответил Лареш. – Не волнуйся, для этого я припас особый товар.

Он кивнул второй группе рекрутов, куда более пестрой, что стояла чуть позади.

Каладин медленно выпрямился. Одним из пленников в той группе был подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Низенький, тощий, круглолицый.

– Тьен? – прошептал он, шагнув вперед.

Потом остановился и затряс головой. Тьен умер. Но новичок с перепуганными черными глазами был так на него похож. Каладину захотелось взять мальчика под свою защиту. Оберегать его.

Но... он ведь потерпел неудачу. Все, кого он пытался защищать, – от Тьена до Кенна – в итоге погибли. Так в чем же смысл?

Он снова поволок бревно, на которое опустилась Сил и сказала:

– Каладин, я собираюсь уйти.

Юноша потрясенно моргнул. Сил. Уйти? Но... она была последним, что у него оставалось.

– Нет, – прошептал Каладин. Получилось хриплое карканье.

– Я попытаюсь вернуться. Но не знаю, что случится, когда я тебя покину. Все очень странно. У меня путанные воспоминания. Нет, большинство даже не воспоминания. Инстинкты. Один из них подсказывает, что если я уйду, то могу все о себе забыть.

– Тогда не уходи, – сказал он, ощущая растущий ужас.

– Мне нужно. – Спрен съежилась. – Я больше не в силах на это смотреть. Я попытаюсь вернуться. – Она выглядела опечаленной. – Прощай.

И спрен упорхнула, превратившись в ворох легких полупрозрачных листьев.

Каладин, цепенея, следил за тем, как она исчезает.

Потом опять взялся за бревно. Что еще оставалось делать?

Подросток, похожий на Тьена, умер во время следующей же вылазки.

Было плохо. Паршенди успели занять позиции, поджидая Садеаса. Каладин бежал к расщелине, даже не вздрагивая, когда вокруг падали люди. Им двигали не отвага и не желание попасть под одну из стрел, покончив со всем. Он бежал. Просто бежал. Как камень катится по склону, как дождь падает с неба. У них нет выбора. Как и у него. Он не человек, а вещь; вещи делают то, для чего предназначены.

Мостовики уложили свои мосты почти вплотную. Погибло четыре отряда. Команда Каладина потеряла так много людей, что едва справлялась.

Когда мосты установили, Каладин отвернулся от солдат, что бросились через ущелье в настоящую битву. Заковылял назад. Спустя пару минут нашел то, что искал. Тело мальчишки.

Каладин стоял над телом, и ветер трепал его волосы. Мальчик лежал лицом вверх в небольшой выбоине на камне. Каладин помнил, как в похожей выбоине держал похожее тело.

Рядом упал замертво другой мостовик, утыканный стрелами. Тот самый, что пережил недели, миновавшие с первой вылазки. Его тело лежало на боку на камнях где-то на фут выше тела мальчишки. С наконечника проткнувшей его стрелы капала кровь. Рубиновые капли одна за другой падали прямо в открытые безжизненные глаза подростка. От глаза к подбородку потекла тонкая красная струйка. Точно багровые слезы.

Той ночью Каладин слушал, как Великая буря свирепствует за стеной. Он лежал, свернувшись калачиком, на холодных камнях. От грома снаружи тряслись небеса.

«Я так больше не могу. Я мертв изнутри, словно меня ткнули копьем в шею».

Буря продолжала яриться. А Каладин впервые за целый год заплакал.

10

Истории о лекарях

Девять лет назад

Кэл ворвался в хирургическую комнату, и вместе с ним сквозь открытую дверь проник яркий белый солнечный свет. В десять лет уже все предвещало, что мальчик будет высоким и тощим. «Кэл» – так он себя называл и не любил свое полное имя, «Каладин». Короткое подходило лучше. «Каладин» слишком уж смахивало на имя светлоглазого.

– Прости, отец, – сказал он.

Отец Кэла, Лирин, аккуратно затянул ремень на руке молодой женщины, лежащей на узком операционном столе. Ее глаза были закрыты; Кэл пропустил прием наркотика.

– Твое опоздание мы обсудим позже. – Лирин закрепил вторую руку женщины. – Закрой дверь.

Кэл с досадой повиновался. Окна затемнены, ставни плотно закрыты, и комнату освещал буресвет, излучаемый большим круглым сосудом со множеством сфер. Каждая была броумом, и в совокупности они составляли немыслимую сумму, взятую в бессрочный заем у властителя Пода. Фонари мигали, а буресвет всегда оставался ровным. От этого зависят жизни людей, говорил отец Кэла.

Кэл подошел к столу. Эту пятнадцатилетнюю девушку с блестящими черными волосами, без единой коричневой или русой пряди, звали Сани. Ее свободная рука была замочена в окровавленные лохмотья. Кэл скривился, увидев такую неуклюжую повязку – похоже, ткань оторвали от чьей-то рубашки и поспешно намотали на рану.

Голова Сани повернулась, и девушка что-то забормотала под действием наркотика. На ней была только белая хлопковая сорочка, не скрывавшая защищенную руку. Городские

мальчики постарше со смехом рассказывали о тех случаях, когда им удавалось – если они не ввали – поглядеть на девушек в сорочках, но Кэл не понимал, что тут такого увлекательного. Однако он переживал из-за Сани. Как и всегда, переживал из-за чужих ран.

К счастью, эта рана не выглядела ужасной. Если бы она угрожала жизни, отец бы уже начал работать, а Хесина, мать Кэла, помогала бы ему.

Лири́н отошел к столу с препаратами и взял несколько маленьких прозрачных бутылочек. Он был невысоким и уже лысел, несмотря на относительную молодость. Свои очки отец называл самым дорогим из когда-либо полученных подарков и редко доставал – в основном для операций, – поскольку они были слишком ценными, чтобы носить просто так. Что, если он их поцарапает или разобьет? Под – достаточно большой город, но расположенный далеко на севере Алеткара, что превращало поездку за новыми очками в нелегкое путешествие.

Комнату содержали в чистоте, полки и стол мыли дочиста каждое утро, все вещи лежали, где следовало. Лири́н говорил, что о человеке можно многое узнать по тому, как выглядит его рабочее место. Оно неряшливо или опрятно? Уважает ли он свои инструменты или бросает где попало? Единственные в городе фабриальные часы стояли на конторке. У маленького устройства был один циферблат в центре и мерцающий дымчатый кварц в сердцевине; его следовало заряжать, чтобы вести отсчет времени. Никто другой в городе не заботился о часах и минутах больше Лири́на.

Кэл подтащил стул и забрался на него – ничто не должно ускользнуть от его взгляда. Вскоре стулья ему уже не понадобятся; он с каждым днем становился все выше. Мальчик изучил руку Сани и сказал себе, как учил отец: «С ней все будет в порядке. Лекарь должен быть спокойным. Тревожиться – только зря время тратить».

Следовать этому совету очень трудно.

– Руки, – бросил Лири́н, не отвлекаясь от сбора инструментов. Кэл вздохнул, спрыгнул со стула и поспешил к стоявшему у двери тазу с теплой мыльной водой.

– Ну какое это имеет значение?

Он хотел работать, хотел помочь Сани.

– Мудрость Вестников, – рассеянным тоном сказал Лири́н, повторяя урок, который давал уже неоднократно. – Спрены смерти и гниения ненавидят воду. Это позволяет их отогнать.

– Хэмми говорит, это глупости. Он говорит, спрены смерти здорово умеют убивать людей, так с чего бы им бояться водички?

– Мудрость Вестников превосходила наше понимание.

Кэл скривился:

– Отец, но ведь они демоны. Это слова ревнителя, который приходил прошлой весной.

– Речь шла о Сияющих, – суровым тоном поправил Лири́н. – Ты опять их путаешь.

Кэл вздохнул.

– Вестников послали учить человечество, – напомнил Лири́н. – После того как нас изгнали из небесных чертогов, они возглавили поход против Приносящих пустоту. Сияющие – основанные ими рыцарские ордена.

– Которые стали демонами.

– Потому что предали нас, едва Вестники ушли, – пояснил Лири́н и вскинул палец. – Они были не демонами, а просто людьми, которые получили слишком много власти и недостаточно здравого смысла. Как бы то ни было, ты будешь всегда мыть руки. Ты собственными глазами можешь видеть, какое воздействие это оказывает на спренов гниения, хоть спренов смерти увидеть и нельзя.

Кэл снова вздохнул, но сделал, как велели. Лири́н опять подошел к столу. Он держал поднос, на котором были рядами разложены ножи и маленькие стеклянные бутылочки. Лекарь заботился о том, чтобы его сын не путал Вестников и Сияющих отступников, но вре-

менами сам себе противоречил: Кэл слышал, как он говорил, будто Приносящих пустоту не существовало. Что за нелепость. А кого еще винить, когда вещи пропадают по ночам или когда урожай на полях губят черви-копатели?

Люди в городе считали Лирина странным – слишком уж много времени он проводил с книгами и больными. Они неуютно чувствовали себя рядом с ним, и с Кэлом за компанию. Кэл лишь недавно начал понимать, что быть непохожим на остальных довольно-таки неприятно.

Вымыв руки, мальчик запрыгнул обратно на свой стул. Он снова занервничал, но надеялся, что ничего страшного не случится. Лирин при помощи зеркал направил свет сфер на руку Сани и аккуратно срезал самодельную повязку хирургическим ножом. Рана не угрожала жизни, но рука была сильно искалечена. Два года назад, когда отец только начал обучать Кэла, от такого зрелища его бы замутило. Теперь он привык к изувеченной плоти.

Это хорошо. Кэл решил, что такая привычка ему пригодится, когда он однажды отправится на войну сражаться за своего великого князя и светлоглазых.

У Сани оказалось сломано три пальца, кожу руки покрывали царапины и рваные раны, в которые попали кусочки веток и грязь. Третий палец выглядел хуже всего – разможенный, выгнутый под неестественным углом, сквозь кожу торчат белые осколки. Кэл ощупал его по всей длине, изучая раздробленные кости и почерневшую кожу. Аккуратно вытер подсохшую кровь и грязь влажной тряпицей, вытащил из раны камешки и ветки. Его отец в это время резал нитки для зашивания.

– Третий палец не спасти, верно? – спросил мальчик, бинтуя основание пальца, чтобы тот не кровоточил.

Отец с улыбкой кивнул. Он надеялся, что Кэл все увидит сам. Лирин всегда говорил, что мудрый лекарь знает, что отсекают, а что спасать. Если бы этот третий палец изначально вправили как следует... но нет, спасать его и впрямь бессмысленно. Если зашить рану, он просто загноится.

Ампутацию Лирин провел сам. Движения его рук были аккуратными и точными. Учиться на лекаря нужно десять лет, и пройдет еще немало времени, прежде чем Лирин позволит Кэлу взять нож. Сейчас Кэл вытирал кровь, подавал инструменты и придерживал нити из сухожилий, чтоб не путались, пока отец зашивал. Они восстановили руку насколько могли, работая с умеренной скоростью.

Отец сделал последний стежок, явно довольный тем, что удалось спасти четыре пальца из пяти. А вот родителей Сани такое вряд ли обрадует. Рука их дочери теперь изувечена – какое разочарование... Так было всегда: изначально рана вызывала ужас, а потом неспособность Лирина творить чудеса рождала гнев. Лирин говорил, все дело в том, что горожане привыкли, что у них есть лекарь. Для них исцеление из привилегии превратилось в нечто само собой разумеющееся.

Но родители Сани – хорошие люди. Они сделают маленькое пожертвование, и семье Кэла – его родителям, ему самому и его младшему брату Тьену – будет на что купить еду. До чего же странно, что чужое несчастье давало им средства к существованию. Может, отчасти по этой причине горожане и старались держаться от них подальше.

Лирин закончил, воспользовавшись маленьким раскаленным прутом, чтобы прижечь рану там, где стежков, как он считал, было недостаточно. Наконец нанес на руку едкое листеровое масло для предотвращения инфекции – масло отпугивало спренов гниения даже лучше, чем мыло и вода. Кэл наложил чистую повязку, стараясь не потревожить осколки костей.

Лирин выбросил палец, и напряжение Кэла схлынуло. С Сани все будет в порядке.

– Сын, тебе следует научиться справляться со своим волнением, – мягко заметил Лирин, смывая с рук кровь.

Кэл опустил глаза.

– Хорошо быть заботливым, – продолжил Лирин. – Однако избыток заботливости, как и любой другой, может стать проблемой, если помешает тебе во время операции.

«Избыток заботливости может стать проблемой? – мысленно переспросил Кэл. – А как насчет бескорыстия, которое не позволяет тебе брать плату за труд?» Он не посмел сказать это вслух.

Настало время привести комнату в порядок. Казалось, половину своей жизни Кэл проводит за уборкой, но Лирин ни за что не отпустит его прежде, чем они закончат. Наконец мальчик открыл ставни и впустил солнечный свет. Сани спала; зимосор должен был продержаться ее без сознания еще несколько часов.

– И где же ты был? – поинтересовался Лирин, расставляя позвякивающие бутылочки с маслом и спиртом.

– С Джемом.

– Джем на два года старше тебя, – заметил Лирин. – Сомневаюсь, что ему так уж приятно проводить время с малышкой.

– Отец начал обучать его бою на дубинках, – порывисто сказал Каладин. – Мы с Тьеном ходили посмотреть, чему он научился.

Он съежился, ожидая выговора.

Отец продолжал наводить порядок, вытирая каждый из своих хирургических ножей спиртом, потом маслом, как того требовали старые традиции. Он даже не повернулся к Кэлу.

– Отец Джема был солдатом в армии светлорда Амарама, – осторожно прибавил Кэл.

Светлорд Амарам! Благородный светлоглазый генерал, который оберегал Северный Алеткар. Кэл так сильно хотел поглядеть на настоящего светлоглазого, а не на старого зануду Уистиоу. На такого воина, о котором все постоянно рассказывают разные истории.

– Я знаю про отца Джема, – ответил Лирин. – Я уже трижды оперировал его увечную ногу. Подарок, оставшийся со славных солдатских времен.

– Алеткару нужны солдаты, отец. Или ты хочешь, чтобы на наши границы посягнули тайленцы?

– Тайлена – островное королевство, – спокойно сказал Лирин. – У нас с ним нет общей границы.

– Ну так они могут напасть с моря!

– Тайленцы в основном ремесленники и торговцы. Каждый, с кем мне доводилось встречаться, пытался меня надуть, но это вряд ли можно сравнить с попыткой завоевания.

Все мальчишки любили травить байки о далеких краях. Кэл все время забывал, что его отец – единственный в городе обладатель второго нана – в юности побывал в самом Харбранте.

– Все равно нам приходится с кем-то сражаться, – проворчал Кэл, надраивая пол.

– Да, – проговорил его отец, помедлив. – Король Гавилар все время находит, с кем бы подраться. С этим не поспоришь.

– Значит, нам нужны солдаты, как я и сказал.

– Лекари нужны больше. – Лирин со вздохом отвернулся от своего шкафа. – Сын, ты чуть не плачешь каждый раз, когда к нам кого-то приносят; ты от волнения скрипишь зубами даже во время простых процедур. С чего ты взял, будто сумеешь причинить кому-то боль?

– Я стану сильнее.

– Глупости. Кто вложил эти идеи в твою голову? Отчего ты возжелал учиться лупить других мальчишек палкой?

– Ради чести, отец, – пылко возразил Кэл. – Вестники свидетели, ну разве кто-то рассказывает истории о лекарях?

– Те, чьи жизни мы спасаем, – ровным голосом произнес Лирин, глядя Кэлу в глаза. – Вот кто рассказывает истории о врачах.

Кэл покраснел и съёжился, а потом вновь принялся драить пол.

– Сын, в этом мире есть два вида людей, – сурово продолжил его отец. – Те, кто спасает жизни, и те, кто их отнимает.

– А как быть с теми, кто защищает и оберегает? С теми, кто спасает одни жизни, забирая другие?

Лекарь фыркнул:

– Это все равно что пытаться остановить бурю, дуя изо всех сил. Нелепо. Ты не можешь защищать, убивая.

Кэл продолжал драить пол.

Наконец отец вздохнул, подошел к нему и, опустившись рядом на колени, стал помогать.

– Каковы свойства зимосора?

– Горький вкус, – тотчас же ответил Кэл, – оттого он безопаснее в хранении, потому что такое не съешь случайно. Растереть в порошок, смешать с маслом, использовать одну ложку на десять брусков веса человека, которого хочешь усыпить. Погружает в глубокий сон примерно на пять часов.

– А как определить, что у кого-то крученная оспа?

– Нервное возбуждение, – ответил Кэл, – жажда, проблемы со сном и припухлости в подмышках.

– Ты очень способный, сын, – мягко проговорил Лирин. – У меня ушли годы, чтобы выучить то, что ты усвоил за месяцы. Я откладывал деньги. Когда тебе исполнится шестнадцать, хочу послать тебя в Харбрант обучаться у настоящих врачей.

Кэл чуть не подпрыгнул. Харбрант? Это же совсем другое королевство! Отец бывал там как курьер, но не обучался лекарскому делу. Он постигал эту науку у старого Вата в Шорсбруне, единственном ближайшем поселении, которое заслуживало называться городом.

– Этим даром тебя наделили сами Вестники. – Лирин положил руку на плечо Кэлу. – Ты можешь стать врачом в десять раз лучше меня. Не мечтай о маленьких радостях, как другие. Наши деды много трудились, чтобы купить нам второй нан, полное гражданство и право путешествовать. Не трать это на убийства.

Кэл поколебался, но потом кивнул.

11

Капельки

*«Трое из шестнадцати правил, но теперь у власти Сломанный».
Записано в чачанан, 1173, 84 секунды до смерти.
Объект наблюдения: карманник с изнуряющей лихорадкой, по
происхождению частично ириали.*

Великая буря в конце концов утихла. Наступили сумерки того дня, когда умер мальчишка, а Сил покинула его. Каладин надел сандалии – те самые, что снял с человека с обветренным лицом в первый день в мостовом расчете, – и встал. Прошел через забитую казарму.

Вместо постели каждому мостовику полагалось лишь одно тонкое одеяло. Они сами решали, использовать его в качестве подстилки или укутаться ради тепла, замерзнуть или проснуться с болью во всем теле. Других вариантов у мостовиков не было, хотя некоторые все же умудрились придумать и третий способ применения одеял: обворачивали ими голову, словно не желая видеть, слышать и обонять. Будто прячась от всего мира.

Мир все равно их разыщет. Он был хорош в таких играх.

Снаружи лил дождь и дул сильный ветер. Вспышки освещали западный горизонт, где еще бушевала буря. До конца урагана оставался еще примерно час, кое-кто осмелился выйти на улицу: наступил момент, когда это стало безопасно. Молнии миновали, ветер сделался сносным.

Каладин шел по погруженному в сумерки лесному складу, сутулясь из-за ветра. Повсюду лежали ветки, точно кости в логове белоспинника. К грубым стенам казарм налипли листья. Каладин шлепал по лужам, и от ледяной воды его ноги онемели. Хорошо; они болели после дневной вылазки с мостом.

Дождь вымочил его насквозь, капли стекали по волосам, по лицу, по неряшливой бороде. Он ненавидел эту бороду, в особенности из-за того, что из-за усов уголки рта все время зудели. Бороды как щенки рубигончих. Мальчишки мечтали о них, не понимая, сколько с ними проблем.

– Что, лорденыш, решил прогуляться?

Каладин оглянулся и увидел Газа. Тот скорчился поблизости в проеме между двумя казармами. С чего это он вышел во время дождя?

А-а. Газ прицепил к подветренной стене одной из казарм металлическую корзинку, из которой вырывался мягкий мерцающий свет. Он оставил сферы снаружи на время Великой бури, а теперь пришел пораньше, чтобы их забрать.

Это было рискованно. Даже хорошо закрепленную корзину могло сорвать порывом ветра. Кое-кто верил, будто с бурей приходят тени Сияющих отступников и крадут сферы. Возможно, так оно и есть на самом деле. Но за время в армии Каладин не один раз сталкивался с тем, что люди получали ранения, когда тайком обыскивали округу в разгар бури, желая заполучить чужие сферы. Несомненно, суеверие родилось благодаря более осматрительным вора.

Были и безопасные способы зарядить сферы. Менялы обменивали тусклые на заряженные, или им можно было заплатить, чтобы зарядить сферы в одном из тайных охраняемых гнезд.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил Газ. Одноглазый коротышка прижал свою корзину к груди. – Если ты украл чьи-то сферы, я велю тебя подвесить.

Каладин отвернулся от него.

– Забери тебя буря! Все равно велю подвесить! Не думай, что можешь сбежать; часовые на постах. Ты...

– Я иду к Ущелью Чести, – негромко проговорил Каладин. За шумом ветра его голос едва можно было различить.

Газ заткнулся. Ущелье Чести. Он опустил свою металлическую корзину, явно не собираясь мешать. К тем, кто отправлялся этой дорогой, испытывали что-то вроде почтения.

Каладин пошел дальше через склад.

– Лорденыш, – позвал Газ, – оставь сандалии и жилет. Не хочу никого посылать за ними вниз.

Каладин сбросил в лужу кожаный жилет, потом там же оставил сандалии. Теперь на нем были только грязная рубашка да жесткие коричневые брюки – и то и другое раньше принадлежало мертвецу.

Каладин направился сквозь бурю к восточной части лесного склада. С запада доносились низкие раскаты грома. Дорога к Расколотым равнинам теперь была ему хорошо знакома. Он десятки раз тут бегал с мостовыми расчетами. Битвы случались не каждый день – возможно, раз в два-три дня, – и не каждой мостовой команде доводилось выходить на все подряд. Но многие вылазки были такими изматывающими, такими ужасными, что перерывы между ними мостовики проводили в оцепенении, почти без чувств.

Любые решения давались с трудом. То же самое происходило с людьми, испытывшими шок от битвы. Каладину такие ощущения были хорошо знакомы. И решение пойти к ущелью оказалось не из легких.

Но кровоточащие глаза того мальчика преследовали его. Нельзя допустить, чтобы такое повторилось. Ему не хватит сил это вынести.

Каладин добрался до подножия холма, и дождь с ветром хлестали его по лицу, словно толкая обратно в лагерь. Он упрямо шел вперед, к ближайшей расщелине – Ущелью Чести, как его называли мостовики, потому что там они могли сделать единственный выбор, что им еще оставался. Избрать «почетный» уход. Умереть.

Расщелины на Расколотых равнинах выглядели неестественно. Эта была узкой в самом начале, но к востоку очень быстро расширялась и через десять футов становилась такой широкой, что вряд ли можно перепрыгнуть. Здесь висели, прикрепленные к выступам в скале, шесть веревочных лестниц с деревянными перекладинами, по которым мостовики спускались на дно, чтобы обыскивать тела, упавшие в пропасть во время вылазок.

Каладин глянул на равнины. Из-за темноты и дождя почти ничего не видно. Здесь все какое-то неестественное. Эту землю изувечили. И теперь она ломала людей, которые сюда пришли. Каладин миновал лестницы, направляясь чуть дальше по краю расщелины. Там он сел, свесив ноги и глядя на струи дождя, на капли, улетающие во тьму.

Рядом с ним кремлецы посмелее выбрались из нор и суетливо грызли растения, что поглощали дождевую воду. Лирин однажды объяснил, что дожди во время Великих бурь приносят много питательных веществ. Бурестражи в Холинаре и Веденаре доказали, что растения, которые поливают дождевой водой, собранной во время Великих бурь, растут лучше, чем политые водой из озера или реки. Отчего ученые испытывают такую радость, открывая вещи, известные бесчисленным поколениям крестьян?

Каладин смотрел, как капли воды стремятся к забвению на дне провала. Маленькие прыгуны-самоубийцы. Тысячи тысяч. Миллионы миллионов. Кто знает, что ждет их во тьме? Этого нельзя увидеть, познать, пока не присоединишься к ним. Пока не прыгнешь в пустоту и не позволишь ветру увлечь тебя вниз...

– Отец, ты был прав, – прошептал Каладин. – Нельзя остановить бурю, пытаясь дуть сильнее. Нельзя спасать людей, убивая. Нам бы всем стоило стать врачами. Всем до единого...

Он заговаривался. Но, странное дело, его разум казался чище, чем на протяжении многих недель. Возможно, все дело в ясной перспективе. Многие всю свою жизнь задаются вопросами о будущем. Что ж, его будущее теперь пусто. И он обратился мыслями в прошлое, думая об отце, о Тьене, о принятых решениях.

Когда-то жизнь казалась простой. До того, как он потерял брата, до того, как в армии Амарама его предали. Вернулся бы Каладин в те невинные дни, если бы смог? Предпочел бы он притворяться, что все просто?

Нет. Ему не суждено падать беззаботно, как тем каплям. Он заполучил множество шрамов. Ударился о стены, ранив лицо и руки. Убивал невинных, сам того не желая. Шел рядом с теми, чьи сердца были подобны черным углям, и восхищался ими. Карабкался на вершины, спотыкался и падал.

И вот куда он попал. Вот где все закончится. И ведь столько всего понял, но почему-то совсем не поумнел. Каладин встал на самом краю пропасти и почувствовал, как разочарование отца нависает над ним, словно грозовые тучи над головой.

Он занес ногу над пустотой.

– Каладин!

Юноша застыл, услышав тихий, но пронзительный голос. В воздухе возникла полупрозрачная фигурка и ринулась к нему сквозь слабеющий дождь. Она то ныряла, то вновь

поднималась, как будто несла что-то тяжелое. Каладин отдернул ногу и протянул руку. Сил без церемоний приземлилась на его ладонь – она была в облике небоугря, который сжимал в пасти что-то темное.

Потом обратилась в знакомую ему молодую женщину в развевающемся на ветру платье. Она держала узкий темно-зеленый лист, чей кончик разделялся натрое. Черногибник.

– Что случилось? – спросил Каладин.

Девушка-спрен выглядела обессиленной.

– Эта штука такая тяжелая! – Она подняла лист. – Я принесла его тебе!

Каладин взял листок двумя пальцами. Черногибник. Яд.

– Зачем? – жестко поинтересовался он.

– Я думала... – проговорила Сил, отпрянув. – Ну, ты так берег те листья. Потом потерял, когда пытался помочь другому в клетке с рабами. Я думала, ты обрадуешься, если получишь еще один.

Каладин чуть не расхохотался. Она понятия не имела, что сделала, – притащила лист одного из самых смертоносных растений Рошара, чтобы порадовать его. Это было нелепо. И мило.

– Все пошло не так после того, как ты потерял те листья, – тихонько проговорила Сил. – До того ты боролся.

– Я проиграл.

Она опустила на колени и сжалась в комочек на его ладони, туманная юбка облепила ее ножки, а капли дождя проходили сквозь тело, заставляя его подрагивать.

– Он тебе не нравится, да? Я улетела так далеко... я почти забыла себя. Но я вернулась. Каладин, я вернулась.

– Почему? – взмолился он. – Почему тебе не все равно?

– Потому что, – ответила она, склонив голову набок. – Я ведь следила за тобой, знаешь. Еще в той армии. Ты всегда находил молодых и неопытных новобранцев и защищал их, даже если самому приходилось рисковать. Я помню. Очень смутно, но помню.

– Я их подвел. Теперь все мертвы.

– Не будь тебя, они погибли бы куда быстрее. Ты сделал так, что в армии у них появилась семья. Я помню их благодарность. Она-то меня и привлекла. Ты им помог.

– Нет. – Каладин сжал в пальцах черногибник. – Все, к чему я прикасаюсь, вянет и умирает.

Он стоял на самом краю, покачиваясь. Где-то далеко гремел гром.

– Эти люди в мостовом расчете, – прошептала Сил. – Ты бы мог им помочь.

– Слишком поздно. – Он закрыл глаза, вспоминая мертвого парнишку, которого видел днем. – Уже слишком поздно. Я потерпел неудачу. Они мертвы. Они умрут, и с этим ничего не поделаешь.

– Может, стоит еще раз попытаться? – Ее голос был тихим, но каким-то образом звучал громче бури. – Хуже ведь не будет.

Юноша замер.

– Каладин, в этот раз ты не проиграешь. Ты сам сказал. Они все равно умрут.

Он подумал о Тъене, о его мертвых глазах, глядящих в небо.

– Я не понимаю бóльшую часть твоих слов, – продолжала Сил. – У меня все в голове путается. Но по-моему, если ты так боишься причинить людям боль, тебе не стоит переживать за мостовиков. Разве ты можешь им чем-то навредить?

– Я...

– Каладин, еще один раз, – прошептала девушка-спрен. – Пожалуйста.

Еще один раз...

Люди, ютящиеся в бараках, не имеющие ничего, кроме единственного одеяла. Они боятся бури. Боятся друг друга. Боятся того, что принесет следующий день.

Еще один раз...

Он подумал о том, как плакал из-за смерти мальчишки, которого даже не узнал. Которому даже не попытался помочь.

Еще один раз.

Каладин открыл глаза. Он замерз и промок, но где-то внутри его вспыхнул огонек решимости, похожий на теплое пламя свечи. Пальцы сжались, раскрошив лист черногибника, и высыпал крошки в провал. Юноша опустил руку, на ладони которой сидела Сил.

Она взмыла в воздух, взволнованная:

– Каладин?

Он зашагал прочь от ущелья, шлепая босыми ногами по лужам, небрежно ступая по лозам камнепочек. Склон холма покрывали плоские растения, похожие на пластины сланца, соединенные попарно и отороченные пышной кружевной бахромой из красных и зеленых листьев, что раскрылись навстречу дождю, точно книги. Спрены жизни – зеленые огоньки, ярче Сил, но маленькие, как споры, – танцевали вокруг растений, увиливая от дождевых капель.

Каладин шел вперед, вода струилась мимо него речушками. На вершине холма он повернул ко двору, где лежали мосты. Там по-прежнему никого не было, кроме Газа, который привязывал на место сорванный брезент.

Каладин преодолел большую часть разделявшего их расстояния, прежде чем жилистый сержант его заметил и нахмурился.

– Струсил, лорденыш? Что ж, если думаешь, что я отдам...

Газ поперхнулся, когда Каладин бросился вперед и схватил его за шею. Сержант поднял руку в изумлении, но Каладин отбил ее и повалил его на каменистую, залитую водой землю. Раздался громкий всплеск. Газ вытаращил глаза от потрясения и боли и задергался, когда пальцы Каладина сжались на его горле.

– Газ, мир только что изменился, – проговорил Каладин, наклоняясь поближе. – Я умер в том ущелье, и теперь тебе предстоит иметь дело с моим мстительным призраком.

Сержант извивался, отчаянно высматривая помощь, но никого вокруг не было. Каладин удерживал его без особого труда. Кое-что полезное нашлось и в вылазках с мостами: если сумеешь выжить, здорово укрепишь мышцы.

Каладин чуть ослабил хватку, позволяя Газу дышать. Потом наклонился еще ближе:

– Мы начнем все заново, ты и я. С чистого листа. И я хочу, чтобы ты сразу кое-что понял. Я уже мертв. Ты не можешь причинить мне боль. Ясно?

Газ медленно кивнул, и Каладин позволил ему еще раз вдохнуть ледяной и сырой воздух.

– Четвертый мост мой, – отчеканил Каладин. – Ты по-прежнему будешь отправлять нас на задания, но я стану старшиной. Последний умер сегодня, так что тебе все равно придется назначить нового. Ясно?

Газ снова кивнул.

– Ты быстро учишься. – Каладин позволил сержанту свободно дышать.

Он отступил, и Газ неуверенно поднялся на ноги. В его глазах притаилась ненависть. Он как будто был чем-то обеспокоен – чем-то большим, нежели угрозы Каладина.

– Я хочу перестать выплачивать свой рабский долг, – добавил Каладин. – Сколько платят мостовикам?

– Две светмарки в день, – мрачно ответил Газ, потирая шею.

Значит, раб получает половину. Одну бриллиантовую марку. Смехотворная сумма, но даже она понадобится. Ему также надо будет как-то удержать Газа.

– Я начну забирать жалованье, – сказал Каладин, – но ты получишь одну марку из пяти. Газ вздрогнул и уставился на него сквозь полумрак.

– За старания, – уточнил мостовик.

– Какие еще старания?

Каладин шагнул к нему:

– Старания, во имя Преисподней, держаться от меня подальше. Ясно?

Газ снова кивнул. Каладин ушел. Он ненавидел тратить деньги на взятки, но Газу требовалось настойчивое, постоянное напоминание о том, почему Каладина нельзя убивать. Одна марка раз в пять дней не такое уж серьезное напоминание... но для человека, который рисковал, выбираясь наружу во время Великой бури, чтобы защитить свои сферы, ее может оказаться достаточно.

Каладин вернулся к маленькой казарме Четвертого моста, распахнул толстую деревянную дверь. Люди сидели и лежали внутри, съезжившись, как и было перед его уходом. Но что-то изменилось. Неужели они всегда выглядели такими жалкими?

Да. Именно такими. Это Каладин стал другим, а не они. Он чувствовал себя странно, как будто позволил себе забыть – пусть и не целиком – последние девять месяцев. Он словно оглянулся во времени, изучая того человека, которым был. Человека, который продолжал бы бороться, и у него это неплохо получалось.

Он не станет прежним – шрамы не стереть, – зато будет учиться у себя прежнего, как новый капитан отряда учиться у победоносных генералов прошлого. Каладин Благословленный Бурей умер, но Каладин Мостовик был той же крови и подавал надежды.

Он подошел к первой жалкой фигуре. Человек не спал – разве можно спать во время Великой бури? Мостовик съезжился, когда юноша присел рядом.

– Как тебя зовут? – спросил Каладин, и Сил, подлетев к лицу мужчины, принялась его изучать. Тот ее не видел.

Этот мостовик выглядел старше Каладина, с отвислыми щеками, карими глазами, коротко остриженными седыми волосами и короткой бородой. Рабского клейма у него не было.

– Твое имя? – снова спросил Каладин.

– Иди ты в бурю, – пробормотал мостовик и перевернулся на другой бок.

Каладин поколебался, потом наклонился ближе и тихо проговорил:

– Послушай, друг. Ты можешь назваться, или я буду продолжать тебе докучать. Отказывайся – и я выволоку тебя под дождь и подвешу над ущельем за ногу. Будешь висеть, пока не скажешь мне свое имя.

Мостовик бросил на него косой взгляд. Каладин медленно кивнул, глядя человеку прямо в глаза.

– Тефт, – наконец сказал тот. – Меня зовут Тефт.

– Это было нетрудно. – Парень протянул руку. – Я Каладин. Твой старшина.

Мостовик помедлил, потом растерянно пожал руку. Каладин смутно припоминал этого человека. Он был в расчете довольно долго – по меньшей мере несколько недель. Его перевели из другого расчета. Одним из наказаний для мостовиков, которые совершили какие-то проступки, был перевод в Четвертый мост.

– Отдохни, – сказал Каладин, отпуская руку Тефта. – Завтра у нас будет тяжелый день.

– Откуда ты знаешь? – спросил Тефт, потирая бороду.

– Потому что мы мостовики. – Каладин встал. – У нас каждый день тяжелый.

Тефт помедлил, потом вяло улыбнулся:

– Келек свидетель, так и есть.

Новый старшина оставил его в покое и стал продвигаться от одной съезжившейся фигуры к другой. Он подходил ко всем и уговорами или угрозами выведывал их имена. Мосто-

вики сопротивлялись. Как будто имя – последнее, что им принадлежало, и его нельзя отдавать задешево. Хотя несчастные и удивлялись – даже воодушевлялись – из-за того, что кого-то это заинтересовало.

Он хватался за эти имена, мысленно повторял, держал их, точно драгоценные самоцветы. Имена имели значение. Люди имели значение. Возможно, Каладин погибнет в следующем забеге с мостом или, быть может, не выдержит такого груза и Амарам вновь победит. Он устроился на земле, обдумывая план, и вдруг почувствовал, как внутри горит все тот же ровный теплый огонек.

Его согревали принятые решения и цель. Его согревала ответственность.

Сил приземлилась на ногу Каладина, шепча имена мостовиков. Она выглядела воодушевленной. Сияющей. Счастливой. Новый старшина ничего подобного не чувствовал. Он кутался в ответственность, которую принял, – ответственность за этих людей. Держался за нее, как держатся за последний каменный выступ, повиснув над пропастью.

Он должен придумать, как их защитить.

Интерлюдии ИШИКК · НАН БАЛАТ · СЗЕТ

И-1 Ишикк

Ишикк шлепал по воде на встречу со странными чужаками, тихонько насвистывая себе под нос, а шест с ведрами лежал у него на плечах. Он был в озерных сандалиях и штанах до колен. Без рубашки. Упаси? Нуу Ралик! Настоящий чистозерец никогда не покрывает плеч, если солнце светит. Без солнечного света, согревающего тело, и заболеть недолго.

Он насвистывал, но не потому, что день был приятным. Строго говоря, Нуу Ралик даровал почти ужасный день. В ведрах Ишикка плавали только пять рыб, и четыре из них – самых непритязательных и частых разновидностей. Приливы неправильные, как будто само Чистозеро рассердилось. Приближались плохие дни; это точно, как солнце и прилив, да-да.

Чистозеро простиралось во все стороны, на сотни миль, и его блестящая гладь была совершенно прозрачной. В самой глубокой части от мерцающей поверхности до дна не больше шести футов, а в других местах теплая и ленивая вода достигала примерно середины бедра. Здесь обитали маленькие рыбы, разноцветные кремлецы и похожие на угрей речные спрены.

Чистозеро – сама жизнь. Однажды на эту землю посягнул король. Села-Талес – так называлась его страна, одно из Древних королевств. Что ж, называть ту страну могли как угодно, но Нуу Ралик ведал – природные границы куда важнее границ, что устанавливают народы. Ишикк был чистозерцем. В первую и главную очередь. Прилив и солнце соврать не дадут.

Он уверенно шел вброд, хоть дно иной раз бывало неровным и опасным. Приятная теплая вода колыбалась ниже колен, Ишикк шагал почти без всплесков. Он знал, как двигаться медленно, следя за тем, чтобы не наступить на шипогрива или острый каменный выступ.

Впереди зеркальное совершенство нарушала деревня Фу Абра – скопище домов, уютившихся на подводных каменных плитах. Округлые крыши делали их похожими на камнепочки, что вылезали из земли. На много миль вокруг ничто иное не возвышалось над поверхностью Чистозера.

Тут столь же неторопливо бродили другие люди. По воде можно и бегать, но для подобного редко находились причины. Ради чего такого важного нужно устраивать плеск и суматоху?

От этой мысли Ишикк покачал головой. Спешили только чужаки. Он кивнул темнокожему Таспику, что прошел мимо, волоча за собой маленький плот. На плоту несколько стопок одежды, – видимо, Таспик возвращался после стирки.

– Эй, Ишикк! – окликнул его тощий человек. – Как рыбалка?

– Ужасно! – отозвался Ишикк. – Вун Макак сегодня мне все испортил. А ты?

– Потерял рубаху, пока стирал, – радостно ответил Таспик.

– Что ж, такова жизнь. Мои чужаки здесь?

– Конечно. Сидят у Маиб.

– Пусть Вун Макак позаботится о том, чтобы они не съели все припасы в ее доме, – сказал Ишикк, продолжая идти. – И чтоб не заразили ее своими постоянными тревогами.

– Пусть позаботятся об этом солнце и приливы! – ответил Таспик, усмехнувшись, и отправился своей дорогой.

Дом Майб стоял почти в центре деревни. Ишикк не очень-то понимал, что заставляет ее жить внутри здания. Большинство ночей он спокойно спал на плоту. На Чистозере не бывает холодов, если не считать Великой бури, да и ту можно перенести, коли Нуу Ралик благоволил.

Когда приходили бури, Чистозеро мелело, утекало в ямы и дыры, так что надо было просто запихнуть плот между двумя каменными выступами и спрятаться под ним от ярости урагана. Бури здесь не такие страшные, как на востоке, где они швырялись валунами и сдували дома. О, он слышал истории о том, как там живут. Не дай Нуу Ралик, чтобы ему пришлось когда-нибудь отправиться в такое ужасное место.

Кроме того, в домах холодно. Ишикк жалел тех, кому приходилось жить в холоде. Отчего они просто не перейдут на Чистозеро?

«Не дай Нуу Ралик, пусть уж лучше не приходят», – думал он, приближаясь к жилищу Майб. Если все узнают, как хорошо на Чистозере, точно захотят тут жить, и не останется места, где не наткнешься на чужака!

Он вошел в дом. Низкий пол покрывало несколько дюймов воды, так что его икры теперь ощущали воздух. Чистозерцам нравились такие полы – правильные они, хотя во время отлива некоторые дома пересыхают.

Вокруг его пальцев носились пескари. Обычные, ничего не стоящие. Майб возилась с горшком рыбного супа и поприветствовала его кивком. Эта крепко сбитая женщина вот уже много лет гонялась за Ишикком, пытаясь приманить его отличной стряпней и женить на себе. Может, однажды он позволит ей себя поймать.

Его чужаки сидели в углу, за столом, который могли выбрать только они, – поднятым чуть выше, с подставками для ног, чтобы чужестранцы не намочили пальцы. «Нуу Ралик, что за дурни! – подумал он с веселым удивлением. – Прячутся от солнца под крышей, носят рубашки, остерегаются его тепла и приливов не чувят. Неудивительно, что в голове у них такая путаница».

Ишикк опустил ведра, кивнул Майб.

Она поглядела на него:

– Хорошо порыбачил?

– Ужасно.

– Ну ладно, тогда твой суп сегодня бесплатный. Чтобы возместить проклятие Вуна Макака.

– Сердечно тебя благодарю. – Он принял у нее исходившую паром миску.

Майб улыбнулась. Теперь он у нее в долгу. Еще немного мисок, и ему придется взять ее в жены.

– Там в ведре колгрил для тебя, – заметил он. – Поймал рано утром.

На ее полноватом лице отразилась растерянность. Колгрил – очень удачный улов. Съевший его на целый месяц забывал о боли в суставах, а иногда ты мог обрести способность читать по облакам и предсказывать приход гостей. Майб любила колгрилов из-за посланных Нуу Раликом болей в пальцах. Один колгрил стоил двух недель супа, и теперь уже она была в долгу перед Ишикком.

– Вун Макак следит за тобой, – раздраженно пробормотала Майб и заглянула в ведро. – Ну да, точно колгрил. Парень, и как же я тебя поймаю?

– Я рыбак. – Он отхлебнул супа – из таких мисок проще было пить. – Тяжело поймать рыбака. Ты это знаешь.

Все еще посмеиваясь, Ишикк пошел к чужакам, а женщина принялась вылавливать колгрила.

Их было трое. Два темнокожих макабаки, хоть это и были самые странные макабаки из всех, кого ему доводилось видеть. Один – крепкого телосложения, хотя его сородичи, как

правило, отличались изяществом, а еще он был полностью лысым. Другой – повыше ростом, с короткими темными волосами, жилистый и широкоплечий. Мысленно Ишикк называл их Ворчун и Грубиян, в соответствии с их характерами.

Третий был смугловатым, как алети. В нем тоже ощущалось что-то неправильное. Глаза не того разреза, да и выговор точно не алетийский. Он говорил на селайском хуже первых двух и, как правило, помалкивал. И все же чувствовалось, что он много размышляет. Ишикк назвал его Мудрецом.

«Интересно, где он получил этот шрам на голове?» – подумал Ишикк. Да, жизнь вдали от Чистозера очень опасна. Сплошные войны, особенно на востоке.

– Странник, ты опоздал, – сказал высокий, суровый Грубиян. Он выглядел и вел себя как солдат, хотя все три чужака были без оружия.

Ишикк нахмурился, сел и с неохотой вытащил ноги из воды:

– Разве сегодня не день варли?

– День правильный, дружище, – согласился Ворчун. – Но мы должны были встретиться в полдень. Понимаешь?

Обычно разговоры вел именно он.

– Так ведь почти полдень.

Ну в самом деле, кто обращает внимание на точное время? Только чужаки. Вечно они суетятся.

Ворчун лишь головой покачал. Маиб принесла им супа. Ее дом был единственным подобием трактира во всей деревне. Она оставила Ишикку мягкую салфетку из ткани и миленькую кружку со сладким вином, пытаясь побыстрее уравновесить его рыбу.

– Ну ладно, дружище, – сказал Ворчун. – Отчитывайся.

– В этом месяце я побывал в Фу-Ралисе, Фу-Намире, Фу-Албасте и Фу-Мурине. – Ишикк вновь хлебнул супа. – Никто не видел человека, которого вы ищете.

– Ты задавал правильные вопросы? – спросил Грубиян. – Уверен?

– Конечно уверен. Я этим занимаюсь уже вечность.

– Пять месяцев, – уточнил Грубиян. – И никакого результата.

Ишикк пожал плечами:

– Хотите, чтоб я начал сочинять? Вуну Макаку это понравится.

– Нет, друг мой, никаких выдумок, – сказал Ворчун. – Нам нужна только правда.

– Ну так вы ее и получили.

– Клянешься именем этого вашего бога, Нуу Ралика?

– Тсс! – встревожился Ишикк. – Не произносите его имя. Вы что, идиоты?

Ворчун нахмурился:

– Но ведь он же ваш бог. Так? Его имя что, священное? Его нельзя говорить вслух?

Чужаки такие тупые. Разумеется, Нуу Ралик – бог, но всегда следовало притворяться, что это не так. Вун Макак – его младший, злобный брат – должен верить, что поклоняются именно ему, иначе его одолеет зависть. О таких вещах безопасно говорить только в священном гроте.

– Я клянусь именем Вуна Макака, – многозначительно сказал Ишикк. – Пусть он хранит меня и проклинает, сколько ему захочется. Я искал усердно. Ни один чужак, как тот, которого вы описали, – с белыми волосами, хорошо подвешенным языком и лицом, похожим на наконечник стрелы, – там не появлялся.

– Иногда он красит волосы, – уточнил Ворчун. – И переодевается.

– Я спрашивал про все имена, что вы мне дали. Никто его не видел. Вообще-то, я бы мог поймать рыбу, которая разыщет его для вас. – Ишикк потер заросший подбородок. – Толстобокий корт смог бы такое сделать. Только вот искать его я буду долго, да-да.

Трое посмотрели на него.

– Знаете, эти рыбы – они ведь неспроста, – сказал Грубиян.

– Суеверия, – отрезал Ворчун. – Вао, вечно ты их ищешь.

«Вао» – не настоящее имя этого человека; Ишикк не сомневался, что они называют друг друга фальшивыми именами. Поэтому он придумал для них собственные имена. Если чужаки подсовывают ему фальшивки, он ответит им тем же.

– А ты, Темоо? – резко спросил Грубиян. – Мы не можем лебезить перед тобой всю дорогу до...

– Господа... – заговорил Мудрец и кивнул на Ишикка, который знай себе прихлебывал суп. Они перешли на другой язык и продолжили спор.

Ишикк слушал краем уха, пытаясь определить, что это за язык. Он никогда не ладил с другими языками. Да и зачем? Ни ловить, ни продавать рыбу они бы не помогли.

Он действительно искал нужного им человека. Всю округу обошел, посетил множество местечек на Чистозере. Это была одна из причин, по которым он не хотел жениться на Маиб. Ему придется осесть, а это плохо сказывается на улове. По крайней мере, редкую рыбу так точно не поймает.

Ему все равно, зачем они ищут этого Хойда, кем бы он ни был. Чужаки всегда искали то, чем не могли обладать. Ишикк откинулся к стене, болтая пальцами ног в воде. Как приятно. Наконец они прекратили спорить. Дали ему новые инструкции, вручили кошель со сферами и ступили в воду.

Как большинство чужаков, эти носили сапоги из толстой кожи, до самых колен. Они шли к выходу, расплескивая воду. Ишикк последовал за ними, махнув Маиб и подобрав свои ведра. Он еще вернется позже, чтобы поужинать.

«Может, стоит позволить ей поймать меня? – Рыбак вышел снова на солнечный свет и вздохнул от облегчения. – Нуу Ралик знает, я старею. Было бы неплохо расслабиться».

Его чужаки шлепали по Чистозеру. Ворчун шел последним. Он выглядел очень расстроенным.

– Где же ты, Бродяга? Что за дурацкое путешествие... – Потом он прибавил на своем родном языке: – Алаванта камалу каяна. – И зашлепал следом за своими товарищами.

– Что-то дурацкое в этом точно есть, – проговорил Ишикк с коротким смешком и, повернув в другую сторону, отправился проверить ловушки.

И-2

Нан Балат

Нан Балат любил убивать.

Не людей. Только не людей. Он убивал животных.

Особенно маленьких. Он не знал, отчего это его так радовало. Радовало, и все тут.

Нан Балат сидел на крыльце своего особняка, отрывая лапки небольшого краба одну за другой. Отделять их было приятно – Нан Балат сначала тянул легко, и животное замирало. Потом тянул сильнее, и оно начинало дергаться. Связки сопротивлялись, затем рвались, шелкая. Краб корчился, и Балат махал лапкой, сжимая тварюшку двумя пальцами.

Он удовлетворенно вздохнул. Отрывание лапок расслабляло, заставляло боль отступать. Бросив лапку через плечо, принялся за следующую.

Нан Балат не любил говорить об этой своей привычке. Даже с Эйлитой избегал этой темы. Он просто этим занимался. У всех свои способы не сойти с ума.

Лапки закончились, и он встал, опираясь на трость, окидывая взглядом сады семьи Давар – каменные стены, увитые лозами разных видов. Они такие красивые, но лишь Шаллан могла оценить их по достоинству. Эта часть Йа-Кевода – расположенная на юго-западе от Алеткара, на возвышенностях, пересеченная горами вроде Пиков Рогоедов, – изобиловала

лозами. Они росли повсюду, укрывали и сам особняк, и ступени, ведущие к нему. За пределами людских поселений свисали с деревьев, вились по каменистым просторам и были такими же вездесущими, как трава в других областях Рошара.

Балат подошел к краю крыльца. Какие-то дикие певунчики запели в отдалении, потирая свои раковины, покрытые бороздками. Каждый пел в своем ритме и тональности, хотя мелодией это все-таки называть не стоило. Мелодии творили люди, не животные. Но все же это песни, и временами казалось, что они поют, отвечая друг другу.

Балат спустился, преодолевая ступеньку за ступенькой, и лозы, вздрагивая, убрались прочь от его ног. Прошло уже почти шесть месяцев после отъезда Шаллан. Этим утром они получили весточку по дальперу – она успешно завершила первую часть своего плана, став ученицей Ясны Холин. И теперь его малышка-сестра, которая до сих пор ни разу не покидала поместье, готовилась ограбить самую важную женщину в мире.

Спускаться по ступенькам – удручающе тяжелый труд. «Двадцать три года, – подумал Балат, – и уже калека». Он по-прежнему чувствовал постоянную тупую боль. Перелом был плохой, и лекарь едва не решил отрезать всю ногу. Возможно, стоило радоваться, что до этого так и не дошло, но ему предстояло до конца своих дней ходить с тростью.

Скрак играла с чем-то на зеленой лужайке, где ухоженную траву оберегали от лоз. Большая рубигончая валялась, прижав усики к голове, и грызла свою добычу.

– Скрак, – позвал Балат, ковыляя ближе, – что у тебя там, девочка?

Рубигончая глянула на хозяина, приподняв усики. Потом издала гулкий звук – два голоса, словно эхо, накладывались друг на друга – и снова принялась играть.

«Проклятая тварь, – подумал Балат ласково, – так и не научилась выполнять приказы». Он разводил рубигончих с юных лет и обнаружил – как многие до него, – что чем они умней, тем более непокорны. О, Скрак была верной, но по мелочам внимания на него не обращала. Точно ребенок, который старается доказать свою независимость.

Приблизившись, он разглядел, что Скрак умудрилась поймать певунчика. Существо размером с кулак имело форму заостренного диска с четырьмя «руками», что высовывались из основания и ритмично скребли по верхушке. Четыре крепкие «ноги» обычно удерживали его на каменной стене, но их Скрак уже отгрызла. Она и с двумя «руками» расправилась и сумела сдавить раковину так, что та треснула. Балат чуть было не отобрал животное, чтобы самому оторвать оставшиеся лапы, но потом решил – пусть лучше Скрак развлечется.

Скрак отвлеклась от певунчика и посмотрела на Балата, вопросительно приподняв усики. Она была гладкой и поджарой и, садясь на задние лапы, вытягивала перед собой все шесть конечностей. У рубигончих нет ни раковин, ни кожи; их тела покрывала смесь того и другого, гладкая на ощупь и более гибкая, чем истинный панцирь, но жестче кожи и состоявшая из плотно сомкнутых пластин. Заостренная морда рубигончей казалась любопытной, ее глубокие черные глаза внимательно глядели на Балата. Она издала тихий трубный звук.

Балат улыбнулся, наклонился и почесал рубигончую за ушными дырами. Животное прислонилось к нему – Скрак весила, наверное, столько же, сколько и он сам. Рубигончие иногда доходили человеку до талии, но эта из породы поменьше и побыстрей.

Певунчик задержался, и Скрак принялась рьяно крошить раковину сильными внешними жвалами.

– Скрак, я трус? – Балат присел на скамью.

Он отложил трость и схватил крабика, который прятался на боковине скамейки, выкрасив раковину в белый цвет, чтобы не выделяться на фоне камня.

Балат разглядывал дергающееся животное. Зеленую траву вывели не такой робкой, и она высунулась из норок уже через несколько мгновений после того, как Балат прошел. Другие растения распускались, выглядывая из раковин или дыр в земле, и вскоре на ветру показывались красные, оранжевые и синие цветы. Пространство вокруг рубигончей оставалось

голым, конечно. Скрак слишком увлеклась своей добычей, и даже прирученные растения из-за нее сидели по норам.

– Я не мог отправиться в погоню за Ясной, – сказал Балат, начиная отрывать крабу лапки. – Только женщине по силам подобраться к ней достаточно близко, чтобы украсть духозаклинатель. Кроме того, кому-то надо было остаться дома и обо всем тут позаботиться.

Слабые оправдания. Балат действительно чувствовал себя трусом. Он оторвал еще несколько лапок, но удовольствия не получил. Краб очень маленький, и лапки отрывались слишком легко.

– Этот план, скорее всего, не сработает. – Пальцы оторвали последнюю лапку.

Так странно глядеть на тварь без «ног». Краб был все еще жив. Впрочем, с чего он так решил? Без лап, которыми можно было семенить, существо выглядело мертвым, точно камень.

«Руки, мы ими размахиваем, чтобы казаться живыми. Вот для чего они нужны». Он сунул пальцы в просвет между пластинами крабьего панциря и начал их раздвигать. Панцирь не поддавался, и это было приятно.

С их семьей все кончено. Необходимость на протяжении долгих лет выносить жестокий нрав отца толкнула Ашу Йушу на путь порока, а Тет Виким впал в отчаяние. Только Балату как будто везло. Балату и Шаллан. Ее отец оставил в покое, ни разу не тронул. Временами Балат ненавидел сестру за это, но разве такую, как Шаллан, можно ненавидеть по настоящему? Она тихая и нежная.

«Не следовало позволять ей уезжать, – подумал он. – Должен был найтись какой-то другой путь». Ей не справиться самой; сестра, наверное, в ужасе. Удивительно, что она сделала то, что сделала.

Он бросил куски краба через плечо. «Если бы только Хеларан выжил». Их самый старший брат – тогда его звали Нан Хеларан, потому что он был первым сыном, – не раз противостоял отцу. Что ж, он теперь мертв, как и отец. От семьи остались одни калеки.

– Балат! – позвал кто-то.

На крыльце стоял Виким. Юноша, похоже, оправился от недавнего приступа меланхолии.

– Что? – спросил Балат, вставая.

Виким поспешил к брату вниз по ступеням, и лозы – а потом трава – прятались, ощутив его приближение.

– У нас проблема.

– Насколько серьезная проблема?

– Весьма серьезная, я бы сказал. Пойдем со мной.

И-3

Блаженное неведение

Сзет-сын-сына-Валлано, неправедник из Шиновара, сидел на деревянном полу таверны, и лависовое пиво медленно пропитывало его коричневые штаны.

Его одежда, грязная и заношенная до дыр, ничем не напоминала простой, но изысканный белый наряд, в котором он пять лет назад отправился убивать короля Алеткара.

Голова опущена, руки на коленях, оружия нет. Он не призывал свой осколочный клинок вот уже несколько лет и, кажется, все это время ни разу не мылся. Сзет не жаловался. Если выглядеть ничтожеством, люди будут относиться к тебе как к ничтожеству. Ничтожество не посылают убивать.

– Так он сделает, что велят? – спросил один из сидевших за столом шахтеров.

Мужик одет не лучше Сзета и покрыт таким количеством грязи, что трудно отличить кожу от ткани. Их четверо, все с глиняными кружками. В комнате воняло отбросами и потом. Низкий потолок, окна – простые щели, и только на подветренной стороне. Стол едва держался, стянутый кожаными ремнями, поскольку через всю столешницу шла трещина.

Тук – нынешний хозяин Сзета – поставил кружку на покосившийся стол. Тот просел под тяжестью его руки.

– Ага, точно сделает. Эй, курп, глянь-ка на меня.

Сзет поднял глаза. «Курп» на местном бавском диалекте означало «ребенок». Сзет привык к таким уничижительным эпитетам. Хотя ему пошел тридцать пятый год – и седьмой, как его называли несправедником, – обычные для его народа большие круглые глаза, невысокий рост и лысая голова напоминали уроженцам востока ребенка.

– Встань, – сказал Тук.

Сзет так и сделал.

– Попрыгай.

Сзет подчинился.

– Вылей пиво Тона себе на голову.

Сзет потянулся за кружкой.

– Эй! – Тон быстро убирал ее. – Пиво-то не трожь! Я еще не допил!

– Если бы допил, – хмыкнул Тук, – ему бы нечего было вылить себе на голову, правда?

– Пусть он что-то другое сделает, – проворчал Тон.

– Ну ладно. – Тук вытащил засапожный нож. – Курп, порежь себе руку.

– Тук... – простуженным голосом сказал один из шахтеров, – это неправильно, ты же знаешь.

Хозяин не отменил приказ, так что Сзет подчинился – взял нож и стал резать себе руку. Кровь выступала вокруг грязного лезвия.

– Перережь себе глотку, – приказал Тук.

– Хватит, Тук! – Амарк вскочил. – Я тут не...

– Да заткнись ты. – (Теперь на представление смотрели уже почти все посетители.) – Сам все увидишь. Курп, перережь себе глотку.

– Мне запрещено отнимать собственную жизнь, – тихо проговорил Сзет на бавском языке. – Поскольку я несправедник, природа моего страдания такова, что я не имею права познать смерть от собственной руки.

Амарк снова сел, вид у него был глуповатый.

– Мать пыли! – сказал Тон. – Он всегда так разговаривает?

– Как? – спросил Тук, отхлебнув из кружки.

– Гладко, слово за слово, и все приличные. Точно светлоглазый.

– Ага, он вроде раба, только лучше, потому как шинец. Не сбежит, огрызаться не будет, вообще ничего делать не станет. Платить ему тоже не надо. Он как паршун, но умнее. Стоит целую кучу сфер, я бы сказал. – Тук поглядел на остальных мужчин. – Его можно отправить в шахту с вами, пусть работает, а жалованье мы себе заберем. Он будет делать то, чего вам не хочется. Выгребать дерьмо из уборной, белить дом. Полезная скотина!

– Ну-ну, и где же ты его раздобыл? – спросил один из шахтеров, почесывая бороду.

Тук – сезонник и переезжал из города в город. Показывая Сзета, он быстро находил себе друзей.

– О, та еще история! Я шел через горы к югу отсюда, ну, вы знаете, и услышал такой жуткий вой. Это был не просто какой-нибудь ветер, но я и...

История была полностью выдуманной; прежний хозяин – фермер из деревни неподалеку – обменял Сзета на мешок семян. Фермер получил его от странствующего торговца,

которому он достался от сапожника, а тот выиграл его в запрещенной азартной игре. А до того – еще с десятков хозяев.

Сначала темноглазым простолюдинам нравилось владеть им, в этом была новизна.

Большинству рабы не по карману, а паршуну – тем более. Потому иметь под рукой кого-то вроде Сзета было весьма неплохо. Он драил полы, пилил дрова, помогал работать в поле и носил грузы. Кто-то обращался с ним хорошо, кто-то – нет.

Но от него всегда избавлялись.

Возможно, крестьяне чуяли правду, понимали, что он способен делать куда больше, чем они осмеливались ему приказывать. Одно дело – иметь собственного раба. Но если тот разговаривает как светлоглазый и куда умнее тебя? От этого им становилось не по себе.

Сзет пытался играть роль, пытался не быть таким воспитанным. Это было очень трудно для него. Почти невозможно. Что бы сказали эти люди, узнав, что их ночные горшки выносит осколочник, связыватель потоков? Ветробегун, как древние Сияющие? В момент призыва клинка его глаза становились из темно-зеленых бледными, почти светящимися сапфирами, такой уникальный эффект имелся у его оружия.

Лучше им об этом не знать. Сзет радовался тому, как бестолково его используют; каждый день, потраченный на уборку или рытье ям, а не на убийства, становился победой. Воспоминания о том вечере все еще его преследовали. До того ему приказывали убивать, но всегда по секрету, тихо. Никогда раньше ему не давали столь преднамеренно ужасных инструкций.

«Убивай, уничтожай и сокрушай, пока не доберешься до короля. Пусть тебя увидят. Пусть останутся свидетели. Раненые, но живые...»

– ...и вот тогда он поклялся служить мне до конца моих дней, – завершил Тук. – И с той поры со мной.

Слушатели повернулись к Сзету.

– Это правда, – подтвердил он, как было приказано заранее. – До последнего слова.

Тук улыбнулся. Он не чувствовал неловкости из-за Сзета и явно считал естественным, что тот ему подчиняется. Возможно, Тук останется хозяином Сзета на более долгий срок, чем другие.

– Ну, – сказал Тук, – мне пора. Завтра рано в дорогу. Увидеть новые города, пройти новыми дорогами...

Он любил считать себя опытным путешественником, хотя, насколько Сзет мог судить, просто двигался по большому кругу. В этой части Бавии было множество маленьких шахт – и, соответственно, маленьких поселков. Тук, возможно, уже бывал в этой самой деревне несколько лет назад, но сезонники в шахтах постоянно менялись. Вряд ли его помнили, если только кому-нибудь не врезались в память его до жути неправдоподобные истории.

Неправдоподобные или нет, но шахтерам захотелось еще. Они уговаривали Тука, предлагая выпивку, и он со смиренным видом согласился.

Сзет сидел тихо, скрестив ноги, держа руки на коленях, – по предплечью стекала тонкая струйка крови. Понимали ли паршенди, на что обрекают его, выбрасывая клятвенный камень той ночью, когда покидали Холинар? Сзету приказали найти камень и встать на обочине дороги – он так и сделал и все думал, найдут ли его, казнят ли – он надеялся, что найдут и казнят, – пока проезжавший мимо торговец не заинтересовался им и не спросил, в чем дело. К тому моменту Сзет был в одной набедренной повязке. Честь вынудила его выбросить белый наряд, потому что тот сделал бы его слишком легкоузнаваемым. Ему надлежало беречь себя, чтобы продлевать свои страдания.

После короткого объяснения, в котором были опущены уличающие детали, Сзет оказался на телеге торговца. Торговец – звали его Авадо – попался достаточно умный, чтобы

сообразить, как плохо могут обойтись с чужаками после смерти короля. Он отправился в Йа-Кевед, даже не догадываясь, что сделал убийцу Гавилара своим слугой.

Алети его не искали. Они предположили, что печально знаменитый Убийца в Белом сбежал вместе с паршенди. И видимо, рассчитывали встретить его на Расколотых равнинах.

В конце концов шахтерам наскучили истории Тука, в которых было все больше невнятицы. Они распрощались с ним, не обращая внимания на намеки о том, что еще одна кружка пива могла бы подвигнуть его на то, чтобы поделиться самой великой историей.

Имелся в виду тот случай, когда он якобы видел саму Ночехранительницу и украл сферу, что в ночи излучала черный свет. Эта история всегда вызывала у Сзета неприятные ощущения, поскольку напоминала о странной черной сфере, которую ему дал Гавилар. Он хорошо ее спрятал в Йа-Кеведе. Вот только не знал о ее возможностях, но уж точно не хотел рисковать, понимая, что любой хозяин может ее отнять.

Когда никто не предложил Туку еще выпить, он неохотно слез со стула и взмахом руки велел Сзету следовать за ним. Снаружи было темно. В этом городе, Железнодоле, имелись настоящая центральная площадь, несколько сотен домов и три отдельные таверны. Это почти центр Бавии – маленькой, всеми пренебрегаемой полосы земли к югу от Пиков Рогоедов. В строгом смысле слова она была частью Йа-Кеведа, но даже его великий князь редко про нее вспоминал.

Сзет следовал за хозяином по улицам в один из бедных кварталов. Тук был слишком прижимистым и, разумеется, не стал платить за комнату в каком-нибудь приличном, пусть и скромном районе города. Сзет кинул взгляд через плечо, желая, чтобы Вторая сестра, которую на востоке называли Номон, взшла и подарила хоть немного света.

Тук, захмелев, споткнулся и упал посреди улицы. Сзет вздохнул: это будет не первая ночь, когда придется нести пьяного сезонника в постель. Он присел, чтобы поднять Тука.

И застыл. Под телом хозяина расплывалась теплая лужа. Лишь в этот момент неправедник заметил, что из шеи Тука торчит нож.

Сзет мгновенно насторожился, и тут из переулка высыпала группа разбойников. Один вскинул руку, готовясь бросить в Сзета нож, чье лезвие отразило звездный свет. Он напрягся. В кошелье Тука были заряженные сферы, из которых можно вытянуть бурсвет.

– Стой, – прошипел один из разбойников.

Человек с ножом замер. Другой подошел ближе, рассматривая Сзета:

– Он шинец. И кремлеца не обидит.

Другие потащили тело в переулок. Человек с ножом снова замахнулся:

– Он ведь может заорать.

– А почему не заорал до сих пор? Я тебе говорю, они безобидны. Почти как паршуны.

Мы его продадим.

– Ну, не знаю, – пробормотал второй. – Он перепугался. Ты только погляди.

– Иди сюда, – позвал первый разбойник и взмахнул рукой.

Сзет подчинился, прошел в переулок, который внезапно осветился, когда другие бандиты развязали кошель Тука.

– Келек свидетель, – сказал один из них, – зря старались. Горстка грошей и две марки, ни единого броума.

– Да я же вам говорю, мы можем продать этого парня как раба. Людям нравятся слуги-шинцы.

– Да он же просто пацан.

– Не-а. Они все так выглядят. Эй, а это что такое? – Разбойник вытащил искрящийся камень размером со сферу из ладони того, который считал добычу. Камень выглядел заурядно – просто кусочек скалы с несколькими кристаллами кварца и ржавой железной жилой. – Это что?

– Булыжник какой-то, – предположил кто-то из членов шайки.

– Я должен сообщить, – тихо проговорил Сзет, – что ты держишь мой клятвенный камень. До тех пор, пока он у тебя, ты мой хозяин.

– Это как понять? – спросил один из бандитов, вскакивая.

Первый сжал камень в кулаке и окинул товарищей опасливым взглядом. Потом снова посмотрел на Сзета:

– Твоим хозяином? Что это значит, объясни четко и не увиливай.

– Я должен тебе подчиняться. Во всем, хотя я не выполняю приказ совершить самоубийство.

Ему также нельзя было приказать отдать свой клинок, но об этом не стоило упоминать сейчас.

– Ты будешь мне подчиняться? – переспросил бандит. – В смысле, сделаешь все, что я скажу?

– Да.

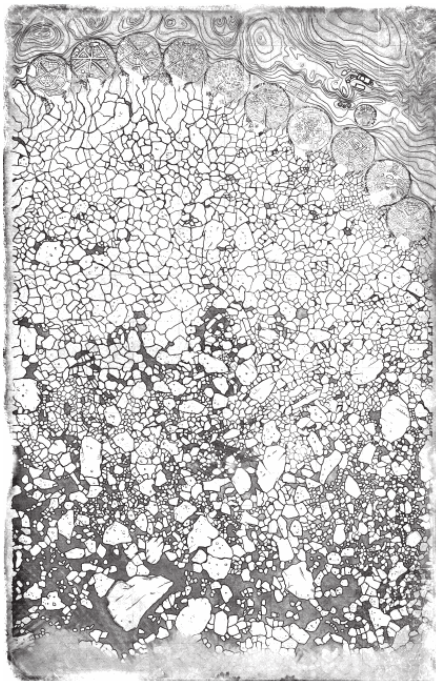
– Вот просто все-все?

Сзет закрыл глаза:

– Да.

– Ну так ведь это интересно, – задумчиво проговорил мужчина. – Это очень, очень интересно...

Часть вторая Озаряющие бури ДАЛИНАР · КАЛАДИН · АДОЛИН

Основная карта Расколотых равнин. В восточной части можно без труда заметить Башню, самое большое плато в округе. Военные лагеря видны на западе.

Глифпары и номера плато устранены ради сохранения читабельности этой маленькой репродукции оригинала, находящегося в Галерее карт его величества Элокара.

12 Единство

Надеюсь, старый друг, это послание застанет тебя в добром здравии. Впрочем, поскольку ты теперь в каком-то смысле бессмертен, рискну предположить, что хорошее здоровье стало для тебя чем-то само собой разумеющимся.

– Сегодня, – объявил ехавший верхом король Элокар, обозревая ярко-голубое небо, – отличный день, чтобы убить бога. Что вы на это скажете?

– Несомненно, ваше величество, – первым спокойно ответил Садеас, с понимающей улыбкой. – Утверждают, богам стоит остерегаться алетийской знати. По крайней мере, большинства из нас.

Адолин крепче стиснул вожжи; его охватывало волнение каждый раз, когда говорил великий князь Садеас.

– Нам действительно нужно быть в первых рядах? – прошептал Ренарин.

– Я хочу послушать, – негромко пояснил Адолин.

Они с братом ехали почти во главе колонны, вблизи от короля и его великих князей. Позади вилась блестящая процессия: тысяча солдат в синих мундирах семьи Холин, десятки слуг и даже женщины в паланкинах, чтобы вести хронику охоты. Адолин потянулся за флягой и глянул на них.

Юноша облачился в осколочный доспех, и брать флягу приходилось осторожно, чтобы не раздавить. В броне мышцы реагировали быстрее и сильнее; чтобы к ней привыкнуть, требовалась практика. Адолин по-прежнему иной раз попадал впросак, хотя этот наряд – унаследованный по материнской линии – носил с шестнадцатилетия. То есть вот уже целых семь лет.

Он повернулся и сделал большой глоток тепловатой воды. Садеас ехал слева от короля; справа от Элокара возвышалась крепкая фигура в доспехе – Далинар, отец Адолина. Вама, третий из участвовавших в охоте великих князей, не владел осколочным вооружением.

Король блистал в своем золотом осколочном доспехе, – разумеется, доспех любому человеку мог придать царственный облик. Садеас и тот выглядел впечатляюще в красной броне, хотя его толстые и румяные щеки ослабляли эффект. Садеас и король гордились доспехами. И... ну да, Адолин тоже гордился. Свой он велел покрасить в синий цвет и приварить к шлему и наплечникам несколько украшений, чтобы казаться еще более грозным. Разве можно избежать позерства, надевая нечто столь грандиозное, как осколочный доспех?

Адолин сделал еще глоток, прислушиваясь к тому, как король описывает свое возбуждение от предстоящей охоты. Только один рыцарь во всей процессии – и, в общем-то, только один носитель осколочных лат во всех десяти армиях – был в доспехе, на котором отсутствовали краска и узоры. Далинар Холин. Отец Адолина предпочитал носить свою защиту в ее естественном сланцево-сером цвете.

Мрачный Далинар ехал рядом с королем. Шлем великого князя был привязан к седлу, оставляя открытым квадратное лицо и короткие черные волосы, побелевшие на висках. Мало кто из женщин назвал бы Далинара Холина красавцем; неправильной формы нос, прочие черты – скорее грубые, нежели изящные. У отца Адолина было лицо воина.

Далинар Холин ехал верхом на массивном черном ришадиуме, одном из самых громадных коней, каких Адолину когда-либо доводилось видеть. В то время как король и Садеас в своих доспехах выглядели царственно, Далинар каким-то образом умудрялся казаться солдатом. Для него доспех был не украшением, а инструментом. Он как будто никогда не удивлялся силе и скорости, которые даровали эти латы. Создавалось впечатление, что для Далинара Холина носить свой осколочный доспех вполне естественно, а вот оказаться без него – ненормально. Возможно, именно из-за этого он и заработал репутацию одного из величайших воинов и полководцев всех времен.

Адолин вдруг от всей души пожелал, чтобы его отец приложил хоть немного усилий для поддержания этой репутации. Подметив отрешенное лицо Далинара и тревогу во взгляде, юноша подумал: «Он опять размышляет о своих видениях».

– Прошлой ночью все повторилось, – тихо сказал он Ренарину. – Во время Великой бури.

– Знаю, – спокойно произнес тот.

Младший брат Адолина всегда медлил, прежде чем ответить, будто мысленно проговаривал слова. Некоторые знакомые женщины говорили, что Ренарин ведет себя так, словно препарирует их в уме. Дамы вздрагивали, когда заходила о нем речь, хотя сам Адолин никогда не испытывал неловкости в присутствии брата.

– Что они значат, по-твоему? – спросил Адолин очень тихо, чтобы только Ренарин мог его услышать. – Эти отцовские... приступы?

– Не знаю.

– Ренарин, мы больше не можем притворяться, что ничего не происходит. Солдаты уже болтают. Слухи расходятся по всем десяти армиям!

Далинар Холин сходил с ума. Как только начиналась Великая буря, он падал на пол и принимался биться в конвульсиях. Потом бредил, нес какую-то тарабарщину. Часто вставал, сверкая безумными синими глазами, и как будто дрался с кем-то невидимым на мечях

или врукопашную. Адолину приходилось его держать, чтобы он не поранился сам или не поранил кого-то.

– Это галлюцинации, – сказал Адолин. – Так, по крайней мере, отец сам считает.

Их дед страдал от навязчивых видений. Постарев, он вообразил, что снова оказался на войне. Неужели с Далинаром происходит то же самое? Он переживает заново битвы своей юности, те дни, когда заработал свою славу? Или снова и снова видит ту ужасную ночь, когда его брат погиб от руки Убийцы в Белом? И почему с началом этих приступов он так часто говорит о Сияющих рыцарях?

Адолину от всего этого становилось не по себе. Далинар был Черным Шипом, военным гением и живой легендой. Они с братом воссоздали Алеткар, погрязший в многовековых сварах, которые устраивали воинственные великие князья. Он победил в бесчисленных дуэлях, выиграл десятки сражений. Целое королевство считалось с ним. И теперь это...

Что должен сделать Адолин как сын, если его возлюбленный отец – величайший из живущих – начал терять разум?

Садеас рассказывал о недавней победе. Прошло уже два дня, как он выиграл еще одно светсердце, но король, похоже, только сейчас об этом узнал. Адолин напрягся, слушая хвастливые речи.

– Надо бы нам сдвинуться назад, – проговорил Ренарин.

– Мы достаточно высокого положения, чтобы оставаться здесь, – возразил старший брат.

– Мне не нравится, каким ты становишься, когда Садеас близко. «Ренарин, нельзя спускать с него глаз, – подумал Адолин. – Он знает, что отец слабеет. И попытается нанести удар». Юноша ничего не сказал и вынудил себя улыбнуться. Ради Ренарина следует попытаться выглядеть спокойным и уверенным. В общем-то, это нетрудно. Адолин бы с радостью проводил день за днем, сражаясь на дуэлях, в праздности или ухаживая за очередной симпатичной девушкой. Увы, сейчас жизнь стала скупа на простые удовольствия.

– ...в последнее время просто образец храбрости, – говорил король. – Садеас, ты прекрасно справляешься с захватом светсердец. Это похвально.

– Благодарю, ваше величество. Хотя, должен признаться, соревнование уже не так захватывает, поскольку кое-кого оно, похоже, вообще не интересует. Думаю, даже лучшие мечи в конечном счете теряют остроту.

Далинар, который в прошлом не преминул бы ответить на завуалированное оскорбление, промолчал. Адолин стиснул зубы. Со стороны Садеаса было вопиющим бесстыдством подвергать Далинара нападкам в его нынешнем состоянии. Возможно, стоит бросить напыщенному подонку вызов. Великих князей не принято вызывать на дуэль – подобный шаг сулил большую бурю. Но возможно, он готов. Возможно...

– Адолин... – предостерег Ренарин.

Адолин глянул на брата и понял, что поднял руку словно для призыва клинка. Он переложил вожжи в эту руку и подумал: «Забери тебя буря, Садеас. Оставил бы ты моего отца в покое».

– Почему бы нам не поговорить об охоте? – спросил Ренарин. Младший Холин носил очки, в седле держался, как всегда, безупречно, выпрямив спину, словно образец благопристойности и церемонности. – Ты совсем не волнуешься?

– Фи! – отозвался Адолин. – Я никогда не понимал, что такого люди находят в охоте. Какая разница, насколько зверь велик, – в конечном счете это ведь просто бойня.

А вот дуэли – совершенно другое дело. Ощущать в руке осколочный клинок, противостоять кому-то умелому, опытному и внимательному... Мужчина против мужчины, сила против силы, разум против разума. Погоня за тупым чудовищем не шла ни в какое сравнение с этим.

– Может, тебе бы стоило все-таки пригласить Йаналу, – сказал Ренарин.

– Она бы не поехала. Только не после... ну, ты в курсе. Вчера из-за Риллы мне пришлось уйти.

– Ты и впрямь вел себя с ней не очень-то умно, – неодобрительно заметил Ренарин.

Адолин пробормотал что-то уклончивое. Он не виноват в том, что отношения так часто заканчивались громким скандалом. Хотя в данном случае доля его вины была. Но обычно происходило иначе. Тут просто так совпало.

Король начал на что-то жаловаться. Братья отстали и ничего не услышали.

– Давай догоним, – предложил Адолин, подстегивая своего скакуна.

Ренарин закатил глаза, но последовал за братом.

«Объедини их», – прошептал голос в голове Далинара.

Он никак не мог отделаться от этих слов. Они поглотили его, пока Храбрец рысью шел по скалистому, усеянному валунами плато, одному из многих на Расколотых равнинах.

– Разве мы не должны были уже добраться? – спросил король.

– Ваше величество, мы примерно в двух-трех плато от места охоты, – сказал Далинар, размышляя о своем. – Думаю, если все пойдет согласно планам, будем там через час. Если бы мы могли забраться на возвышенность, то, возможно, увидели бы шатер...

– Возвышенность? Вон та скала впереди подойдет?

– Думаю, да. – Далинар изучал скалу, похожую на высокую башню. – Можно послать разведчиков, пусть проверят.

– Разведчиков? Вот еще. Дядя, мне надо размяться. Ставлю пять полных броумов, что окажусь на вершине быстрее тебя. – И король умчался галопом под грохот копыт, бросив потрясенную компанию светлоглазых, секретарей и гвардейцев.

– Буря! – выругался Далинар и пришпорил коня. – Адолин, прими командование! Проверьте следующее плато на всякий случай.

Сын, до сих пор тащившийся позади, резко кивнул. Далинар галопом поскакал следом за королем, фигурой в золотых латах и длинном синем плаще. Копыта громко стучали по камню, мимо проносились скалы. Впереди на краю плато круто вздымалась скала, похожая на шпиль. Такие на Расколотых равнинах встречались постоянно.

«Мальчишка, заberi тебя буря...»

Далинар все еще думал об Элокаре как о мальчике, хотя королю пошел двадцать седьмой год. Но иногда он вел себя по-детски. Разве так трудно предупредить, прежде чем устроить очередной трюк?

И все же, мчась вперед, Далинар вынужден был признать, что ощущение свободной погони – без шлема, подставив лицо ветру, – ему нравится. Сердце забилося чаще, и он простил порыв, ставший причиной этой гонки. На миг он даже позволил себе забыть все тревоги и даже слова, что эхом звучали в голове.

Королю захотелось гонки? Что ж, Далинар ее устроит.

Он обогнал короля. Жеребец Элокара был породистым, но он не мог сравниться с Храбрецом, чистокровным ришадиемом, на две ладони выше и намного сильнее обычных коней. Эти животные сами выбирали своих седоков, и только десятку людей во всех военных лагерях так повезло. Далинар был одним из них, Адолин – другим.

Через несколько секунд Далинар оказался у основания скалы. Он на ходу выпрыгнул из седла. Удар был жестким, но осколочный доспех его смягчил, и камень под металлическими ботинками великого князя обратился в крошку. Тот, кто ни разу в жизни не надевал осколочных лат, – в особенности тот, кто привык к их несовершенным подобиям, обычному доспеху и кольчуге, – ни за что бы не понял этого ощущения. Осколочный доспех был не простым оружием, а чем-то намного большим.

Далинар побежал к основанию скалы, а Элокар галопом неся позади. Великий князь прыгнул – доспех подбросил его футов на восемь – и схватился за каменный выступ. Поднатужившись, подтянулся; доспех даровал ему силу нескольких человек. Внутри его проснулся состязательный азарт – далеко не такой отчетливый, как азарт битвы, но вполне достойная замена.

Внизу заскрежетал камень. Элокар тоже начал подниматься. Далинар на него не смотрел. Он не сводил глаз с маленькой естественной платформы на вершине сорокафутовой скалы и шарил закованными в сталь пальцами в поисках очередной опоры. Древняя броня совершенно не препятствовала чувствительности пальцев, – казалось, он был не в латных, а тонких кожаных перчатках.

Справа что-то заскрежетало и раздались тихие ругательства. Элокар выбрал другой путь в надежде обогнать Далинара, но оказался в той части скалы, где не за что было ухватиться. Его продвижение застопорилось.

Золотой осколочный доспех короля заблестел, когда он посмотрел на дядю. Элокар стиснул зубы и мощным рывком подбросил себя вверх, к уступу.

«Глупый мальчишка», – подумал Далинар, глядя, как король словно завис в воздухе на миг, а потом схватился за выступающий камень. Затем Элокар подтянулся и продолжил взбираться.

Великий князь двигался яростно, камни скрежетали под его металлическими пальцами, осколки так и сыпались. Ветер развеивал его плащ. Далинар поднимался, напрягался и вынуждал себя продвигаться дальше, держась чуть впереди короля. До вершины оставалось несколько футов. Азарт пел внутри. Он потянулся к цели, готовый победить. Проиграть нельзя. Необходимо...

«Объедини их».

Он замешкался, сам не понимая почему, и позволил племяннику себя обогнать.

Элокар с трудом поднялся на ноги на вершине скалы и триумфально рассмеялся. Он повернулся к Далинару и протянул руку:

– Буря и ветер, дядя, ты вынудил меня попотеть! Я уж было решил, что мне за тобой не угнаться.

Триумф и радость на лице Элокара заставили Далинара улыбнуться. Молодому человеку сейчас нужны победы. Даже от маленьких завоеваний есть прок. Спрены славы – крошечные золотые полупрозрачные пузырьки света – один за другим начали появляться вокруг него, привлеченные ощущением успеха. Великий князь похвалил себя за медлительность. Племянник втянул его на платформу. На вершине естественной башни как раз хватало места для двоих.

Тяжело дыша, Далинар похлопал короля по спине – металл звякнул о металл.

– Ваше величество, и впрямь хорошее соревнование получилось. И вы сыграли отлично.

Король просиял. Его золотой осколочный доспех блистал в свете полуденного солнца; забрало было поднято, открывая светло-желтые глаза, прямой нос и чисто выбритое лицо, которое могло считаться даже слишком красивым – с полными губами, широким лбом и волевой челюстью. Гавилар выглядел так же – до того, как обзавелся сломанным носом и ужасным шрамом на подбородке.

Внизу показались солдаты из Кобальтовой гвардии и несколько адъютантов Элокара, включая Садеаса. Его латы светились красным, однако он не был полным рыцарем Осколков – владел лишь доспехом, но не мечом.

Далинар поднял взгляд. С такой высоты можно было увидеть большую часть Расколотых равнин, и его охватило до странности знакомое чувство. Ему показалось, что он уже стоял так высоко, рассматривая странный ландшафт.

Миг спустя это ощущение исчезло.

– Вон там. – Элокар указал рукой в золотой перчатке. – Я вижу наш конечный пункт.

Далинар прикрыл рукой глаза от солнца и разглядел в трех плато от них большой шатер под флагом короля. Туда вели широкие постоянные мосты; они находились относительно близко к алетийской части Расколотых равнин, на плато, которые сторожил сам Далинар. Это он должен был охотиться на обитавшего здесь ущельного демона и предъявить права на драгоценность в сердце твари.

– Дядя, и опять ты был прав, – сказал Элокар.

– Постараюсь, чтобы это вошло в привычку.

– Полагаю, я не должен тебя винить. Хотя могу снова и снова побеждать тебя в гонке.

Далинар улыбнулся:

– Я словно помолодел – вспомнил те дни, когда гонялся за твоим отцом из-за какой-нибудь ерунды.

Губы Элокара сжались в тонкую нитку, и спрены славы исчезли. Упоминания о Гавиларе портили ему настроение; он подозревал, что сравнения с прежним королем нелестны. К несчастью, нередко так оно и было.

Далинар поспешно продолжил:

– Мы, должно быть, выглядели как десять дурней, когда вот так сорвались с места. Лучше бы вы предупреждали меня заранее, чтобы личная гвардия успела отреагировать. Мы все-таки на войне.

– Фи! Ты слишком много волнуешься. Паршенди уже несколько лет не осмеливаются так близко подходить к нашей части Равнин.

– Ну, мне показалось, что две ночи назад вы были озабочены своей безопасностью.

Элокар тяжело вздохнул:

– Дядя, сколько раз нужно объяснять? Я могу встретиться лицом к лицу с противником, держа клинок в руке. Ты должен защищать меня от того, что враги могут предпринять, когда никто не видит, когда вокруг темно и тихо.

Далинар не ответил. Тревога Элокара – скорее, тревожная одержимость – по поводу наемных убийц была сильна. Но разве можно его винить, учитывая, что случилось с его отцом?

«Брат, прости», – подумал он, как делал каждый раз, вспоминая о ночи, когда погиб Гавилар. И рядом с ним не было брата, чтобы защитить.

– Я проверил то, о чем вы меня просили. – Далинар отогнал дурные воспоминания.

– В самом деле? И что обнаружил?

– Боюсь, немного. На вашем балконе не было следов посторонних, и ни один слуга не сообщил, что видел кого-то поблизости.

– Но кто-то следил за мной из темноты той ночью.

– Ваше величество, если и так, этот кто-то не вернулся. И не оставил следов.

Элокар выглядел недовольным, и затянувшаяся пауза в разговоре сделалась неприятной. Внизу Адолин встретился с разведчиками и готовил отряд к переходу на соседнее плато. Элокар возражал против того, чтобы Далинар брал с собой столько людей. Большинство из них на охоте не нужны – убить чудовище предстояло рыцарям, вооруженным осколочными доспехами или мечами, а не солдатам. Но Далинар предпочел обеспечить племяннику защиту. Налеты паршенди сделались не такими дерзкими за годы войны – алетийские писемоводительницы предполагали, что их количество составляет четверть от первоначального, хотя и не могли утверждать с уверенностью, – но присутствие короля вполне способно спровоцировать врагов на безрассудную атаку.

Подул ветер, и Далинар ощутил то же, что и несколько минут назад. Как будто он уже стоял на вершине скалы и смотрел на раскинувшуюся вокруг пустошь. Жуткий, потрясающий до глубины души простор...

«Вот оно, – подумал он. – Я и впрямь стоял на похожей скале. Это было...»

Это было в одном из его видений. В самом первом.

«Ты должен их объединить, – сказал ему странный гулкий голос. – Ты должен подготовиться. Обрати свой народ в крепость силы и мира, в стену, чтобы противостоять ветрам. Прекрати свары и объедини их. Грядет Буря бурь».

– Ваше величество, – начал Далинар, – я...

Он умолк, так ничего и не сказав.

Да и что он мог сказать? Что его посещают видения? Что – вопреки религии и здравому смыслу – он думает, будто эти видения насылает Всемогуший? Что он думает, будто им следует покинуть поле боя и вернуться в Алеткар?

Ну что за глупости.

– Дядя? – спросил король. – Тебе что-то нужно?

– Ничего. Давайте-ка лучше вернемся к остальным.

Адолин, сидя верхом и поджидая новых донесений разведчиков, накручивал на палец вожжи из свиной кожи. Он сумел отвлечься от отца и Садеаса и теперь предавался размышлениям о том, как бы объяснить свое расставание с Риллой, чтобы Йанала проявила к нему больше симпатии.

Йанала любила древние эпические поэмы, – может, стоит поведать о расставании в драматическом ключе? Юноша улыбнулся, подумав о ее роскошных черных волосах и лукавой улыбке. Дерзкая красавица дразнила его, хоть и знала, что он ухаживает за другой. Это тоже можно использовать. А вдруг Ренарин прав, и ему и впрямь стоило пригласить ее на охоту? Перспектива сражения с боль шепанцирником прельщала бы куда сильнее, наблюдай за ним красивая длинноволосая девушка...

– Светлорд Адолин, поступили новые донесения разведчиков, – сообщил подбежавший Тарилар.

Мысли Адолина вернулись к насущным делам. Вместе с несколькими членами Кобальтовой гвардии он занял позицию у основания высокой скалы, на вершине которой все еще беседовали его отец и король. У Тарилара, командира разведчиков, было узкое лицо, широкая грудь и такие же плечи. С некоторых ракурсов его голова казалась маленькой по сравнению с телом, как будто ее сплющили.

– Докладывайте, – распорядился Адолин.

– Разведчики из авангарда встретились со старшим егерем и вернулись. На ближайших плато паршенди никто не видел. Роты Восемнадцать и Двадцать один на позициях, хотя еще восемь рот в пути.

Адолин кивнул:

– Пусть Двадцать первая рота вышлет нескольких верховых, чтобы они патрулировали четырнадцатое и шестнадцатое плато. И еще по двое дозорных отправьте на плато шесть и восемь.

– Шесть и восемь? Те, что позади?

– Если бы я хотел устроить засаду на охотников, – пояснил Адолин, – я бы сделал крюк и отрезал им путь к отступлению. Выполняйте.

– Да, светлорд.

Тарилар отсалютовал ему и побежал выполнять указания.

– Думаешь, что это необходимо? – спросил Ренарин, подъезжая к Адолину.

– Нет. Но отец все равно прикажет это сделать. Ты же знаешь, что он так поступит.

Наверху что-то задвигалось. Адолин поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как король прыгает с вершины скалы и пролетает где-то сорок футов с развевающимся за спиной плащом. Отец стоял на краю, и Адолин мог представить себе, какие ругательства тот произносит про себя, глядя на такой безрассудный поступок. Осколочный доспех мог выдержать подобное падение, но скала довольно высокая, чтобы оно стало опасным.

Элокар приземлился с весьма громким треском, взметнув тучу каменной крошки и облако бурсвета. Он сумел удержаться на ногах. Далинар спустился более безопасным путем, добравшись до выступа пониже, и лишь оттуда спрыгнул.

«В последнее время он все чаще и чаще выбирает безопасный путь, – рассеянно отметил Адолин. – И он все время находит причины передать мне командование». Все еще погруженный в раздумья, юноша пустил коня рысью прочь из тени скалы. Нужно получить донесение стражников из арьергарда – отец захочет его выслушать.

По пути он миновал компанию светлоглазых из свиты Садеаса. За королем, Садеасом и Вамой следовали вереницы прислужников, помощников и подхалимов. Глядя, как они едут, одетые в удобные шелка, в открытых спереди жакетах, в паланкинах, укрывающих от солнца, Адолин особенно остро ощутил, как сам потеет в громоздких латах. Осколочный доспех был прекрасен и наделял значительной силой, но под палящим солнцем любой пожелал бы чего-то менее тесного.

Но конечно, он не мог носить обычную одежду, как остальные. Адолину приходилось быть в мундире, даже на охоте. Военные Заповеди алетии требовали этого. Какая разница, что никто уже много веков не следовал Заповедям. По крайней мере, никто, кроме Далинара Холина и, соответственно, его сыновей.

Адолин миновал пару праздных светлоглазых, Вартиана и Ломарда, лишь недавно ставших постоянными спутниками Садеаса. Они переговаривались достаточно громко, чтобы Адолин услышал. Вероятно, с умыслом.

– Опять гонится за королем. – Вартиан покачал головой. – Прямо как рубигончая, которая семенит следом за пятками хозяина.

– Какой позор, – отозвался Ломард. – Как давно Далинар выигрывал светсердце? Он их получает, только когда король позволяет охотиться без соревнования.

Адолин стиснул зубы и поехал дальше. Он не мог вызывать кого-нибудь на дуэль, пока находится при исполнении или командует отрядом, – так интерпретировал Заповеди отец. Сын роптал из-за ненужных ограничений, но мнение Далинара было мнением вышестоящего офицера. Это означало, что спорить нельзя. Нужно придумать способ вызывать двух льстивых идиотов на дуэль при каких-то иных обстоятельствах. К несчастью, он не мог драться с каждым, кто задевал его отца.

Проблема в том, что они правы. Алетийские княжества сами по себе словно королевства со значительной автономией, несмотря на то что они признали Гавилара королем. Элокар унаследовал трон, и Далинар по праву вступил во владение княжеством Холин.

Тем не менее большинство великих князей лишь символически принимали верховную власть короля. Это означало, что Элокар остался без страны, которую мог бы назвать своей собственной. Временами он вел себя как правитель княжества Холин, проявляя интерес к каждодневным проблемам. Вследствие этого Далинар, хоть и должен был править самостоятельно, склонялся перед капризами Элокара и тратил силы на защиту племянника. С точки зрения окружающих, это было проявлением слабости – ведь великий князь Холин превратился в обычного телохранителя, пусть даже обладающего славной репутацией.

Раньше, когда Далинара боялись, люди и шептаться не смели о подобных вещах. А что теперь? Он все реже и реже принимал участие в вылазках на плато, и его войско отставало по числу добытых светсердец. В то время как другие сражались и побеждали, Далинар и его сыновья тратили время на бюрократию.

Адолин хотел сражаться и убивать паршенди. Какой толк следовать Военным Заповедям, если так редко удастся воевать по-настоящему? «Во всем виноваты эти видения». Далинар не был слабым, и он точно не был трусом, что бы там ни болтали люди. Отец просто все время тревожился.

Капитаны арьергарда еще не прибыли, и Адолин решил отчитаться перед королем. Он рысью подъехал к Элокару – и повстречался с Садеасом, который сделал то же самое. Садеас предсказуемо нахмурился, увидев его. Великий князь гневался из-за того, что у Адолина был осколочный клинок, а у него – нет; он страстно желал получить такое оружие вот уже много лет.

Адолин посмотрел великому князю в глаза и улыбнулся. «Садеас, в любой момент, когда захочешь вызвать меня на дуэль ради клинка, я в твоём распоряжении». Адолин был готов на все, чтобы выманить этого угря в человеческом обличье на дуэльный ринг.

Когда подъехали Далинар и король, Адолин тотчас же заговорил, не дав Садеасу и рта раскрыть:

– Ваше величество, получены донесения разведчиков.

Король вздохнул:

– Опять какая-нибудь чепуха, скорее всего. Дядя, нам в самом деле требуется донесение по каждому пустяку?

– Ваше величество, мы на войне, – сказал Далинар.

Элокар страдальчески вздохнул.

«Странный ты человек, кузен», – подумал Адолин. Элокар видел убийц в каждой тени, но нередко пренебрегал угрозой со стороны паршенди. Он мог метнуться куда-нибудь, как сегодня, без личной гвардии и прыгнуть с сорокафутовой скалы. Но по ночам не спал, опасаясь, что его прикончат.

– Сын, рапортуй, – велел Далинар.

Адолин помедлил – теперь он чувствовал себя глупо из-за того, что в донесении не было особого смысла.

– Разведчики не видели признаков паршенди. Они встретили старшего егеря. Две роты обеспечивают безопасность следующего плато, и еще восьми требуется время, чтобы пересечь расщелину. Но мы уже близко.

– Да, мы видели сверху, – ответил Элокар. – Возможно, кто-то мог бы поскакать туда...

– Ваше величество, – вмешался Далинар, – если вы отправитесь вперед самостоятельно, это некоторым образом сделает бессмысленным то, что я взял с собой войско.

Элокар закатил глаза. Великий князь не поддался, выражение его лица оставалось таким же суровым, как окружающие скалы. Увидев отца крепким, не пасующим перед вызовом, Адолин с гордостью улыбнулся. Ну почему он не мог так себя вести все время? Почему столь часто отвечал молчанием на оскорбления или провокации?

– Очень хорошо, – сказал король. – Сделаем перерыв и подождем, пока все войско не перейдет через расщелину.

Королевская свита не заставила себя ждать – мужчины спешили, женщины приказали носильщикам опустить паланкины. Адолин отправился за донесением арьергарда. К моменту, когда он вернулся, Элокар уже был в центре всеобщего внимания. Слуги установили небольшой навес, чтобы устроить для него тень, а другие подавали вино, охлажденное при помощи одного из новых фабриалей, который мог делать вещи холодными.

Адолин снял шлем и вытер лоб тряпкой, вновь подумав о том, как хорошо было бы присоединиться к остальным и немного выпить. Вместо этого он спешил и принялся искать отца. Далинар стоял позади навеса, сцепив за спиной руки в латных перчатках, и смотрел на восток, в сторону Изначалья – дальнего, невидимого места, где начинались Великие бури.

Рядом с ним стоял Ренарин и тоже вглядывался в даль, словно пытаясь понять, что же такого интересного там увидел отец.

Адолин положил руку брату на плечо, и Ренарин ему улыбнулся. Адолин знал, что его брат, которому уже исполнилось девятнадцать, был не таким, как все. Он носил на поясе меч, но едва ли знал, как им пользоваться. Таившаяся в крови болезнь не позволяла ему тратить на тренировки столько времени, сколько требовалось.

– Отец, – заговорил Адолин, – возможно, король прав. Может быть, нам следует поскорей отправиться дальше. Я вообще хотел бы побыстрее завершить эту охоту.

Далинар посмотрел на него:

– Когда я был в твоём возрасте, то с нетерпением ждал такой охоты. Убив большепанцирника, молодой человек мог бы похвалиться этим целый год.

«Только не начинай опять», – подумал Адолин. Ну почему всех так возмущало, что он не любит охотиться?

– Отец, это же просто чулл-переросток.

– Эти «чуллы-переростки» достигают пятидесяти футов в высоту и могут сокрушить даже человека в осколочном доспехе.

– Да, и потому мы будем выманивать его часами, жарясь на палящем солнце. Если он решит показаться, мы утыкаем его стрелами, а приблизимся только после того, как он достаточно ослабеет, и до смерти изрубим осколочными клинками. Очень честная схватка.

– Это не дуэль, – заметил Далинар, – это охота. Великая традиция.

Адолин в ответ вскинул бровь.

– И да, – признал отец, – она может быть утомительной. Но король настаивал.

– Адолин, ты просто страдаешь из-за проблем с Риллой, – вмешался Ренарин. – Неделью назад ты был воодушевлен. Тебе и в самом деле стоило пригласить Йаналу.

– Йанала ненавидит охоту. Считает её варварством. Далинар нахмурился:

– Йанала? Какая ещё Йанала?

– Дочь светлорда Люстоу, – пояснил Адолин.

– И ты за ней ухаживаешь?

– Ещё нет, но прилагаю большие усилия.

– Что случилось с другой девушкой? Той низенькой, что любила серебряные ленты для волос?

– Дили? – уточнил Адолин. – Отец, мы расстались больше двух месяцев назад!

– В самом деле?

– Ну да.

Далинар потер подбородок.

– Между нею и Йаналой были ещё две, отец, – заметил Адолин. – Тебе бы стоило быть повнимательней.

– Да поможет Всемогуший тому, кто попытается разобраться в твоих запутанных связях, сын.

– Рилла была последней, – сказал Ренарин.

Далинар нахмурился:

– И вы двое...

– Повздорили вчера. – Адолин кашлянул, намереваясь сменить тему. – Как бы то ни было, тебе не кажется странным, что король настоял на собственном участии в охоте?

– Не особенно. Не так уж часто сюда выбирается по-настоящему большой зверь, а мой племянник редко участвует в вылазках на плато. Он не может сражаться по-другому.

– Но ведь он повсюду видит убийц! С чего вдруг ему вздумалось отправиться на Равнины на охоту, тем самым подставляясь под удар?

Далинар посмотрел в сторону королевского навеса:

– Я знаю, что это кажется странным, сын. Но Элокар куда сложнее, чем принято считать. И переживает из-за того, что подданные видят в нем труса, поскольку он так сильно боится убийц, и ищет другие способы показать свою храбрость. Иногда это глупые способы... но Элокар не первый, которого я знаю, выходящий на битву без страха, но съеживающийся от ужаса при мысли о ножах среди теней. Напускная храбрость – признак неуверенности в себе. Король учится править. Ему нужно охотиться. Ему нужно доказать самому себе и остальным, что он по-прежнему достаточно силен, чтобы руководить воюющим королевством. Поэтому я поддержал его. Успешная охота в контролируемых обстоятельствах может улучшить его репутацию и уверенность в своих силах.

Адолин медленно закрыл рот: слова отца зарубили его возражения на корню. Странное дело – теперь, после объяснений, действия короля казались вполне осмысленными. Адолин посмотрел на отца. «Как могут они шептаться, что он трус? Разве не видят его мудрость?»

– Да, – проговорил Далинар, и его взгляд сделался отрешенным. – Твой кузен куда лучше, чем думают многие, и куда более сильный король. По крайней мере, он может им быть. Мне лишь надо придумать, как убедить его покинуть Расколотые равнины.

Адолин обомлел:

– Что?!

– Я сначала не понимал, – продолжил Далинар. – Объединить их. Я должен объединить их. Но разве они уже не объединены? Мы сражаемся вместе здесь, на Расколотых равнинах. У нас общий враг – паршенди. Я начинаю понимать, что мы объединились лишь на словах. Великие князья не жалеют пустых слов для Элокара, но эта война – это противостояние – для них игра. Соревнование друг с другом. Здесь мы их не объединим. Нам надо вернуться в Алеткар и обеспечить безопасность родной страны, научиться трудиться бок о бок, как единый народ. Расколотые равнины нас разделяют. Все слишком сильно переживают из-за возможности заполучить богатство и славу.

– Отец, богатство и слава – сама суть существования народа алети! – возразил Адолин. Неужели ему это не померещилось? – А как быть с Договором Отмщения? Великие князья поклялись свершить возмездие и наказать паршенди!

– И мы попытались исполнить клятву. – Далинар посмотрел на Адолина. – Я понимаю, что это звучит ужасно, сын, но есть вещи поважнее отмщения. Я любил Гавилара. Я отчаянно по нему скучаю и ненавижу паршенди за то, что они сделали. Но Гавилар положил жизнь на то, чтобы объединить Алеткар, и я скорее отправлюсь в Преисподнюю, чем позволю его снова разломать на части.

– Отец, – с болью проговорил Адолин, – если что и происходит неправильно, так это то, что мы не прилагаем достаточных усилий. Ты думаешь, великие князья играют в игры? Ну так покажи им, как это делается! Вместо того чтобы рассуждать об отступлении, мы должны говорить о продвижении, о нанесении удара паршенди, а не о продлении осады.

– Возможно.

– Так или иначе, нельзя даже упоминать об отводе войск, – продолжил Адолин. – Люди уже болтают, дескать, Далинар потерял хребет. Что они скажут, если узнают о таком?... Ты ведь с королем еще ничего не обсуждал, верно?

– Нет. Не нашел правильных слов.

– Прошу тебя, не говори с ним об этом.

– Посмотрим.

Далинар повернулся к Расколотым равнинам, и его взгляд опять стал отрешенным.

– Отец...

– Сын, ты высказал свое мнение, и я тебе ответил. Не усугубляй ситуацию. Ты получил донесение арьергарда?

– Да.

– А что с авангардом?

– Только что проверил и... – Он умолк. Проклятье. Прошло уже достаточно времени, – вероятно, пора королю со свитой двигаться дальше. Остаток армии не мог покинуть это плато, пока король не окажется в безопасности на другой стороне.

Адолин вздохнул и отправился за донесением. Вскоре они все пересекли расщелину и направились к следующему плато. Ренарин рысью подъехал к Адолину и попытался увлечь его беседой, но брат едва отвечал.

Его охватила странная тоска. Большинство людей в армии – даже те, кто был всего на несколько лет старше Адолина, – бились рядом с его отцом в те славные дни. Юноша понял, что завидует тем, кто знал его отца и видел, как он сражался, до того как Заповеди подчинили его себе.

Изменения начались, когда погиб король Гавилар. В тот ужасный день все пошло наперекосяк. Потеря брата чуть не сокрушила великого князя, и Адолин знал, что никогда не простит паршенди причиненной отцу боли. Никогда. Люди сражались на Равнинах по иным причинам, но Адолин пришел сюда из-за этого. Может быть, если они одержат победу над паршенди, отец снова станет прежним. Может быть, те призрачные видения, что мучают его, исчезнут.

Впереди Далинар негромко разговаривал с Садеасом. Оба хмурились. Они едва выносили друг друга, хотя когда-то были друзьями. Это также изменилось в ночь смерти Гавилара. Что же между ними произошло?

День шел своим чередом, и в конце концов они прибыли на место охоты – два плато, на одно из которых должны выманить чудовище для атаки, и другое – для тех, кто собирался наблюдать. Как у большинства, у этих плато была неровная поверхность, покрытая стойкими растениями, привыкшими к постоянным бурям. Уступы, углубления и неровный ландшафт превращали сражения на них в весьма опасное дело.

Адолин присоединился к отцу, который ждал у последнего моста, в то время как король в сопровождении отряда солдат перешел на наблюдательное плато. За ним должна была последовать свита.

– Сын, ты хорошо справляешься с командованием. – Далинар кивнул группе солдат, которые отсалютовали ему, проходя по мосту.

– Они опытные воины. Им едва ли нужен командир во время перехода с одного плато на другое.

– Да, но тебе требуется опыт руководства, а им нужно увидеть в тебе командира.

Подъехал Ренарин, – похоже, пришло время им перейти на наблюдательное плато. Далинар кивком велел сыновьям отправляться первыми.

Юноша развернул коня, но замешкался, увидев, как со стороны военных лагерей быстро приближается всадник, нагоняя охотников.

– Отец! – Адолин указал на всадника.

Далинар тотчас же повернулся, следуя его жесту. Однако Адолин вскоре опознал вновь прибывшего. Это был, вопреки его ожиданиям, не гонец.

– Шут! – крикнул Адолин, взмахнув рукой, и всадник направился к ним.

Королевский шут, высокий и худой, ехал верхом на черном мерине. Он был одет в жесткий черный сюртук и черные штаны, которые гармонировали с его темными ониксовыми волосами. Хотя на поясе у него висел длинный и тонкий меч, это оружие, насколько Адолину было известно, никогда не покидало ножен. Скорее дуэльная рапира, чем боевой клинок, – то есть в значительной степени символическое лезвие.

Приблизившись, голубоглазый Шут поприветствовал их кивком; на его лице играла одна из привычных пронизательных улыбочек. На самом деле он не был светлоглазым. Да

и темноглазым то же. Он был... что ж, он был королевским шутом, единственным и неповторимым.

– О принц Адолин! – воскликнул Шут. – Ты и впрямь умудрился отклеиться от молодых женщин из лагеря на достаточно долгое время, чтобы поучаствовать в охоте? Я впечатлен.

Адолин издал тихий и тревожный смешок:

– О да, все только об этом и говорят...

Шут вскинул бровь.

Адолин вздохнул. Шут все рано или поздно узнает – было невозможно что-то скрыть от этого человека.

– Я пригласил вчера одну даму на обед, но... э-э-э... на самом деле я приударил за другой. Дамы оказались ревнивицей. Так что теперь со мной не разговаривают обе.

– Адолин, не устаю восхищаться тем, как ты умудряешься ввязываться в подобную неразбериху. Каждый новый случай захватывает сильнее, чем предыдущий!

– Э-э-э, да. Захватывает. Именно это и происходит, да.

Королевский шут снова рассмеялся, хотя продолжал держаться с достоинством. Он не был обыкновенным придворным дураком, какие встречаются в иных государствах. Шут был самым настоящим королевским оружием. Оскорблять приближенных ниже королевского достоинства, поэтому Элокар пользовался Шутом – как пользуются перчатками, когда нужно взять в руки что-то мерзкое, – чтобы не приходилось снисходить до грубости или враждебности.

Этот новый шут появился несколько месяцев назад, и было в нем что-то... необычное. Он знал вещи, которых не должен был знать. Важные вещи, полезные вещи.

Шут кивнул Далинару:

– Ваша светлость.

– Шут, – сухо бросил Далинар.

– И принц Ренарин!

Юноша в ответ даже не поднял глаз.

– Ренарин, не поприветствуешь меня? – изумился Шут.

Ренарин молчал.

– Он думает, ты станешь насмехаться над ним, если он заговорит, – объяснил Адолин. – Сегодня утром брат сказал мне, что в твоём присутствии не произнесет ни слова.

– Прелестно! Значит, я могу говорить что хочу и он не станет возражать?

Ренарин забеспокоился.

Шут наклонился к Адолину:

– Я вам рассказывал о том, как позапрошлым вечером мы с принцем Ренарином шли по улице военного лагеря? Нам повстречались две сестрички, ну, знаете, такие голубоглазые, и...

– Это ложь! – воскликнул Ренарин, краснея.

– Ну ладно-ладно, – согласился Шут, и глазом не моргнув, – должен признаться, сестер было три, но принц Ренарин – какая несправедливость! – заполучил двух, в то время как мне пришлось спасти свою репутацию и...

– Шут, – перебил Далинар, посуровев.

Человек в черном посмотрел на него:

– Возможно, тебе стоит одаривать своими насмешками тех, кто их заслуживает.

– Светлорд Далинар, кажется, я именно это и делаю.

Великий князь помрачнел сильнее. Шут ему никогда не нравился и, дразня Ренарина, лишь усиливал недовольство. Адолин мог это понять, хотя Шут обычно ограничивался дружеским подтруниванием над его братом.

Насмешник двинулся прочь; проезжая мимо Далинара, он наклонился к великому князю и прошептал так тихо, что Адолин едва сумел расслышать:

– Светлорд Далинар, мои остроты «заслуживают» те, кому они приносят пользу. Твой сын сильнее, чем кажется.

Он подмигнул и, развернув мерина, направился к мосту.

– Буря и ветер, нравится мне этот человек, – усмехнулся Адолин. – Лучший шут из всех!

– А меня этот шут раздражает, – тихо проговорил Ренарин.

– В этом половина удовольствия!

Далинар ничего не сказал. Втроем они пересекли мост и миновали Шута. Тот остановился помучить группу офицеров – светлоглазых достаточно низкого ранга, чтобы им пришлось служить в армии, отрабатывая жалованье. Некоторые из них смеялись, пока Шут издевался над кем-то другим.

Как только они догнали короля, к ним обратился старший егерь – невысокий, с заметным брюшком; Башин носил потрепанный наряд – кожаный плащ и шляпу с широкими полями. Он был темноглазым второго нана, самого высокого и престижного ранга, какой только мог быть у темноглазого. Этот нан предполагал даже право вступать в брак с членом светлоглазой семьи.

Башин поклонился королю:

– Ваше величество! Вы как раз вовремя! Мы только что забросили приманку.

– Отлично. – Элокар спрыгнул с лошади. Адолин и Далинар последовали его примеру. Позвякивая осколочным доспехом, великий князь Холина отвязал от седла шлем. – И как долго это продлится?

– Скорее всего, два-три часа, – ответил Башин, принимая вожжи королевского скакуна. Конюхи забрали двух ришадиеумов. – Мы расположились вон там.

Башин указал на охотничье плато – меньшее из двух, где и намечалось настоящее сражение, подальше от свиты и основной массы солдат. Несколько охотников вели неуклюжего чулла вдоль края; за зверем волочилась веревка, другой конец которой закинули в пропасть. К нему и привязали наживку.

– Мы использовали свиные туши, – объяснил Башин. – И вылили свиную кровь в расщелину. Патрули видели здесь ущельного демона не меньше дюжины раз. У него тут рядом гнездо, точно вам говорю – он не собирается окукливаться. Он для этого слишком большой и слишком долго тут ошивается. Так что охота выйдет отличная! Как только он появится, мы выпустим стадо диких свиней для отвлечения, и вы сможете начать разить его стрелами.

Они привезли с собой большелуки: громадные стальные луки, стрелявшие дротиками толщиной в три пальца. Толстые тетивы луков мог натягивать только рыцарь в осколочных доспехах. Это было недавнее изобретение инженеров-алети, основанное на достижениях фабриалевой науки. Каждому большелуку требовался маленький заряженный самоцвет, чтобы сила натяжения не деформировала металл. Тетя Адолина, Навани – вдова короля Гавилара, мать Элокара и его сестры Ясны – руководила изысканиями, которые и увенчались созданием этого оружия.

«Как жаль, что она уехала», – рассеянно подумал Адолин. Навани интересная женщина. С ней невозможно заскучать.

Луки уже начали называть «осколочными», но юноше это не нравилось. Осколочные клинки и осколочные доспехи были чем-то особенным. Памятниками другой эпохи – той, когда в Рошаре жили Сияющие. Никакая фабриалевая наука и близко не подошла к созданию чего-то похожего.

Башин повел короля и великих князей в павильон в центре плато, предназначенного зрителям. Адолин присоединился к отцу, намереваясь отчитаться о переходе. Примерно

половина солдат стояли на местах, но многие придворные все еще перебирались по широкому постоянному мосту. Знамя короля полоскалось над павильоном, и уже возвели палатку с освежающими напитками. Поодаль солдат устанавливал опоры для четырех большелуков. Они были гладкими, грозными на вид, и рядом с каждым лежали толстые черные дротики в четырех колчанах.

– Думаю, это прекрасный день для охоты, – сказал Башин Далинару. – Судя по донесениям, тварь здоровенная. Больше, чем вам когда-нибудь приходилось убивать, светлорд.

– Гавилар всегда хотел прикончить такого, – с тоской ответил Далинар. – Он любил охотиться на большепанцирников, а вот с ущельными демонами ему не везло. Даже странно, что у меня получилось убить стольких.

В отдалении замычал чулл, тянувший наживку.

– Светлорд, бейте по ногам, – посоветовал Башин. Рекомендации перед охотой были частью его обязанностей, к которым он относился серьезно. – Вы привыкли атаковать ущельных демонов, когда те в виде куколок. Не забывайте, что они очень злобные, если не окукливаются. С громадиной вроде этого надо использовать отвлекающий маневр, а затем... – Он замолчал, потом охнул и негромко выругался. – Буря бы побрала это животное. Ну что за дурак его дрессировал?!

Он смотрел на соседнее плато. Адолин оглянулся. Похожий на краба чулл, который волочил наживку, неуклюже удалялся от расщелины – медленно, но уверенно. Погонщики гнались за ним и вопили.

– Светлорд, прошу прощения, – извинился Башин. – Он это сегодня уже не раз делал.

Чулл издал скрипучее мычание. Адолин вдруг понял: что-то пошло не так.

– Мы можем послать за другим, – предложил Элокар. – Это не займет много...

– Башин? – позвал Далинар с внезапной тревогой в голосе. – Разве на другом конце веревки не должно быть наживки?

Старший егерь застыл. Веревка, которая волочилась за чуллом, оказалась оборвана.

Что-то темное и поразительно огромное появилось из расщелины на толстых хитиновых лапах. Оно забралось на плато – не на маленькое плато, где должна была случиться охота, а на плато для зрителей, где стояли Далинар и Адолин. Плато, заполненное прислужниками, невооруженными гостями, письмоводительницами и неподготовленными солдатами.

– Ох, Преисподняя... – выдохнул Башин.

13

Десять ударов сердца

*Я понимаю, что ты, скорее всего, продолжаешь злиться. Приятно осознавать, что это так. Я привык считать твоё недовольство мною столь же неизменным, как и твоё здоровье. Думаю, это одна из великих постоянных космера.
Десять ударов сердца.*

Раз.

Столько времени требовалось, чтобы призвать осколочный клинок. Если сердце Далинара нетерпеливо колотилось, оружие возникало быстрее. Если билось размеренно – ждать приходилось дольше.

Два.

На поле боя между ударами проходила вечность. Он надел шлем на бегу.

Три.

Ущельный демон одним взмахом лапы развалил мост, заполненный прислужниками и солдатами. Люди кричали, падая в пропасть. Далинар мчался на усиленных доспехах ногах, следуя за королем.

Четыре.

Ущельный демон возвышался над ними, точно покрытая темно-фиолетовыми пластинами гора. Далинар понимал, отчего паршенди называли этих существ богами. У чудовища была изогнутая клиновидная морда с пастью, полной колючих жвал. Панцирное животное, но совсем непохожее на грузного, покорного чулла. Четыре страшные передние лапы с клешнями росли из широких плеч, каждая клешня – размером с лошадь; десятком лап поменьше тварь цеплялась к стене плато.

Пять.

Хитин скрежетал по камню, когда тварь наконец-то выбралась на плато и быстрым движением клешни схватила чулла, запряженного в телегу.

Шесть.

– К оружию, к оружию! – орал Элокар впереди Далинара. – Лучники, огонь!

Семь.

– Отвлеките его от безоружных! – крикнул Далинар своим солдатам.

Тварь расколола панцирь чулла – куски размером с обеденное блюдо посыпались на плато, – потом сунула животное в пасть и оглядела разбегавшихся письмоводительниц и прислужников. Челюсти монстра сомкнулись, чулл перестал мычать.

Восемь.

Далинар оттолкнулся от уступа и пролетел пять ярдов, прежде чем удариться о землю, взметнув тучи каменных осколков.

Девять.

Ущельный демон издал жуткий скрежещущий вопль. Он трубил на четыре голоса, сливавшихся в один.

Лучники натянули тетивы. Прямо перед Далинаром Элокар выкрикивал приказы и мелькал его синий плащ.

Ладонь великого князя начало покалывать от предчувствия.

Десять!

Его осколочный клинок Клятвенник возник в руке, вырос из тумана, как только в груди в десятый раз стукнуло сердце. В клинке шесть футов от острия до рукояти, и с ним вряд ли справился бы человек, не надевший осколочного доспеха. Далинару он подходил как нельзя лучше. Великий князь Холин владел Клятвенником с юности. Он связался с грозным оружием в двадцать Плачей от роду. Меч длинный, клинок шириной в ладонь, с волнообразными зазубринами у рукояти. Острие изогнутое, точно крючок рыболова, а все лезвие покрывают капли холодной росы.

Этот меч – часть Далинара. Он чувствовал силу, что текла вдоль лезвия и как будто рвалась на волю. Тот, кто ни разу не бросился в битву в осколочном доспехе и с осколочным клинком, вряд ли что-то знал о жизни.

– Разозлите его! – заорал Элокар, и королевский осколочный клинок Восходящий бросился из тумана прямо ему в руку.

Королевский клинок – длинный и тонкий, с широкой крестовиной и выгравированными по бокам десятью основными глифами. Далинар слышал по голосу, что Элокар не позволит монстру уйти. Сам он больше беспокоился за солдат и прислугу; эта охота уже пошла совсем не так, как надо. Возможно, им следует отвлекать чудовище достаточно долго, чтобы все успели сбежать, а потом отступить и позволить ему пировать на остатках чулл и свиней.

Тварь снова издала многоголосый вопль и ударила клешней по солдатам. Люди закричали; раздался хруст костей.

Лучники выстрелили, целясь в голову. Сотня дротиков взмыла в воздух, но лишь несколько попали в мягкие мышцы в просветах между пластинами панциря. Позади Садеас требовал принести ему большелук. Далинар не мог ждать – опасная тварь была здесь и убивала его людей. Лук слишком медленный. Это работа для клинка.

Мимо промчался Адолин верхом на Чистокровном. Парень предпочел довериться коню, а не атаковать пешим ходом, как Элокар. Сам Далинар был вынужден оставаться с королем. Другие лошади – даже боевые – запаниковали, но белый ришадий Адолина отличался стойкостью. Через миг прискакал Храбрец и пустился рысью бок о бок с Далинаром. Князь схватил вожжи и, оттолкнувшись ногами, усиленными доспехом, прыгнул в седло. Сила его приземления сломала бы спину обычному коню, но Храбрец был куда более вынослив.

Элокар опустил забрало, и бока шлема окутались туманом.

– Ваше величество, не спешите, – крикнул Далинар, следуя за ним. – Подождите, пока мы с Адолином его не ослабим!

Он опустил забрало. Бока шлема окутались туманом и стали полупрозрачными. Смотровая щель все равно необходима: боковины ведь как грязное стекло – ничего не разглядишь. В любом случае прозрачность – одно из самых замечательных свойств осколочного доспеха.

Далинар въехал в тень монстра. Солдаты бросались на ущельного демона с копьями наперевес. Их не учили сражаться с тридцатифутовыми чудовищами, и то, что они все равно сумели построиться, пытаясь отвлечь внимание от лучников и убегающих прислужников, свидетельствовало об их мужестве.

Стрелы сыпались дождем, отскакивали от панциря и становились более смертоносными для солдат внизу, чем для ущельного демона. Далинар вскинул руку, защищая смотровую щель, когда стрела со звоном отскочила от его шлема.

Адолин отступил, когда чудовище ударило по отряду лучников и сокрушило их одной из своих клешней.

– Я зайду слева, – крикнул юноша, и голос его прозвучал глухо из-за шлема.

Далинар кивнул, резко повернул направо и галопом проскакал мимо группы потрясенных солдат прямо в солнечный свет, а ущельный демон в это время занес клешню для очередного удара. Далинар нырнул под конечность, перекинул Клятвенник в левую руку и, держа меч на отлете, ударил по одной из древоподобных лап демона.

Клинок легко рассек толстый хитин. Как обычно, он не рубил живую плоть, но парализовал лапу столь же верно, как если бы отсек ее напрочь. Большая конечность соскользнула, оцепеневшая и бесполезная.

Из глоток монстра вырвалось многоголосое утробное рычание. Далинар увидел, как Адолин рассек ему другую лапу.

Тварь дернулась и повернулась к Далинару. Две подрубленные лапы безжизненно волочились следом. Монстр был длинный и узкий, как лангуст, со сплюснутым хвостом. Он опирался при ходьбе на четырнадцать лап. Сколько нужно подрубить, чтобы он упал?

Далинар развернул Храбреца и встретился с Адолином, чей синий доспех блистал, а плащ плескался за спиной. Они поменялись местами, и каждый двинулся по широкой дуге, направляясь к новой конечности.

– Монстр, повстречайся со своим врагом! – заорал Элокар.

Далинар обернулся. Король разыскал своего скакуна и сумел его успокоить. Мститель не был ришадием, но происходил из лучшего шинского стада. Оседлав коня, Элокар бросился в атаку, замахиваясь клинком.

Что ж, убрать его с поля боя не представляется возможным. В доспехе ему не угрожает опасность, если он будет все время двигаться.

– Элокар, ноги! – крикнул великий князь.

Племянник проигнорировал его и ринулся напрямик к груди чудовища. Далинар выругался и пришпорил Храбреца, когда монстр вскинул лапу. Элокар в последний момент повернул, припал к спине коня и ушел от удара. Клешня ущельного демона врезалась в камень с оглушительным скрежетом. Тварь взревела от ярости, и рев эхом раскатился по расщелинам.

Король повернул к Далинару и пронесся мимо него:

– Дурак, я отвлекаю его. Продолжайте атаковать!

– У меня ришадиум! – заорал Далинар в ответ. – Я отвлеку – я быстрее!

Элокар снова не обратил на него внимания. Далинар вздохнул. Типично для короля – его не удержать. Препирательства отняли бы время и новые жизни, потому Далинар сделал что велели. Он поскакал в сторону, чтобы еще раз приблизиться, и копыта Храбреца стучали по каменистой почве. Элокар завладел вниманием монстра, так что Далинар смог подъехать к другой лапе и перерубить ее осколочным клинком.

Чудовище издало четыре вопля в унисон и повернулось к Далинару. Но в этот же момент Адолин приблизился с противоположной стороны и рассек другую лапу ловким ударом. Лапа подогнулась. Полился дождь стрел, которые продолжали выпускать лучники.

Тварь затряслась, сбита с толку атаками со всех сторон. Она слабела, и Далинар взмахнул рукой. Это был приказ остальным пехотинцам отступать к павильону. Отдав его, князь скользнул вперед и рассек другую лапу. Минус пять. Возможно, пришел момент, когда следует позволить чудовищу уковылять прочь; попытаться убить его сейчас означало бы неоправданно рисковать жизнями.

Он окликнул племянника, который скакал на некотором расстоянии, держа меч на отлете. Король бросил на него взгляд, но явно не услышал. Ущельный демон по-прежнему возвышался над ними, и Элокар мгновенно развернул Мстителя направо, к Далинару.

Вдруг раздался короткий отрывистый щелчок – и король кубарем полетел на землю вместе с седлом. От резкого поворота лопнула подпруга. Человек в осколочном доспехе был тяжелым, и от такого груза нелегко приходилось как скакуну, так и седлу.

Далинар обмер от ужаса, натягивая поводья Храбреца. Элокар рухнул на землю, выронил осколочный клинок. Оружие вновь обратилось в туман и исчезло. Это была защита от того, чтобы клинок не забрали враги; он исчезал, если только усилием воли не приказать ему остаться.

– Элокар! – заорал Далинар.

Король покатился, путаясь в плаще, потом замер. Секунду-другую он лежал не шевелясь; доспех на плече треснул и начал выпускать бурсвет. Доспех должен был смягчить падение. С ним все в порядке.

Вот только...

Над королем нависла клешня.

Далинар в панике развернул Храбреца и помчался к племяннику. Он опоздает! Чудовище успеет...

Огромная стрела вонзилась в голову ущельного демона, взломала хитин. Потекла густая пурпурная кровь, и чудовище затрубило от жуткой боли. Далинар повернулся в седле.

Садеас, в красном осколочном доспехе, брал у прислужника другую массивную стрелу. Он натянул тетиву, выстрелил – и в плечо ущельного демона с громким треском вонзился толстый дротик.

Далинар приветственно вскинул Клятвенник. Садеас ответил, подняв лук. Они не были друзьями, даже не нравились друг другу.

Но они защищали короля. Эта связь их объединяла.

– Уходи отсюда! – прокричал Далинар королю, проносясь мимо.

Элокар с трудом поднялся на ноги и кивнул.

Далинар мчался вперед. Ему нужно было отвлекать чудовище достаточно долго, чтобы Элокар смог спастись. Многие из стрел Садеаса попадали в цель, но монстр уже не обращал на них внимания. Его неуклюжесть исчезла, крики стали злыми, дикими, безумными. Существо по-настоящему разозлилось.

Начиналась самая опасная часть; теперь отступать некуда. Оно пойдет за ними и либо убьет всех, либо погибнет само.

Совсем близко от Храбреца обрушилась клешня, взметнув осколки камня. Далинар припал к спине жеребца, не забыв выставить клинок, и рассек еще одну лапу. Адолин с другой стороны проделал то же самое. Минус семь лап, половина конечностей. Как скоро тварь упадет? Обычно на этом этапе из зверя уже торчало несколько десятков стрел. Не стоит и гадать, как пойдет дело без этой предварительной подготовки, – кроме того, Далинар ни разу не сражался с такой большой тварью.

Он развернул Храбреца, пытаясь отвлечь внимание существа. Может, Элокар уже...

– Эй, бог! – заорал Элокар.

Далинар застонал, кинув взгляд через плечо. Король не сбежал.

Он шел к чудовищу, держась за бок.

– Я вызываю тебя, тварь! – крикнул Элокар. – Твоя жизнь будет моей! Они увидят, как их боги падут, и в точности так же их король падет мертвым у моих ног! Я вызываю тебя!

«Дурень, будь ты проклят!» – подумал Далинар, разворачивая Храбреца.

Осколочный клинок вновь возник в руке Элокара, и тот ринулся к груди чудовища; из треснутого наплечника вытекал буресвет. Король подобрался ближе и нанес удар по торсу чудовища, вырезав кусок хитина, – его, как человеческие волосы или ногти, можно было резать клинком. Потом Элокар всадил оружие в грудь монстра, пытаясь добраться до его сердца.

Чудовище взревело и затряслось, стряхивая короля. Тот едва не упустил свой клинок. Чудовище повернулось. К несчастью, это движение привело к тому, что его хвост понесся прямо на Далинара. Князь выругался и резко развернул Храбреца, но хвост надвигался слишком быстро. Он врезался в Храбреца, и через миг Далинар уже катился по земле, а Клятвенник выпал из его пальцев и врезал каменистую почву, прежде чем превратиться в туман.

– Отец! – раздался далекий крик.

Далинар распластался на камнях, оглушенный. Он поднял голову и увидел, как с трудом встает Храбрец. К счастью, конь ничего себе не сломал, хотя был покрыт кровоточащими царапинами и осторожно ступал на одну ногу.

– Прочь! – приказал Далинар.

Приказ должен отправить коня в безопасное место. В отличие от Элокара, тот подчинится.

Далинар встал и пошатнулся. Слева раздался скрежет, и, когда князь повернулся, хвост ущельного демона вновь ударил его в грудь и опрокинул.

Мир завертелся, и от падения металл и камень разразились какофонией звуков.

«Нет!» – подумал Далинар и, выставив руку в латной перчатке, использовал энергию скольжения, чтобы подбросить себя. Небо кружилось, но что-то как будто исправилось, словно доспех сам знал, где верх, а где низ. Далинар приземлился – все еще в движении, со скрежетом скользя ногами по камню.

Восстановив равновесие, он бросился к королю, снова призывая осколочный клинок. Десять ударов сердца. Вечность.

Лучники продолжали стрелять, и уже много дротиков торчало из морды ущельного демона. Чудовище не обращало на них внимания, хотя большие стрелы Садеаса, кажется,

все еще отвлекали его. Адолин рассек очередную лапу, и теперь тварь неуклюже ползла, волоча за собой бесполезные восемь лап из четырнадцати.

– Отец!

Далинар обернулся и увидел Ренарина – юноша в жестком синем мундире Холинов, в длинном плаще, застегнутом под самую шею, скакал к нему через каменистую пустошь.

– Отец, ты в порядке? Я могу помочь?

– Глупый мальчишка! – заорал Далинар. – Уходи!

– Но...

– Ты без доспеха и без оружия! Убирайся прочь, пока не погиб! Ренарин натянул поводья и остановил своего чалого коня.

– Уходи!!!

Сын умчался галопом. Далинар повернулся и побежал к Элокару, в его поджидающей руке из тумана возник Клятвенник. Элокар продолжал рубить нижнюю часть тела чудовища, и куски плоти чернели и умирали, когда их рассекал осколочный клинок. Вонзив клинок правильно, он мог бы остановить сердце или легкие, но сделать это было нелегко, пока тварь еще держалась на ногах.

Адолин спешил к королю. Он пытался остановить клешни, ударяя их, как только они приближались. К несчастью, клешней было четыре, а Адолин – всего один. Две ударили его одновременно, и, хотя юноша сумел отсечь от одной кусок, он не увидел, как другая несется к его спине.

Предупреждающий возглас Далинара опоздал. Клешня подбросила Адолина, и осколочный доспех треснул. Юноша полетел кувырком и ударился о землю. Доспех не разбился, слава Вестникам, но нагрудник и бок покрылись глубокими трещинами, из которых вытекали струи белого дыма.

Адолин вяло зашевелился, его руки двигались. Он жив.

Нет времени думать о нем. Элокар остался один.

Чудовище ударило по земле возле короля и сбilo его с ног. Клинок исчез, и монарх упал лицом на камни.

Что-то изменилось внутри Далинара. Все сомнения исчезли. Все прочие заботы стали бессмысленны. Сын его брата в опасности.

Он подвел Гавилара – лежал мертвецки пьяным, пока брат сражался за свою жизнь. Далинар должен был находиться рядом, чтобы защитить его. Только две вещи остались от его любимого брата, две вещи, которые великий князь мог защищать, надеясь хоть как-то искупить вину: королевство Гавилара и сын Гавилара.

Элокар один и в опасности.

Все прочее утратило смысл.

Адолин тряхнул головой, приходя в себя. Он поднял забрало и глотнул свежего воздуха, чтобы прояснилось в голове.

Сражение. Они сражались. Юноша слышал крики, ощущал дрожание камня, чудовищное мычание. Ноздри втягивали запах плесени. Кровь большепанцирника.

«Ущельный демон!» – подумал Адолин. Все еще плохо соображая, он снова призвал свой клинок и с трудом поднялся на четвереньки.

Монстр был темным силуэтом на фоне неба, совсем недалеко. Адолин упал поблизости от его правого бока. Перед глазами у него все плыло, но он видел, что король рухнул и что его доспех покрыт трещинами от полученного удара.

Ущельный демон поднял массивную клешню, готовясь обрушить ее на жертву. Адолин вдруг понял, какая катастрофа вот-вот случится. Король погибнет во время обычной охоты.

Государство развалится, великие князья разорвут его на части, когда лопнет то слабое звено, что сковывает их.

«Нет!» – подумал Адолин, потрясенный и все еще оглушенный, и попытался двинуться вперед.

И увидел своего отца.

Далинар рванулся к королю, двигаясь с быстротой и изяществом, на которые, казалось бы, не был способен человек, даже в осколочном доспехе. Он перепрыгнул через уступ, потом пригнулся и проскользнул под клешней, что падала на него. Другие считали себя мастерами осколочных клинков и доспехов, но... рядом с Далинаром Холином они выглядели детьми.

Далинар выпрямился, прыгнул – по-прежнему не останавливаясь – и пролетел в нескольких дюймах над второй клешней, что разбила на куски уступ позади него.

Все случилось мгновенно. За один вздох. Третья клешня падала на короля, и Далинар, взревев, рванулся вперед. Пролетая под клешней, он отбросил клинок, тот упал на землю и испарился. Князь поднял руки и...

И поймал ее. Он согнулся под ударом, опустил на одно колено; раздался оглушительный звон от соприкосновения панциря и доспеха.

Но Далинар ее поймал.

«Буреотец!» – подумал Адолин, глядя, как его великий князь Холин стоит над королем, согнувшись от немыслимого веса монстра, который во много раз превосходил его размером. Лучники замешкались, потрясенные. Садеас опустил большелук. Адолин не мог дышать.

Далинар удерживал клешню – равный по силе монстру человек, закованный в темно-серебристый и как будто светящийся металл. Чудовище затрубило, и рыцарь в осколочных доспехах издал в ответ мощный дерзкий вопль.

В тот момент Адолин понял, что его желание исполнилось. Он увидел Черного Шипа – того самого человека, рядом с которым хотел сражаться. Латные перчатки и наплечники Далинара начали сдавать, по древнему металлу побежала паутина светящихся трещин. Адолин встряхнулся и наконец-то вскочил.

«Я должен помочь!»

В его руке снова возник осколочный клинок, и он, подбежав к боку чудовища, рассек ближайшую лапу. Раздался громкий треск. Лишившись стольких конечностей, тварь больше не могла удерживать свой вес, особенно теперь, когда отчаянно старалась сокрушить Далинара. Оставшиеся лапы с правой стороны подломились с неприятным хрустом, брызнул фиолетовый ихор, и чудовище повалилось набок.

Задрожала земля, Адолин чуть не упал. Далинар отбил ослабевшую клешню; бурсвет из множества трещин клубился над ним, точно облако. Поблизости поднялся король – с того момента, как он упал, прошло всего лишь несколько секунд.

Элокар стоял пошатываясь и смотрел на рухнувшее чудовище. Потом повернулся к своему дяде, Черному Шипу.

Далинар бросил благодарный взгляд на сына, посмотрел на короля и резко махнул рукой в сторону того, что заменяло монстру шею. Элокар кивнул, призвал свой клинок и вонзил его глубоко в плоть чудовища. Горящие ровным зеленым светом глаза твари почернели и усохли, выпустив струйки дыма.

Адолин подошел к отцу, наблюдая за тем, как Элокар рубит клинком грудь ущельного демона. Теперь, когда чудовище умерло, клинок мог резать его плоть. Во все стороны летели брызги фиолетового ихора, и вот Элокар отбросил клинок, сунул руки в латных перчатках в рану и что-то там нащупал.

Он вырвал светсердце чудовища – громадный самосвет, что рос внутри каждого ущельного демона. Это был бугорчатый, нешлифованный, но чистейший изумруд размером с

человеческую голову. Самое большое светсердце, какое только видел Адолин, а ведь даже маленькие стоили целое состояние.

Элокар высоко поднял свою вызывающую трепет добычу, вокруг него возникли золотые спрены славы, и солдаты разразились триумфальными возгласами.

14

День жалованья

Прежде всего позволь тебя заверить, что элемент в сравнительной безопасности. Я подыскал для него хороший дом. Я защищаю его, можно сказать, как собственную шкуру.

На утро после решения, принятого во время Великой бури, Каладин проснулся раньше остальных. Он отбросил одеяло и пробежался по комнате, среди множества скорчившихся под одеялами спящих. Воодушевления в нем не было, но появилась решимость. Каладин вознамерился возобновить борьбу.

И началась эта борьба с того, что он распахнул дверь навстречу солнцу. Позади раздались стоны и проклятия – измотанные мостовики просыпались. Каладин упер руки в бедра и повернулся к ним. В Четвертом мосту на тот момент было тридцать четыре человека. Эта цифра менялась, но для того, чтобы нести мост, требовалось не менее двадцати пяти рабов. Если их оказывалось меньше, мост переворачивался. Иногда такое случалось, даже если их было достаточно.

– Встать и построиться! – рявкнул Каладин своим лучшим командирским голосом и сам удивился, насколько внушительным получился приказ.

На него уставились сонные моргающие глаза.

– Это значит, – заорал Каладин, – выметайтесь из казармы и становитесь в шеренги! Вы это сделаете, клянусь бурей, или я вас вытащу одного за другим собственными руками!

Сил спорхнула откуда-то и опустилась на его плечо, с интересом наблюдая за происходящим. Несколько мостовиков сели, продолжая растерянно пялиться на него. Другие повернулись спиной и поплотнее закутались в одеяла.

Каладин тяжело вздохнул:

– Ну хорошо...

Он вошел в комнату и выбрал худощавого аleti по имени Моаш. Это был сильный мостовик; Каладину требовался пример, и кто-нибудь тощий вроде Данни или Нарма не подходил. Кроме того, Моаш был одним из тех, кто перевернулся на другой бок, собираясь и дальше спать.

Каладин схватил Моаша за руку и потянул, напрягая все силы. Мужчина вскочил. Молодой – вероятно, ровесник Каладина, – с ястребиным лицом.

– Иди в бурю! – зарычал он, выдергивая руку.

Каладин ударил Моаша в живот, намеренно лишая возможности дышать. Тот охнул от боли, согнулся пополам, Каладин закинул мостовика на плечо.

И чуть не упал от тяжести. К счастью, бег с мостом был хоть и жесткой, но действенной тренировкой силы. Конечно, слишком мало мостовиков доживали до того момента, когда можно было этим воспользоваться. И все портили непредсказуемые промежутки между вылазками. Они были частью большой проблемы: мостовые расчеты, как правило, либо сидели без дела, либо выполняли черную работу. А потом вновь должны были бежать много миль с мостом на плечах.

Он вынес потрясенного Моаша наружу и свалил на камень. Лагерь вокруг уже проснулся, плотники прибыли на лесной склад, солдаты бежали трусцой на завтрак или

тренировку. Другие мостовые расчеты, разумеется, еще спали. Им часто позволяли спать допоздна, если только не приходилось с утра тащить мост.

Каладин оставил Моаша и вошел обратно в казарму с низким потолком:

– Я с каждым сделаю то же самое, если придется.

Не пришлось. Потрясенные мостовики выбрались на свет, моргая. Большинство подставляли солнечному свету голую спину, будучи в одних штанах до колен. Моаш не без труда поднялся, потирая живот и бросая на Каладина сердитые взгляды.

– В Четвертом мосту грядут перемены, – объявил Каладин. – Во-первых, вы больше не будете дрыхнуть так долго.

– И что же мы будем делать вместо этого? – требовательно спросил Сигзил.

У него была темно-коричневая кожа и черные волосы, что свидетельствовало о его принадлежности к макабаки, из юго-западной части Рошара. Единственный мостовик без бороды, и, судя по мягкому выговору, скорее всего, азирец или эмули. Чужестранцы в мостовых расчетах никого не удивляли – те, кому не удалось никуда вписаться, часто попадали в армейскую помойку.

– Отличный вопрос, – сказал Каладин. – Мы станем упражняться. Каждое утро, перед тем как нас отправят на работу, мы будем бегать с мостом, чтобы практиковаться и становиться крепче.

В ответ на это многие лица помрачнели.

– Я знаю, что вы сейчас думаете. Разве наши жизни недостаточно суровы? Разве нам нельзя расслабиться в те краткие моменты, которые иной раз выпадают?

– Ага, – согласился Лейтен, высокий крепыш с курчавыми волосами. – Это точно.

– Нет! – рявкнул Каладин. – Вылазки с мостом выматывают нас, потому что мы большую часть времени бездельничаем. О, я знаю, нас заставляют работать – осматривать ущелья, чистить нужники, драить полы. Но солдаты не хотят, чтобы мы по-настоящему трудились, – им просто нужно нас занять. Поручая нам какое-нибудь дело, они про нас забывают. Поскольку я теперь ваш старшина, моя задача – сохранить вам жизнь. Стрелы паршенди никуда не исчезнут, поэтому я буду менять вас. Хочу сделать вас сильнее, чтобы на последнем отрезке пути с мостом, когда полетят стрелы, вы смогли бежать быстро. – Он посмотрел в глаза каждому. – Я собираюсь устроить так, чтобы Четвертый мост больше не потерял ни одного человека.

Мужчины недоверчиво уставились на него. Наконец стоявший в заднем ряду широкоплечий здоровяк расхохотался. Загорелая кожа, темно-красные волосы и почти семь футов роста, большие руки и мощный торс. Ункалаки – многие называли их просто рогоедами – народ из Центрального Рошара, из окрестностей Йа-Кевода. Этот мостовик прошлой ночью назвался Камнем.

– Твоя без ума! – сказал рогоед. – Твоя без ума хотеть быть главный!

Он от души расхохотался. Остальные присоединились, качая головой в ответ на слова Каладина. Несколько спренов смеха – похожие на серебристых мальков духи, что носились в воздухе кругами, – заметались над ними.

– Эй, Газ, – позвал Моаш, приложив ладони рупором ко рту.

Одноглазый коротышка-сержант разговаривал с солдатами неподалеку.

– Чего надо? – Тот скорчил недовольную мину.

– Этот малый хочет, чтобы мы побегали с мостом ради тренировки, – прокричал Моаш. – Мы должны его слушаться?

– Еще чего, – отозвался Газ и махнул рукой. – Старший может командовать лишь на поле боя.

Моаш посмотрел на Каладина:

– Похоже, приятель, ты можешь идти в бурю. Если только не поколотишь нас всех, чтоб мы слушались.

Строй распался – кто-то побрел обратно в казарму, кто-то направился в столовую. Каладин остался в одиночестве на каменистой площадке.

– Не очень-то хорошо получилось, – сказала сидевшая у него на плече Сил.

– Нет. Не получилось.

– Ты выглядишь удивленным.

– Точнее, я расстроен. – Каладин посмотрел на Газа. Мостовой сержант демонстративно от него отвернулся. – В войске Амарама мне поручали неопытных рекрутов, но ни один из них не выражал столь дерзкого неподчинения.

– А почему? – спросила Сил.

До чего невинный вопрос. Ответ был очевиден, однако она растерянно склонила голову набок.

– Солдаты Амарама знали, что их всегда могут отправить туда, где будет хуже. Их можно было наказывать. А эти мостовики знают, что достигли дна. – Вздохнув, он позволил себе немного расслабиться. – Повезло, что я вообще смог вытащить их из барака.

– И что же ты будешь делать?

– Не знаю. – Каладин посмотрел в ту сторону, где Газ все еще болтал с солдатами. – Впрочем, нет, знаю.

Газ заметил приближение Каладина, и на его лице вдруг отразился неподдельный ужас. Он прервал беседу и поспешно скрылся за сложенными в штабель бревнами.

– Сил, ты можешь за ним проследить для меня?

Она улыбнулась и, превратившись в тонкую белую линию, метнулась прочь, оставив после себя медленно исчезающий след. Каладин остановился там, где раньше стоял Газ.

Сил вскоре прилетела обратно и вновь превратилась в девушку.

– Он прячется между теми двумя казармами. – Она махнула рукой. – Присел и ждет, пойдешь ли ты за ним.

Каладин с улыбкой направился длинной дорогой вокруг бараков. В переулке он обнаружил человека, который притаился в тени и смотрел в другую сторону. Каладин подкрался и схватил Газа за плечо. Сержант с воплем повернулся и попытался ударить его. Каладин легко поймал его кулак.

Газ в ужасе уставился на мостовика:

– Я не мог солгать! Забери тебя буря, у старшины нет власти над остальными, кроме как на поле боя. Если ты опять меня побьешь, я тебя...

– Газ, успокойся, – сказал Каладин, отпуская его. – Я тебя не трону. По крайней мере, пока.

Коротышка отпрянул, потирая плечо и не спуская с Каладина глаз.

– Сегодня третий день, – напомнил парень. – День жалованья.

– Получишь через час, как все.

– Нет. Деньги при тебе, я видел, как ты разговаривал с курьером. – Он протянул руку.

Газ заворчал, но вытащил кошелек и отсчитал сферы. В центре каждой светился робкий огонек. Бриллиантовые марки, все стоимостью в пять бриллиантовых светосколков. На один светосколок можно было купить ломоть хлеба.

Сержант отсчитал четыре марки, хотя в неделе пять дней. Он вручил их Каладину, но тот продолжал держать перед собой вытянутую руку с открытой ладонью.

– Еще одну, Газ.

– Ты же сказал...

– Сейчас же!

Газ дернулся, потом вытащил сферу:

– Странная у тебя манера держать слово, лорденыш. Ты ведь обещал...

Он умолк, когда Каладин взял сферу, которую только что получил, и протянул обратно. Газ нахмурился.

– Не забывай, откуда это приходит. Я сдержу слово, но ты не будешь забирать часть моего жалованья. Я тебе ее сам отдам. Ясно?

Сержант выглядел растерянным, но сферу с ладони Каладина все же схватил.

– Если со мной что-то случится, денег больше не будет, – предупредил молодой мостовик, пряча четыре оставшиеся сферы в карман. Потом он шагнул вперед. Каладин был высоким и нависал над коротышкой Газом. – Помни о нашем уговоре. Держись от меня подальше.

Газ не испугался. Он сплюнул, и темный плевок, прилипнув к каменной стене, медленно пополз вниз.

– Не буду я ради тебя лгать. Если думаешь, что одна дерьмовая марка в неделю – это что-то...

– Я жду от тебя только того, о чем сказал. Где и когда сегодня дежурит Четвертый мост?

– В столовой за ужином. Чистка и уборка.

– А мостовое дежурство?

– Послеполуденная смена.

Значит, утром они свободны. Мостовикам это понравится: можно провести день жалованья, тратя сферы на азартные игры или шлюх, и, быть может, ненадолго забыть о том, до чего жалкую жизнь они ведут. К послеполуденному дежурству придется вернуться и ждать возле склада бревен, на случай если произойдет вылазка. После ужина они пойдут мыть горшки.

Еще один потерянный день. Каладин повернулся к лесному складу.

– Ты ничего не изменишь, – сказал ему вслед Газ. – Эти люди стали мостовиками не без причины.

Каладин просто шел вперед. Сил спорхнула с крыши и села ему на плечо.

– У тебя нет власти! – крикнул Газ. – Ты не командир отряда на поле боя. Ты, забери тебя буря, мостовик! Слышишь меня? Нельзя получить власть, не имея звания!

Каладин вышел из переулка.

– Он ошибается. – Молодой мостовик ощупал сферы в кармане. Сил обошла его голову и зависла перед лицом. Выжидающе наклонилась. – Власть дает не звание.

– А что?

– Люди, которые тебя ею наделяют. Таков единственный способ ее получить. – Он бросил взгляд туда, откуда пришел. Газ все еще стоял в переулке. – Сил, ты же не спишь, верно?

– Разве спрены спят? – Ее, похоже, позабавила эта мысль.

– Посторожишь за меня ночью? Чтобы Газ не учудил что-нибудь, пока я сплю. Он может попытаться меня убить.

– Думаешь, он на такое способен?

Каладин на миг задумался.

– Нет, скорее всего. Я знал с десятков людей вроде него – мелочные задиры, способные только действовать на нервы. Газ – негодяй, но не думаю, что убийца. Кроме того, он полагает, что причинять мне вред и не нужно, надо лишь подождать, пока меня не убьют во время вылазки с мостом. И все-таки лучше побережься. Разбуди, если он что-то устроит.

– Конечно. Но если он просто пойдет к тем, кто важнее? Скажет, чтобы тебя казнили?

Каладин скривился.

– С этим я ничего не могу поделать. Но сомневаюсь, что он так поступит. Ведь тогда Газ будет выглядеть слабым перед высшими чинами.

Кроме того, обезглавить могли только тех мостовиков, которые отказывались бежать в атаку. Так что, пока он выполняет долг мостовика, его не казнят. В общем-то, командующие войском, похоже, с неохотой наказывали мостовиков. При Каладине один как-то совершил убийство, так дурака просто подвесили во время Великой бури. Но, кроме этого, парень видел лишь то, как несколько человек остались без жалованья из-за драк, да еще двоих высекли за то, что в начале вылазки с мостом они слишком медленно бежали.

Минимальные наказания. Командующие все понимали. Жизни мостовиков были настолько безнадежны, насколько это представлялось возможным; если их еще чуть-чуть подтолкнуть, они могут просто утратить смысл существования и позволят себя убить.

К несчастью, это также означало, что сам Каладин ничего не может предпринять, чтобы наказать собственную команду, даже если бы у него была такая власть. Ему нужно как-то иначе их мотивировать. Он пересек лесной склад, где плотники сооружали новые мосты. Потратив немного времени на поиски, нашел то, что хотел, – толстый брус, который должны были приделать к новому переносному мосту. Сбоку на нем была рукоять для мостовика.

– Могу я это одолжить? – спросил Каладин у проходившего мимо плотника.

Тот почесал присыпанную опилками голову:

– Одолжить?

– Я останусь тут, на складе, – пояснил Каладин, поднимая брус на плечо. Он оказался тяжелее, чем ожидалось, и молодой мостовик порадовался, что на нем кожаный жилет с наплечниками.

– Он же нам потом понадобится... – начал плотник, но не нашел достойных возражений и позволил Каладину уйти вместе с брусом.

Мостовик выбрал каменную полосу прямо напротив входа в казармы. Потом начал рысью носиться с одного конца лесного склада на другой, с брусом на плече, чувствуя тепло восходящего солнца на коже. Он ходил, бегал трусцой и рысью. Носил брус на плече, а потом – над головой, на вытянутых руках.

Каладин полностью вымотался. В общем-то, он несколько раз чуть не рухнул в изнеможении, но постоянно откуда-то находил новые силы. Так что он продолжал двигаться, стиснув зубы, борясь с болью и усталостью, считая шаги, чтобы сосредоточиться. Подмастерье плотника, с которым он разговаривал, привел старшего. Тот поскреб голову под шапкой, наблюдая за Каладином. Потом пожал плечами, и они оба ушли.

Вскоре вокруг собралась небольшая толпа. Рабочие с лесного склада, несколько солдат и много мостовиков. Кое-кто из других мостовых не жалел насмешек, но мостовики из Четвертого моста большей частью помалкивали. Многие не обращали на него внимания. Другие – сидящий Тефт, юный Данни, кое-кто еще – просто стояли рядом и смотрели, словно не веря своим глазам.

Эти взгляды – хоть они и были потрясенными и враждебными – отчасти вынуждали Каладина продолжать. Он бегал и для того, чтобы изгнать свою досаду, уgomонить кипевший и бурливший внутри гнев. Гнев на самого себя за то, что подвел Тьена. Гнев на Всемогущего за то, что тот создал мир, в котором кто-то поглощал роскошные обеды, а кто-то погибал, пока нес мост.

Усталость от занятия, которое Каладин сам для себя выбрал, оказалась на удивление приятной. Он уже испытывал подобное в те первые месяцы после смерти Тьена, когда упражнялся с копьем до бесчувствия. Прозвонили полуденные колокола, призывая солдат к обеду. Каладин наконец-то остановился и опустил большой брус на землю. Размял плечо. Он бегал несколько часов. И откуда только силы взялись?

Он пробежался до плотницкого дома, роняя на камни капли пота, и глотнул воды из бочки. Плотники обычно гнали прочь мостовиков, которые пытались это делать, но никто даже слова не сказал, когда Каладин выхлебал два полных ковша дождевой воды с металли-

ческим привкусом. Потом стряхнул ковш, кивнул паре подмастерьев и потрусил обратно к своему брусу.

Камень, смуглокожий громила-рогоед, оценивающе взвешивал брус и хмурился.

Тефт заметил Каладина и кивнул на Камня:

– Он проспорил нескольким из нас по светосколку – думал, ты используешь легкую доску, чтобы произвести впечатление.

Если бы они могли почувствовать его усталость, не были бы такими недоверчивыми. Он заставил себя забрать у Камня брус. Здоровяк отдал его с растерянным видом и наблюдал, пока Каладин относил его туда, где взял. Он благодарно махнул подмастерью, потом побежал к маленькой группке мостовиков. Камень с неохотой отдавал проигранные светосколки.

– Идите обедать, – сказал им Каладин. – Впереди у нас послеполуденное дежурство, так что будьте здесь через час. Соберитесь в столовой, когда прозвонит колокол перед закатом. Наше лагерное дежурство сегодня – вечерняя уборка. Кто придет последним, будет чистить горшки.

Он побежал прочь от лесного склада, и мостовики проводили его изумленными взглядами. Через два квартала Каладин нырнул в переулок и прислонился к стене. Потом, выдохнув со свистом, сполз на землю и растянулся без сил.

Каждая мышца в теле вопила о пощаде. Ноги горели, а когда он попытался сжать кулак, пальцы оказались слишком слабыми и непослушными. Он глубоко дышал и кашлял. Проходивший мимо солдат остановился, но потом заметил наряд мостовика и ушел, не сказав ни слова.

В конце концов Каладин ощутил легкое прикосновение к груди. Открыл глаза и увидел, что Сил лежит на воздухе лицом вниз и смотрит на него. Ее ноги были направлены к стене, но поза и складки платья выглядели так, словно она стояла прямо, а не висела лицом к земле.

– Каладин, я должна тебе кое-что сказать, – заявила спрен.

Он опять закрыл глаза.

– Каладин, это важно!

Он почувствовал легкий удар по веку. Очень странное ощущение. Молодой мостовик заворчал, открыл глаза и вынудил себя сесть. Сил прошла по воздуху, словно огибая невидимую сферу, пока не приняла нужное положение.

– Я решила, что меня радует то, что ты сдержал данное Газу слово, даже если он мерзкий человек.

Каладин не сразу понял, о чем она:

– Сферы?

Она кивнула:

– Я думала, ты можешь нарушить слово, но рада, что ты этого не сделал.

– Славно. Ну что ж, спасибо, что сказала.

– Каладин, – нетерпеливо проговорила она, сжав кулачки, – это важно!

– Я... – Он замолчал и запрокинул голову, упершись макушкой в стену. – Сил, я даже дышать не могу, а ты хочешь, чтобы я думал. Пожалуйста. Скажи сама, что тебя беспокоит.

– Я знаю, что такое ложь, – сообщила она, приближаясь и усаживаясь на его колено. – Несколько недель назад я понятия не имела о том, что значит врать. Но теперь я рада, что ты не соврал. Разве ты не видишь?

– Нет.

– Я меняюсь. – Спрен вздрогнула, вся ее фигурка на миг затуманилась. – Я знаю вещи, которых не знала всего несколько дней назад. Это так странно.

– Ну, я думаю, это хорошо. В смысле, чем больше ты понимаешь, тем лучше. Разве не так?

Сил опустила глаза и прошептала:

– Когда я нашла тебя возле ущелья вчера, после Великой бури... ты собирался убить себя, верно?

Каладин не ответил. Вчера. Целую вечность назад.

– Я тебе дала лист. Ядовитый лист. Ты мог его использовать, чтобы убить себя или кого-то еще. Там, в фургоне, ты именно это и собирался сделать. – Сил снова посмотрела ему в глаза, и в ее тихом голосе послышался ужас. – Сегодня я знаю, что такое смерть. Почему я знаю, что такое смерть?

Каладин нахмурился:

– Ты всегда была странной для спрена. С самого начала.

– С самого начала?

Он помедлил, вспоминая. Нет, в первые дни Сил вела себя в точности как остальные спрены ветра. Разыгрывала его, приклеивала обувь к полу и пряталась. Даже задержавшись с ним на многие месяцы рабства, она большей частью вела себя обычно. Знай себе порхала вокруг, ни на чем надолго не задерживая внимания.

– Вчера я понятия не имела, что такое смерть. Сегодня знаю. Несколько месяцев назад не понимала, что веду себя странно для спрена, но теперь до меня дошло. Откуда я вообще знаю, как должен вести себя спрен? – Она съежилась, словно уменьшилась в росте. – Что со мной происходит? Что я такое?

– А это имеет значение?

– Разве нет?

– Я ведь тоже не знаю, кто я на самом деле. Мостовик? Лекарь? Солдат? Раб? Это все лишь ярлыки. Внутри – я есть я. Совсем не такой, как много лет назад, но об этом не стоит тревожиться, так что я просто иду вперед и надеюсь, что ноги приведут меня туда, куда мне надо.

– Ты не сердись, что я принесла тебе тот лист?

– Сил, если бы ты мне не помешала, я бы шагнул в ту пропасть. Лист был мне необходим тогда. Каким-то образом получилось, что ты поступила правильно.

Она улыбнулась и принялась наблюдать, как Каладин разминается. Закончив, он встал и снова вышел на улицу, почти придя в себя после изнеможения. Сил взмыла в воздух и устроилась у него на плече – села, свесив ноги и упираясь руками, точно девчонка на краю утеса.

– Я рада, что ты не сердишься. Хотя и убеждена, что именно тебя следует винить в том, что со мной происходит. До того как мы встретились, я даже не думала про смерть и ложь.

– В этом я весь, – сухо проговорил Каладин. – Куда бы ни пошел, несусь с собой смерть и вранье. Прямо как Ночехранительница.

Сил нахмурилась.

– Это был... – начал он.

– Да, – перебила спрен. – Это был сарказм. – Она наклонила голову. – Я знаю, что такое сарказм. – Хитро улыбнулась. – Я знаю, что такое сарказм!

«Буреотец, – подумал Каладин, глядя в ее радостные глазки. – Есть в этом что-то злое...»

– Погоди-ка, а раньше с тобой похожего не происходило?

– Не знаю. Не помню ничего, что случилось больше года назад, когда я впервые увидела тебя.

– Правда?

– Неудивительно. – Сил пожала полупрозрачными плечиками. – У большинства спренов короткая память. – Она поколебалась. – Не понимаю, откуда мне это известно.

– Может быть, все правильно. Ты могла уже пережить такое, а потом все забыла.

– Не очень-то утешает. Мне не нравится сама мысль о том, что я могу что-то забыть.

– А мысли о смерти и лжи тебе тоже не нравятся?

– Да. Но если я утрачу эти воспоминания... – Она уставилась на что-то перед собой, и Каладин, проследив за направлением ее взгляда, заметил пару спренов ветра, беззаботно и свободно кувывкавшихся в небе.

– Будущее тебя пугает, – понял молодой мостовик, – но возвращение в прошлое вызывает ужас.

Сил кивнула.

– Эти чувства мне знакомы, – сказал он. – Идем. Мне надо поесть, а после обеда я должен успеть кое-что раздобыть.

15

Ловля на живца

Ты не согласен с моей затеей. Я это понимаю, насколько вообще могу понять того, с кем у меня столь глубокие разногласия.

Спустя четыре часа после нападения ущельного демона Адолин все еще руководил уборкой. В ходе битвы монстр уничтожил мост. К счастью, несколько солдат остались на другой стороне и отправились за мостовым расчетом.

Адолин ходил среди воинов, собирал донесения; послеполуденное солнце клонилось к закату. В воздухе пахло плесенью. Так пахла кровь большепанцирника. Само чудовище лежало там же, где погибло, со вскрытой грудной клеткой. Несколько солдат сдирали с него панцирь, а рядом с ними на туше уже всю пировали кремлецы. Слева, на неровной поверхности плато, длинными рядами разместили людей, подложивших под голову свернутые плащи или рубашки. О них заботились лекари из армии Далинара. Адолин благословил своего отца за то, что тот всегда брал с собой лекарей, даже в развлекательную поездку, как эта.

Адолин пошел дальше, все еще одетый в осколочный доспех. Войска могли бы попасть в военные лагеря другой дорогой – здесь имелся еще один мост, уводящий вглубь Равнин, – направиться на восток, а потом вернуться кружным путем. Далинар, однако, призвал, к вящему неудовольствию Садеаса, остаться и позаботиться о раненых, отдохнуть несколько часов, пока не прибудет мостовой расчет.

Адолин посмотрел на большой шатер, откуда доносился звонкий смех. Вокруг шатра стояли шесты с зубчатыми наконечниками, в которых были закреплены большие светящиеся рубины. Это фабриали, дававшие тепло без огня. Он не понимал, как работали фабриали, хотя знал, что наиболее сильным требовались большие самосветы.

И опять другие светлоглазые наслаждались отдыхом, пока он трудился. На этот раз Адолин не возражал. Ему бы трудно было веселиться после такой катастрофы. А это именно катастрофа. Подошел младший светлоглазый офицер со списком потерь. Его жена прочитала список, который они передали Адолину и удалились.

Почти пятьдесят убитых, вдвое больше раненых. Многих пострадавших Адолин знал. Когда королю представили первоначальный отчет, тот отмахнулся от смертей, заметив, что за свою доблесть павшие воины получают чины в небесном Войске Вестников. Он как-то слишком легко забыл, что сам мог оказаться в списке потерь, если бы не Далинар.

Адолин поискал взглядом отца; тот стоял на краю плато и опять смотрел на восток. Что он там искал? Это уже не первый раз. Молодой человек и раньше видел, как отец совершал необыкновенные поступки, но ничего столь драматичного еще не случалось. В памяти юноши отпечатался образ: его отец стоит под массивным ущельным демоном, не давая твари убить короля, и его осколочный доспех светится.

Другие светлоглазые теперь осторожнее вели себя рядом с Далинаром, и за последние несколько часов Адолин не услышал ни единого намека на его слабость даже от людей Садеаса. Он боялся, что это не продлится долго. Пройдут недели, и опять люди начнут болтать о том, как редко он участвует в сражениях на плато и как же он ослабел.

Адолин понял, что жаждет повторения. Сегодня, когда Далинар рванулся на помощь Элокару, то вел себя так, как в историях о Черном Шипе. Адолин хотел, чтобы этот человек из прошлого вернулся. Королевство нуждалось в нем.

Юноша тяжело вздохнул. Нужно представить королю окончательную сводку потерь. Скорее всего, это вызовет насмешки, но, возможно, ожидая своей очереди, он сумеет подслушать Садеаса. Адолин по-прежнему чувствовал, что упускает что-то важное об этом человеке. То, что наверняка знает отец.

И потому, изготавившись к колкостям, юноша направился к шатру.

Далинар смотрел на восток, сцепив за спиной руки в латных перчатках. Где-то там, в центре Равнин, паршенди разбили свой главный лагерь.

Алеткар воевал уже почти шесть лет и глубоко увяз в затянувшемся противостоянии. Осадную стратегию предложил сам Далинар – удар по базе паршенди предполагал размещение на Равнинах лагерей, способных вынести Великие бури, и необходимость полагаться на большое количество хрупких мостов. Одна проигранная битва – и алетки окажутся в ловушке, окруженные со всех сторон, без возможности вернуться на укрепленные позиции.

Но Расколотые равнины могут также стать ловушкой и для врагов. Восточные и южные края непроходимы – тамошние плато выветрились так, что превратились в узкие шпили, и паршенди не в состоянии перепрыгивать с одного на другое. Равнины со всех сторон окружали горы, а в пространстве между ними обитали стаи ущельных демонов, громадных и опасных.

С алетийской армией, загнавшей их в капкан с запада и севера, и с разведчиками, размещенными на юге и востоке на всякий случай, паршенди не выйдут из окружения. Далинар рассчитывал, что у них закончатся припасы. Они или подставятся под удар в попытке покинуть Равнины, или вынужденно нападут на алетки в их укрепленных военных лагерях.

Это был великолепный план. Только вот Далинар не предусмотрел светсердец.

Он отвернулся от расщелины и пересек плато. Ему отчаянно хотелось пойти и проверить, что с его людьми, но надо продемонстрировать веру в Адолина. Сын командовал, и у него хорошо получалось. Кажется, он уже отправился с докладом к Элокару.

Далинар улыбнулся, взглянув на сына. Адолин пониже отца, и волосы у него русые с черным. Русский он унаследовал от матери – так сказали Далинару. Сам князь ее не помнил. Ее изъяли из его памяти, оставив странные дыры и затуманенные места. Иногда он вспоминал какую-нибудь сцену в точности, и все ее участники были ясными и четкими, но она представляла расплывчатым пятном. Он даже имя не мог запомнить. Когда кто-то его произносил, оно выскальзывало из его разума, как кусочек масла со слишком горячего ножа.

Далинар дал Адолину возможность сделать донесение и направился к туше ущельного демона. Чудище лежало на боку; его глаза выгорели, пасть распахнулась. Языка не было, только странного вида зубы, как у всех большепанцирников, и замысловато устроенные челюсти. Несколько плоских пластинчатых зубов для того, чтобы грызть и крушить панцири, и жвала поменьше – рвать плоть и засовывать ее поглубже в глотку. Поблизости раскрылись камнепочки, их лозы потянулись лакать кровь монстра. Между человеком и зверем, на которого он охотился, существовала связь, и Далинар всегда испытывал грусть после того, как убивал столь грандиозное чудище, как ущельный демон.

Большинство светсердец добывали иным способом. Иногда странный жизненный цикл ущельных демонов приводил к тому, что они выбирались в западную часть Равнин,

где плато были просторнее. Влезали повыше и превращались в похожие на камни куколки, которые ждали наступления Великой бури.

В это время они становились уязвимыми. Нужно было просто добраться до плато, разбить куколку молотами или осколочным клинком, а потом вырезать светсердце. Легкий способ заработать состояние. И чудовища приходили часто – как правило, несколько раз в неделю, если не слишком холодало.

Далинар посмотрел на громоздкую тушу. Из нее выбирались мельчайшие, почти невидимые спрены и, медленно поднимаясь в воздух, исчезали. Они выглядели как язычки дыма, которые иной раз появляются над погашенной свечой. Никто не знал, что это за спрены; их видели только возле недавно убитых большепанцирников.

Он покачал головой. Светсердца все изменили в этой войне. Паршенди они тоже были нужны, нужны достаточно сильно, чтобы сражаться, не жалея сил. Борьба с паршенди за светсердца имела смысл, поскольку дикари не могли пополнять запасы благодаря поставкам из дома, как это делали аleti. Так что соревнование за большепанцирников было одновременно выгодным и тактически разумным способом длить осаду.

Когда ночная темнота сгустилась, Далинар увидел на Равнинах огоньки. Сторожевые башни, откуда солдаты высматривали ущельных демонов, которые собрались окукливаться. Они следили и в темное время суток, хотя эти твари редко показывались вечером или ночью. Разведчики перепрыгивали расщелины при помощи шестов, легко перемещаясь с одного плато на другое и не нуждаясь в мостах. Заметив ущельного демона, солдаты подавали сигнал, и начиналась гонка – аleti против паршенди. Захватить плато и удержать его на срок, достаточный для того, чтобы извлечь светсердце, или атаковать врага, если тот добрался первым.

Каждый великий князь хотел получить светсердца. Платить жалованье тысячам солдат и кормить их весьма затратно, но одно светсердце покрывало расходы за несколько месяцев. Кроме того, чем больше светсердце, которое использовали для работы духозаклинателя, тем меньше вероятность того, что оно треснет. Огромные камни-светсердца даровали почти безграничные возможности. И потому великие князья соревновались друг с другом. Тот, кто первым подбирался к куколке, должен был сразиться с паршенди за светсердце.

Они могли бы чередоваться, но аleti подобное несвойственно. Дух соперничества был у них в крови. Воринизм учил, что лучшие воины получают священную привилегию присоединиться к Вестникам после смерти и сражаться за Чертоги Спокойствия с Приносящими пустоту. Великие князья хоть и вступали в союзы, но оставались соперниками. Уступить другому светсердце... исключено. Лучше устроить соревнование. И потому то, что началось как война, превратилось в забаву. Смертельно опасную забаву – но такие ведь ценятся выше всего.

Далинар обогнул мертвого демона. Он абсолютно точно представлял ситуацию, что сложилась за последние шесть лет. Сам же принимал во многом непосредственное участие. Но теперь его охватило беспокойство. Они и впрямь существенно уменьшили численность врагов, но главная цель – возмездие за убийство Гавилара – забылась. Аleti развлекались, играли и бездельничали.

Они убили множество паршенди – предположительно четверть их первоначальных сил, – но на это ушло слишком много времени. Осада продлилась шесть лет и легко может затянуться еще на шесть. Это его тревожило. Паршенди явно предполагали, что окажутся в ловушке. Они подготовили запасы продовольствия и позаботились о том, чтобы переместить весь свой народ на Расколотые равнины, где можно использовать эти проклятые Вестниками расщелины и плато в качестве сотен рвов и укрепленных стен.

Элокар посылал гонцов, требуя объяснить, почему паршенди убили его отца. Они так и не ответили. Приняли на себя ответственность за убийство, но не объяснили причин. В

последнее время Далинару казалось, что лишь ему одному это по-прежнему представляется интересным.

Князь направился в другую сторону; свита Элокара удалилась в павильон наслаждаться вином и закусками. Большой открытый шатер был выкрашен в фиолетовый и желтый, и легкий бриз шевелил ткань. Вероятность новой Великой бури этой ночью невелика, утверждали бурестражи.

Великие бури. Видения.

«Объедини их...»

Неужели он действительно верил в то, что видел? В то, что сам Всемогуший говорил с ним? Он, Далинар Холин, Черный Шип, грозный полководец?

«Объедини их...»

Садеас вышел из шатра в ночь. Густая черная шевелюра курчавилась и падала ему на плечи. В осколочном доспехе великий князь выглядел весьма впечатляюще, уж точно лучше, чем в одном из тех нелепых костюмов из кружев и шелка, что сделались так популярны в последнее время.

Садеас поймал взгляд Далинара и еле заметно кивнул. «Я свое дело сделал», – говорил этот кивок. Садеас прогулялся и вернулся в павильон.

Итак, Садеас помнил, зачем на эту охоту пригласили Ваму. Далинару надо было с ним встретиться. Он направился к павильону. Адолин и Ренарин были рядом с королем, но тот их не замечал. Сумел ли его старший сын сделать свой доклад? Похоже, Адолин пытался в очередной раз подслушать, о чем Садеас говорит с королем. Далинару придется что-то предпринять; личная вражда мальчика с вельможей была хоть и понятной, но пользы делу не приносила.

Великий князь направился к Ваме – тот был в дальней части павильона, – но тут его заметил король.

– Далинар, – позвал он, – иди сюда. Садеас говорит, он добыл три светсердца только за последние несколько недель!

– Так и есть, – подтвердил Далинар, приближаясь.

– А сколько добыл ты?

– Считая сегодняшнее?

– Нет, – сказал король, – до этого.

– Ни одного, ваше величество, – признал Далинар.

– Все дело в мостах Садеаса. От них больше пользы, чем от твоих.

– Я, быть может, ничего не добыл за последние несколько недель, – сухо произнес Далинар, – но мои солдаты и так достаточно навоевались.

«А светсердца пусть идут в Преисподнюю, мне-то что за дело».

– Возможно, – сказал Элокар. – Но чем же ты занимался?

– Другими важными вещами.

Садеас вскинул бровь:

– Более важными, чем война? Более важными, чем возмездие? Разве такое возможно? Или ты просто выдумываешь оправдания?

Далинар бросил на Садеаса резкий взгляд. Тот лишь плечами пожал. Они были союзниками, но не друзьями. Дружба осталась в прошлом.

– Тебе надо обзавестись такими же мостами, как у него, – добавил Элокар.

– Ваше величество, – возразил Далинар, – мосты Садеаса стоят многих жизней.

– Но зато они быстры, – спокойно парировал Садеас. – Полагаться на мосты на колесах глупо, Далинар. Перевозить их по этим неровным плато – медленное и трудное дело.

– Заповеди требуют, чтобы генерал не просил у своих солдат того, чего не стал бы делать сам. Скажи-ка, Садеас, – ты бы побежал в авангарде с одним из мостов, которыми пользуешься?

– Солдатскую кашу я тоже не стал бы есть, – холодно ответил Садеас. – И не копал бы траншеи.

– Но смог бы, случись такая необходимость. Мосты – другое дело. Буреотец, да ты ведь даже не разрешаешь им использовать броню или щиты! Сам пошел бы в бой без своего осколочного доспеха?

– У мостовиков очень важная роль, – огрызнулся Садеас. – Они отвлекают вражеских лучников от моих солдат. Я поначалу пытался давать им щиты. И знаешь что? Паршенди, не обращая внимания на мостовиков, принялись стрелять по моим солдатам и лошадям. Я понял: если удвоить количество мостов на каждую вылазку, сделав при этом их необычайно легкими – никакой брони, никаких щитов, которые могли бы замедлить продвижение, – толку от мостовиков намного больше. Ты ведь понимаешь, Далинар? Беззащитные мостовики – слишком большое искушение для паршенди, чтобы стрелять в кого-то еще! Да, мы теряем во время каждой атаки несколько мостовых расчетов, но очень редко потери оказываются настолько серьезными, чтобы нам помешать. Паршенди лупят и лупят по ним, – кажется, они по какой-то причине считают, что для нас ценен каждый мостовик. Как будто невооруженные люди с мостом на плечах могут быть столь же важными для армии, как верховые рыцари-осколочники.

Садеас от этой мысли сам покачал головой с веселым удивлением.

Далинар нахмурился.

«Брат, – написал Гавилар, – ты должен разыскать самые важные слова, какие только может сказать мужчина...» Это была цитата из древней книги «Путь королей». То, о чем разглагольствовал Садеас, ей совершенно не соответствовало.

– Как бы то ни было, – продолжал Садеас, – ты ведь точно не станешь спорить с тем, что мой метод оказался весьма действенным.

– Иногда, – сказал Далинар, – цель не оправдывает средства. То, каким образом мы добиваемся победы, не менее важно, чем сама победа.

Садеас недоверчиво уставился на Далинара. Даже Адолин и Ренарин, которые подошли ближе, оказались потрясены заявлением. Это был очень «неалетийский» образ мыслей.

Видения и цитата из книги, вертевшие в голове Далинара в последнее время, привели к тому, что он теперь чувствовал себя не совсем алети.

– Светлорд Далинар, цель оправдывает любые средства, – возразил Садеас. – Победить в состязании нужно любой ценой, любыми силами.

– Это война. А не состязание.

– Все в этой жизни состязание. – Садеас пренебрежительно махнул рукой. – Все сделки между людьми – состязания, в которых кто-то выигрывает и кто-то проигрывает. А иногда случаются весьма впечатляющие проигрыши.

– Мой отец – один из самых знаменитых воинов Алеткара! – рявкнул Адолин, вмешавшись в разговор. Король вскинул бровь, но не стал вмешиваться. – Ты видел, что он сделал сегодня, в то время как ты прятался за павильоном со своим луком. Мой отец сдержал чудовище. Ты же стру...

– Адолин! – перебил Далинар. Это уже было слишком. – Держи себя в руках.

Юноша стиснул зубы и чуть приподнял руку, словно собираясь призвать осколочный клинок. Ренарин шагнул вперед и осторожно сжал плечо брата. Адолин неохотно подался назад.

Садеас повернулся к Далинару, ухмыляясь:

– Один сын едва способен владеть собой, другой ни на что не годен. Вот какое наследие ты оставишь, старина?

– Садеас, я горжусь обоими, что бы ты там ни думал.

– Вспыльчивым – да, понимаю. Ты когда-то был таким же импульсивным, как он. Но второй? Ты же видел, как он сегодня выскочил на поле боя. Ни меча, ни лука не прихватил! Он бесполезен!

Ренарин покраснел и потупился. Адолин вскинул голову. Он снова отвел руку в сторону и сделал шаг к Садеасу.

– Адолин! – резко бросил отец. – Я сам разберусь!

Юноша взглянул на него синими глазами, полыхающими от ненависти, но клинок призывать не стал.

Далинар перевел все внимание на Садеаса и очень спокойно и многозначительно проговорил:

– Садеас, безусловно, мне показалось, что ты только что в открытую – и при короле – назвал моего сына бесполезным. Конечно, ты бы такого не сказал, ибо подобное оскорбление потребовало бы от меня призвать свой клинок и пустить тебе кровь. Договор Отмщения разлетелся бы на осколки. Два главнейших союзника короля убили бы друг друга. Безусловно, ты не поступил бы так глупо. Полагаю, я просто ослышался.

Все стихло. Садеас колебался. Он не отступил и смотрел Далинару прямо в глаза. Но все-таки колебался.

– Возможно, – медленно произнес Садеас, – ты и впрямь услышал не те слова. Я бы не оскорбил твоего сына. Это было бы с моей стороны не очень... мудро.

Между двумя великими князьями, вперившими друг в друга взгляды, словно пробежала искра понимания, и Далинар кивнул. Садеас сделал то же самое – коротко дернул головой. Они бы не позволили своей взаимной ненависти превратиться в опасность для короля. Колкости – это одно, а оскорбление, за которым следует дуэль, – совсем другое. Так рисковать нельзя.

– Ну что ж... – проговорил Элокар.

Король позволял своим великим князьям сражаться и отстаивать свое положение и влияние. Он верил, что от этого они лишь крепнут, и мало кто с этим спорил. Таков был общепринятый способ правления. И Далинар все больше и больше считал его неверным.

«Объедини их...»

– Думаю, на этом можно остановиться, – закончил Элокар.

Стоявший чуть в стороне Адолин выглядел недовольным, как будто в самом деле надеялся, что отец призовет свой клинок и вступит в бой с Садеасом. Далинар и сам чувствовал, как бежит по жилам разгоряченная кровь, как искушает его Азарт, но сумел все это подавить. Нет. Не здесь. Не сейчас. Пока они нужны Элокару – нельзя.

– Ваше величество, можно и остановиться, – сказал Садеас. – Хотя я рискну предположить, что этот разговор между Далинаром и мной будет продолжен. По крайней мере, до тех пор, пока он опять не научится вести себя как подобает мужчине.

– Садеас, ни слова больше, – предупредил Элокар.

– Ни слова больше? – уточнил новый голос. – Сдается мне, все бы порадовались, не скажи Садеас больше ни слова.

Шут протолкался через толпу придворных, держа в руках чашу с вином; на поясе у него болтался серебряный меч.

– Шут! – воскликнул Элокар. – Как ты здесь оказался?

– Ваше величество, я догнал отряд непосредственно перед битвой. – Шут поклонился. – Хотел с вами поговорить, но ущельный демон успел первым. Я так понял, ваша с ним беседа получилась весьма бурной.

– Но тогда получается, что ты прибыл много часов назад! Что ты делал до сих пор? Как я мог тебя раньше не заметить?

– У меня были... дела. Но я бы не пропустил охоту – не мог лишиться вас себя.

– Я пока что неплохо справляюсь.

– Да, но все же вам не хватает остроты, – заметил Шут.

Далинар присмотрелся к человеку в черном. Что же творилось в голове у Шута? Он, безусловно, был умен. Но все-таки позволял себе слишком вольные речи, как уже продемонстрировал в случае с Ренарином. Что-то странное было в его поведении, и Далинар никак не мог понять, что именно.

– Светлорд Садеас, – проговорил Шут, глотнув вина, – мне ужасно жаль тебя здесь видеть.

– А я-то думал, – сухо ответил князь, – что ты обрадуешься. Я ведь постоянно снабжаю тебя поводами для развлечения.

– Это, к несчастью, правда.

– К несчастью?

– Да. Понимаешь, Садеас, с тобой все слишком просто. Необразованный полоумный мальчик-слуга с похмелья и тот сможет насмеяться над таким, как ты. Мне же и напрягаться не надо, и потому сама твоя природа есть насмешка над моими насмешками. Вот так и получается, что из-за твоей безупречной глупости я выгляжу неумехой.

– Элокар, честное слово, – возмутился Садеас, – нам в самом деле надо терпеть это... существо?

– Он мне нравится, – ответил король с улыбкой. – Он меня веселит.

– За счет ваших верных подданных.

– Какой еще счет? – вмешался Шут. – Садеас, я не припомню, чтобы получал от тебя хоть сферу. Впрочем, нет, и не предлагай. Я не могу взять твои деньги, потому что знаю, скольким тебе приходится платить, чтобы получить от них желаемое.

Садеас вспыхнул, но сдержал гнев:

– Шутка про шлюх? На большее ты не способен?

Шут пожал плечами:

– Светлорд Садеас, я всего лишь говорю правду. У каждого человека свое предназначение. Я нужен, чтобы надругаться над тобой. Ты – чтобы надругаться над шлюхой.

Князь остоленел, а потом его лицо побагровело.

– Ты дурак.

– Если «шут» и «дурак» теперь означают одно и то же, не завидую я людям. Садеас, вот что я тебе предложу. Если сумеешь открыть рот и сказать что-нибудь несмешное, то я оставлю тебя в покое до конца недели.

– Ну, думаю, это будет нетрудно.

– И ты тут же потерпел неудачу. – Шут вздохнул. – Потому что употребил слово «думаю», а я не могу вообразить ничего более смешного, чем саму мысль о том, что ты способен думать. А что скажет юный принц Ренарин? Твой отец пожелал, чтобы я тебя оставил в покое. Сумеешь открыть рот и сказать что-нибудь несмешное?

Все взгляды обратились на Ренарина. Тот медлил, от смущения широко распахнув глаза. Далинар напрягся.

– Что-нибудь несмешное, – медленно проговорил юноша.

Шут рассмеялся:

– Да, полагаю, этого мне хватит. Очень умно. Если светлорд Садеас потеряет самообладание и наконец-то прикончит меня, возможно, ты мог бы занять место королевского остряка. У тебя, похоже, нужный склад ума.

Ренарин воспрянул духом, а Садеас еще сильнее помрачнел. Далинар наблюдал за великим князем: рука Садеаса потянулась к мечу. Не осколочному клинку, поскольку у него такового не было. Но он все же носил на боку обычный меч светлоглазых. Оружие вполне смертоносное; Далинар неоднократно сражался бок о бок с Садеасом и знал, что тот мастерски фехтует.

Шут шагнул вперед.

– Ну так что, Садеас? – негромко спросил он. – Окажешь Алеткару услугу, избавив его от нас обоих?

Закон позволял убить королевского шута. Но, поступив так, Садеас утратил бы титул и земли. Большинство считало обмен неравноценным. Разумеется, убийство шута, в котором нельзя было никого обвинить, – совсем другое дело.

Садеас медленно выпустил рукоять меча, резко кивнул королю и отошел.

– Шут, – сказал Элокар, – Садеас – мой приближенный. Это само по себе мучительно, честное слово.

– Не согласен, – возразил Шут. – Расположение короля – пытка для большинства, но не для него.

Король вздохнул и посмотрел на дядю:

– Я должен пойти и успокоить Садеаса. Но я хотел задать тебе вопрос. Ты проверил то, о чем я спрашивал раньше?

Великий князь покачал головой:

– Я был занят нуждами войска. Но собираюсь приступить к этому сейчас, ваше величество.

Король кивнул и поспешил следом за Садеасом.

– Отец, что случилось? – спросил Адолин. – Он опять думает, что кто-то за ним шпионит?

– Нет, это кое-что новенькое. Я скоро тебе покажу.

Далинар посмотрел на Шута. Человек в черном по очереди хрустел всеми костяшками пальцев, задумчиво глядя на Садеаса. Потом заметил, что Далинар на него смотрит, и подмигнул, а потом пошел прочь.

– Он мне нравится, – повторил Адолин.

– Я, возможно, вынужден буду с тобой согласиться, – сказал Далинар, потирая подбородок. – Ренарин, добудь мне отчет о раненых. Адолин, ты со мной. Нам надо разобраться в той проблеме, о которой говорил король.

Братья выглядели растерянными, но подчинились. Далинар направился через плато к туше убитого ущельного демона.

«Что ж, племянник, посмотрим, куда на этот раз заведут нас твои тревоги».

Адолин повертел в руках длинную полосу кожи. Шириной почти в ладонь и толщиной в палец, она заканчивалась неровным обрывом. Это была подпруга королевского седла, полоса, что охватывала брюхо лошади. Та самая, что внезапно лопнула во время битвы.

– Что думаешь? – спросил Далинар.

– Даже не знаю. Она не выглядит такой уж потертой, но, наверное, все же износилась, ведь иначе не лопнула бы, верно?

Далинар забрал ремень; лицо у него было задумчивое. Солдаты с мостовым расчетом все еще не вернулись, хотя уже темнело.

– Отец, зачем Элокару понадобилось, чтобы мы ее изучили? Он ждет, что мы накажем конюхов за то, что те недостаточно хорошо заботились о его седле? Это... – Адолин замолчал и вдруг понял, отчего отец не торопится с ответом. – Король думает, что подпругу перерезали, верно?

Далинар кивнул. Он вертел ремень в пальцах латной перчатки, и Адолин понимал ход его мыслей. Подпруга могла износиться и лопнуть, особенно если в седле находился воин в тяжелых осколочных доспехах. Этот ремень оборвался там, где крепился к самому седлу, так что конюхи легко могли ничего не заметить. Это самое разумное объяснение. Но если прислушиваться не только к доводам рассудка, то можно заподозрить нечто подлое.

– Отец, его одержимость растет. Ты ведь это понимаешь.

Далинар не ответил.

– Он видит наемных убийц в каждом темном углу, – продолжил Адолин. – Подпруги рвутся. Это не значит, что кто-то пытался его убить.

– Если король обеспокоен, нам следует все проверить. Край и в самом деле слишком ровный, как если бы подругу подрезали, чтобы она оборвалась, когда сильно натянется.

Адолин нахмурился:

– Может быть. – Он этого не заметил. – Но ты подумай, зачем кому-то понадобилось подрезать подпругу? Падение с лошади не причинит вреда человеку в осколочных латах. Если это попытка убийства, то неуклюжая.

– Если это попытка убийства, пусть даже неуклюжая, то нам есть о чем беспокоиться. Все случилось во время нашего дежурства, и за лошадью присматривали наши конюхи. Мы должны во всем разобраться.

Адолин тяжело вздохнул, отчасти выказывая недовольство:

– Все уже шепчутся о том, что мы стали телохранителями и ручными зверьками короля. Что случится, если они узнают, что мы проверяем любой его страх, каким бы безумным тот ни был?

– Меня никогда не заботило, что говорят люди.

– Мы тратим все свое время на бюрократию, когда остальные завоевывают богатство и славу. Мы редко делаем вылазки на плато, потому что занимаемся... этим! Нам надо быть там, надо сражаться, если мы хотим опередить Садеаса!

Отец посмотрел на него, мрачней, и Адолин прикусил язык.

– Вижу, мы уже не о разорванной подпруге говорим.

– Я... я прошу прощения. Сказал, не подумав.

– Возможно. Но в то же время мне следовало это услышать. Я заметил, что тебе не очень-то понравилось, что я удержал тебя от ссоры с Садеасом там, в шатре.

– Я знаю, что ты его тоже ненавидишь.

– Ты знаешь не так много, как кажется. Мы этим вскоре займемся. А пока что... клянусь, эта подпруга действительно выглядит так, словно ее перерезали. Возможно, мы чего-то не замечаем. Это может быть частью большого плана, который сработал не так, как было задумано.

Адолин помедлил. Идея казалась чрезмерно сложной, но если и были те, кому нравятся запутанные замыслы, то к ним следовало отнести светлоглазых алети.

– Думаешь, это дело рук одного из великих князей?

– Возможно, – сказал Далинар. – Но я сомневаюсь, что кто-то из них желает смерти короля. Пока Элокар жив, великие князья могут сражаться в этой войне как хотят и набивать кошельки. Он от них ничего не требует. Им нравится такой король.

– Кто-то мог возжелать трон просто ради того, чтобы выделиться.

– Правда. Когда вернемся, проверим, не переусердствовал ли кто-нибудь в хвастовстве в последнее время. Узнай, по-прежнему ли Ройон злится на Шута за ту выходку на пиру на прошлой неделе, и пусть Талата перечитает договоры, которые великий князь Бетаб предложил королю для использования своих чуллов. В предыдущий раз он попытался вставить в текст оговорку, которая дала бы ему преимущество в вопросах наследования. После отъезда твоей тети Навани он осмелел.

Адолин кивнул.

– Узнай, нельзя ли отследить эту подпругу, – продолжил Далинар. – Покажи ее кожевеннику, и пусть он скажет, что думает о разрыве. Расспроси конюхов, не заметили ли они чего-нибудь, и обрати внимание, не получал ли кто-нибудь подозрительные сферы в последнее время. – Он помедлил. – И удвой охрану короля.

Адолин повернулся, посмотрел на павильон. Оттуда вышел Садеас.

Юноша прищурился:

– А ты не думаешь...

– Нет, – перебил Далинар.

– Садеас – настоящий угорь.

– Сын, прекрати это. Он любит Элокара, чего нельзя сказать о большинстве остальных. Князь один из немногих, кому я бы доверился в вопросах безопасности короля.

– Я бы этого не сделал, отец, вот уж точно.

Далинар ненадолго замолчал.

– Пойдем со мной. – Он вручил сыну подпругу и направился через плато к павильону. – Я хочу тебе показать кое-что, связанное с Садеасом.

Адолин покорно последовал за ним. Они прошли мимо освещенного павильона. Внутри темноглазые подавали еду и напитки, в то время как женщины писали сообщения или описывали сражение. Светлоглазые многословно и возбужденно превозносили смелость короля. Мужчины сплошь в нарядах густых, глубоких цветов: красно-коричневого, темно-синего, темно-зеленого с желтым отливом, темного рыжевато-оранжевого.

Далинар подошел к великому князю Ваме, в сшитом по последней моде длинном коричневом сюртуке с разрезами, сквозь которые виднелась ярко-желтая шелковая подкладка. Этот стиль не был таким показным, как полностью шелковая одежда. Адолину он нравился. Князь стоял рядом с павильоном в окружении своих светлоглазых придворных.

Вама был круглолиц и почти облысел. Остатки волос он коротко стриг, и потому они топорщились. Князь, по своему обыкновению, прищурил светло-серые глаза, когда подошли Далинар и Адолин.

«Что происходит?» – растерянно подумал Адолин.

– Светлорд, – обратился Далинар к Ваме, – я пришел убедиться, что о вас как следует позаботились и вам удобно.

– Мне удобнее всего было бы оказаться сейчас на пути домой, – ответил Вама и бросил сердитый взгляд на заходящее солнце, словно виня его в каком-то проступке. Такое дурное настроение для него редкость.

– Уверен, что мои люди спешат как могут, – сказал Далинар.

– Было бы совсем не так поздно, если бы вы нас не задержали по пути сюда.

– Я предпочитаю быть осторожным. И кстати, об осторожности: есть один вопрос, который следует обсудить. Не могли бы мы с сыном остаться с вами наедине ненадолго?

Вама сердито нахмурился, но позволил Далинару увести себя от придворных. Адолин направился следом, все больше и больше теряясь в догадках.

– Чудовище было здоровенное. – Великий князь кивнул, указывая Ваме на убитого ущельного демона. – Самое большое из всех, что я видел.

– Похоже на то.

– Я слышал, в последних вылазках на плато вам сопутствовал успех и вы прикончили нескольких закуклившихся ущельных демонов. Вас следует поздравить.

Вама пожал плечами:

– Нам достались маленькие светсердца. И сравнивать не стоит с тем, которое Элокар добыл сегодня.

– Лучше маленькое светсердце, чем никакое, – любезно проговорил Далинар. – Я слышал, вы собираетесь подлатать стены своего военного лагеря.

– Хм? Ну да. Заделать несколько брешей, улучшить укрепления.

– Я обязательно сообщу его величеству, что вы хотите приобрести дополнительный доступ к духозаклинателям.

Вама повернулся к нему, хмуря брови:

– Духозаклинателям?

– Вам понадобится древесина, – ровным голосом пояснил Далинар. – Вы же не собираетесь заделывать дыры в стенах, не используя леса? Здесь, на этих отдаленных равнинах, нам остается только радоваться, что для вещей вроде древесины существуют духозаклинатели, верно?

– Э-э-э, да. – Вама еще сильнее помрачнел.

Адолин переводил взгляд с него на отца. В этом разговоре имелся какой-то скрытый смысл. Далинар говорил не только о древесине для стен – духозаклинатели были тем средством, при помощи которого все великие князья кормили своих солдат.

– Король весьма щедро позволяет применять свои духозаклинатели, – сказал Далинар. – Вама, ты согласен со мной?

– Я все понял, – сухо проговорил Вама. – Не надо бить меня камнем по лицу.

– Светлорд, меня никто не может обвинить в избытке деликатности. Я просто человек действия. – И Далинар ушел, взмахом руки велел сыну следовать за собой.

Юноша так и сделал, бросив взгляд на другого великого князя.

– Он громко жаловался на то, как дорого Элокар берет за пользование своими духозаклинателями, – тихо пояснил Далинар.

Плата за духозаклинатели – самый главный налог, который король взимал с великих князей. Сам Элокар не сражался за светсердца, не считая редких выездов на охоту. Как подобает королю, он был превыше личного участия в войне.

– И?.. – спросил Адолин.

– И я напомнил Вам, как сильно тот зависит от короля.

– Думаю, это важно. Однако какое отношение к этому имеет Садеас?

Отец не ответил. Он продолжал идти через плато, пока не вышел на край расщелины. Адолин присоединился к нему, выжидая. Через несколько секунд кто-то приблизился к ним, бряцая осколочным доспехом; рядом с Далинаром на краю пропасти показался Садеас. Адолин сузил глаза, увидев его, а Садеас приподнял бровь, но ничего не сказал по поводу его присутствия.

– Далинар, – проговорил князь, обратив взгляд на Равнины.

– Садеас, – резковато ответил тот.

– Ты говорил с Вамой?

– Да. Он понял, к чему я веду.

– Еще бы он не понял. – В голосе Садеаса проскользнули веселые нотки. – Я другого и не ждал.

– Ты сообщил ему, что поднимаешь цены на древесину?

Садеас контролировал единственный большой лес в округе.

– Удваиваю, – уточнил он.

Адолин бросил взгляд через плечо. Вама наблюдал за ними, и лицо у него было мрачное, как небо во время Великой бури, а вокруг из земли выбирались спрены гнева, похожие на лужицы кипящей крови. Далинар и Садеас вместе послали ему недвусмысленное сообщение. «Выходит, за этим его и пригласили поохотиться, – понял Адолин. – Чтобы обыграть».

– Это сработает? – спросил Далинар.

– Уверен, что да, – ответил Садеас. – Если на Ваму слегка надавить, он становится довольно сговорчивым... Князь поймет, что лучше использовать духозаклинатели, чем тратить целое состояние на устройство линии снабжения, что потянется до самого Алеткара.

– Возможно, нам следует рассказывать королю о таких вещах. – Далинар посмотрел на короля, который стоял посреди павильона, понятия не имея о том, что произошло.

Садеас вздохнул:

– Я пытался, но его разум не приспособлен для такой работы. Пусть мальчик занимается своими делами. Он ведь только и думает что о великих идеалах справедливости и о том, как держать меч повыше, когда скачешь на врагов отца.

– В последнее время его меньше заботят паршенди, чем убийцы, подкрадывающиеся в ночи. То, как он ими одержим, меня тревожит. Я не понимаю, откуда это берется.

Садеас рассмеялся:

– Далинар, ты серьезно?!

– Я всегда серьезен.

– Знаю, знаю. Но ты ведь не можешь не понимать, что порождает его одержимость?

– То, как убили его отца?

– То, как с ним обращается его собственный дядя! Тысяча солдат? Остановки на каждом плато, чтобы солдаты «обезопасили» следующее? Как это называется, Далинар?

– Предпочитаю быть осторожным.

– Другие называют такое одержимостью.

– Заповеди...

– Заповеди – просто идеализированная чушь, – перебил Садеас, – которую сочинили поэты, чтобы описать то, как все должно быть устроено, по их мнению.

– Гавилар в них верил.

– Сам знаешь, что из этого вышло.

– А где был ты, Садеас, когда он сражался за свою жизнь?

Садеас прищурился:

– Опять возьмемся за старое, да? Как бывшие любовники, случайно повстречавшие друг друга на пиру?

Далинар не ответил. Адолин вновь поразился отношениям между отцом и Садеасом. Они обменивались очень злыми колкостями, и достаточно было взглянуть им в глаза, чтобы понять – эти двое едва терпят друг друга.

И все же они только что воплотили в жизнь общий план, в котором другому великому князю была отведена роль марионетки.

– Я защищаю мальчика по-своему, – сказал Садеас, – ты поступай как знаешь. Но не жалуйся мне на то, что он одержим страхами, если сам вынуждаешь его спать в мундире на случай внезапной атаки паршенди. Вот уж действительно – «я не понимаю, откуда это берется»!

– Адолин, пойдем. – Далинар повернулся, чтобы уйти.

Юноша последовал за ним.

– Далинар, – позвал Садеас.

Тот, поколебавшись, обернулся.

– Ты узнал, почему он это сделал? Почему написал те слова?

Далинар покачал головой:

– Ты никогда не найдешь ответа. Мой старый друг, это глупый поиск. Он лишь рвет тебя на части. Я знаю, что с тобой происходит во время бурь. Твой разум слабеет от того, сколько ты на себя взвалил.

Далинар опять двинулся прочь. Адолин поспешил за ним. О чем это они сейчас говорили? Почему «он» написал? Мужчины не пишут. Адолин открыл было рот, чтобы спросить, но почувствовал, в каком настроении отец. Его сейчас не стоило принуждать.

Они подошли к маленькому каменистому холму на плато. Поднялись на вершину и оттуда посмотрели на убитого ущельного демона. Солдаты Далинара продолжали собирать мясо и панцирь.

Пока они там стояли, Адолин до краев переполнился вопросами, но не мог их сформулировать.

В конце концов Далинар проговорил:

– Я тебе рассказывал, о чем были последние слова Гавилара, обращенные ко мне?

– Нет. Я теряюсь в догадках о том, что произошло той ночью.

– «Брат, этой ночью ты должен следовать Заповедям. Ветер предвещает что-то странное». Вот это он мне сказал – таковы были его последние слова перед тем, как начался пир в честь подписания договора.

– Я не знал, что дядя Гавилар следовал Заповедям.

– Он меня с ними и познакомил. Брат нашел их, эту реликвию из прошлого Алеткара, когда мы только объединились. И начал следовать им незадолго до смерти. – Слова Далинару давались с трудом. – Сын, это были странные дни. Мы с Ясной не знали, как следует понимать перемены в Гавиларе. Я тогда считал Заповеди глупостью – даже ту, что требовала от офицера избегать крепкого спиртного во время войны. В особенности ее. – Голос князя звучал все тише. – Когда Гавилара убивали, я был мертвецки пьян. Помню голоса, которые пытались меня разбудить, но мой разум оказался слишком затуманен. Я должен был находиться рядом с ним. – Он посмотрел на Адолина. – Я не могу жить прошлым. Глупо было бы так поступать. Я виню себя в смерти Гавилара, но ничего не в силах изменить.

Адолин кивнул.

– Сын, я продолжаю надеяться, что, если сумею принудить тебя следовать Заповедям достаточно долго, ты поймешь – как понял я – их истинную важность. Надеюсь, тебе не понадобится для этого настолько драматичный пример. Как бы то ни было, ты должен понять. Ты все твердишь о Садеасе, о том, что его надо наказать, его надо победить. Ты знаешь, как связан Садеас со смертью моего брата?

– Он служил приманкой.

Садеас, Гавилар и Далинар дружили до самой смерти короля. Об этом знали все. Они вместе покорили Алеткар.

– Да, он был рядом с королем и услышал, как солдаты кричат о нападении человека с осколочным клинком. Идея с приманкой принадлежала Садеасу – он надел наряд Гавилара и сбежал вместо него. Это был самоубийственный поступок. Вынудить кого-то с осколочным мечом погнаться за тобой, не будучи облаченным в осколочный доспех. Честно говоря, я считаю, что это был один из самых смелых шагов, какие только совершали мои знакомые.

– Но ничего не вышло.

– И часть меня так и не простила Садеаса за этот промах. Я знаю, это неразумно, но он должен был остаться рядом с Гавиларом. Как и я. Мы оба подвели нашего короля и не можем простить друг друга. Но нас по-прежнему кое-что объединяет. Мы дали обет в тот день, что будем защищать сына Гавилара. Не важно, какой ценой, не важно, что думаем друг о друге, но мы будем защищать Элокара. И вот поэтому я здесь, на Равнинах. Не ради богатства или славы. Теперь мне эти вещи безразличны. Я пришел сюда ради брата, которого любил, и ради племянника, которого люблю за нас обоих. И в каком-то смысле это разделяет меня и Садеаса в той же степени, в какой объединяет. Садеас полагает, лучший способ защитить Элокара – убивать паршенди. Он жестоко гонит себя и своих людей на плато, на битву. Я думаю, в глубине души он считает, что я нарушаю обет, раз не делаю то же самое. Но так мы

Элокара не защитим. Ему нужны прочный трон и союзники, которые его поддерживают, а не великие князья, которые только и знают, что пререкаться. Создав сильный Алеткар, мы в большей степени защитим его, чем если будем убивать врагов. Такова была цель всей жизни Гавилара – объединить великих князей...

Он замолчал. Адолин ждал продолжения, но оно не последовало.

– Садеас, – наконец заговорил юноша. – Я удивлен, что ты назвал его храбрым.

– Он действительно храбрый. И хитрый. Иногда я совершаю ошибку, недооцениваю его из-за экстравагантных нарядов и манер. Сын, на самом деле он хороший человек. И нам не враг. Мы иной раз ругаемся по мелочам. Но он усердно защищает Элокара, так что я прошу тебя его уважать.

И как ответить на такое? «Ты его ненавидишь, но просишь, чтоб я этого не делал?»

– Хорошо, – согласился Адолин. – Я буду вести себя осмотрительнее рядом с ним. Но, отец, я ему по-прежнему не доверяю. Прошу тебя, хоть поразмысли над тем, что он может оказаться не таким преданным, как ты. Возможно, он ведет свою игру.

– Ладно, подумаю над этим.

Адолин кивнул. Хоть что-то.

– А что он сказал в самом конце? Что-то про письмо?

Далинар помедлил.

– Это тайна, в которую посвящены мы с Садеасом. Кроме нас, о ней знают также Ясна и Элокар. Я много думал о том, стоит ли рассказывать тебе... Но ведь ты займешь мое место, если я погибну. Я передал тебе последние слова моего брата, которые он произнес, обращаясь ко мне. Но это не все. Брат сообщил мне кое-что еще, но не устно. Он это... написал.

– Гавилар умел писать?!

– Когда Садеас обнаружил тело короля, он нашел также слова, написанные на обломке доски его собственной кровью. «Брат, – гласили они, – ты должен отыскать самые важные слова, какие только может сказать мужчина». Садеас спрятал обломок, и позже Ясна нам все прочитала. Если он действительно умел писать – а иное представляется невозможным, – значит хранил этот постыдный секрет от всех. Как я уже упомянул, незадолго до смерти он вел себя очень странно.

– И что же они значат? Эти слова?

– Это цитата. Из древней книги под названием «Путь королей». Гавилар ближе к концу жизни любил, чтобы ему ее читали, и часто мне про нее рассказывал. До недавнего времени я не понимал, что цитата оттуда; Ясна ее нашла и сообщила. Мне уже несколько раз эту книгу читали, но пока что я не понял, почему Гавилар написал то, что написал. – Он помедлил. – Сияющие рыцари использовали книгу в качестве своеобразного руководства, советуясь с нею по всем жизненным вопросам.

Сияющие?

«Буреотец!» – подумал Адолин. Видения его отца были... они как-то связаны с Сияющими. Вот и еще одно доказательство, что галлюцинации проистекали из чувства вины Далинара за смерть брата.

Но как же ему помочь?

Позади раздался скрежет металла по камню. Адолин повернулся и поклонился королю в золотом осколочном доспехе. Элокар был на несколько лет старше двоюродного брата. Говорили, он выглядит царственно, как подобает монарху. Женщины, мнению которых Адолин доверял, признавались, что считают его достаточно красивым, несмотря на излишне выдающийся нос.

Не красивее Адолина, разумеется. Но все же красивым.

У короля уже имелась и супруга, что руководила его делами дома, в Алеткаре.

– Дядя, – сказал Элокар, – не пора ли нам отправиться в путь? Я уверен, что владельцам осколочных доспехов не составит труда перепрыгнуть через расщелины. Мы вместе могли бы побыстрее вернуться в военные лагеря.

– Ваше величество, я не покину своих людей. И сомневаюсь, что вы хотите бежать по плато несколько часов в одиночестве, без защиты и без знающих свое дело гвардейцев.

– Возможно, – согласился король. – Как бы то ни было, я все равно хотел поблагодарить тебя за проявленную сегодня отвагу. Кажется, я в очередной раз обязан тебе жизнью.

– Делать так, чтоб вы были живы, – занятие, которое я усердно стараюсь превратить в привычку, ваше величество.

– Я этому рад. Ты проверил то, о чем я спрашивал? – Он кивнул на подпругу, и Адолин осознал, что до сих пор держит ее в руке, одетой в латную перчатку.

– Проверил, – сказал Далинар.

– И?..

– Ваше величество, мы не смогли принять решение. – Далинар вручил подпругу королю. – Возможно, ее перерезали. Разрыв кажется ровным с одной стороны. Как будто ее ослабили, чтобы она потом порвалась.

– Так я и знал! – воскликнул Элокар и, подняв ремень, принялся его изучать.

– Мы не кожевники, ваше величество. Надо отдать обе части ремня знатокам, и пусть они выскажут свое мнение. Я поручил Адолину заняться этим делом.

– Ее перерезали, – настойчиво проговорил Элокар. – Я это ясно вижу – вот прямо здесь. Говорю же тебе, дядя. Кто-то пытается убить меня. Они хотят видеть меня мертвым, в точности как и моего отца.

– Ты ведь не думаешь, что это сделали паршенди! – Далинар не скрывал изумления.

– Я не знаю, кто именно это сделал. Возможно, кто-то из участников этой самой охоты.

Адолин нахмурился. На что намекал Элокар? Большинство участников охоты – люди Далинара.

– Ваше величество, – с искренностью в голосе проговорил великий князь, – мы этим займемся. Но вы должны быть готовы к тому, что все окажется простым стечением обстоятельств.

– Ты мне не веришь, – категоричным тоном заявил Элокар. – Ты все время мне не веришь.

Далинар глубоко вздохнул, и Адолин видел, что отцу нелегко себя сдерживать.

– Я этого не говорил. Даже маловероятная угроза вашей жизни меня весьма тревожит. Но я в самом деле предлагаю не спешить с выводами. Адолин уже отметил, что это была бы чрезвычайно неуклюжая попытка убийства. Падение с лошади – несерьезная угроза для человека в осколочном доспехе.

– Да, но во время охоты? – парировал Элокар. – Возможно, кто-то хотел, чтобы меня убил ущельный демон.

– Предполагалось, что на охоте нам ничего не будет угрожать, – возразил Далинар. – Предполагалось, что мы утыкаем большепанцирника стрелами издали и лишь потом прищемим, чтобы его зарубить.

Элокар посмотрел, прищурившись, сначала на дядю, потом на кузена. Было похоже, что король в чем-то подозревает их самих. Ощущение исчезло через миг. Неужели Адолину и впрямь такое померещилось? «Буреотец!» – подумал он.

Короля позвал Вама. Элокар глянул на него и кивнул.

– Ничего не окончилось, дядя, – сказал он Далинару. – Разберись с подпругой.

– Разберусь.

Король вручил ему ремень и ушел, бряцая доспехом.

– Отец, – тотчас же заговорил Адолин, – ты видел, как...

– Я с ним об этом поговорю, – сказал Далинар. – Позже, когда он не будет таким усталым.

– Но...

– Адолин, я с ним поговорю. А ты займись подпругой. И собери своих людей. – Далинар кивком указал на что-то далеко на западе. – Думаю, к нам приближается мостовой расчет.

«Наконец-то», – подумал юноша, проследив за его взглядом. Плато в отдалении пересекала небольшая группа людей со знаменем Далинара, а за ней бежал один из мостовых расчетов Садеаса. Они послали за ним, поскольку он перемещался быстрее больших мостов Далинара, которые тянули чуллы.

Адолин поспешил отдать приказы, хотя его отвлекали слова отца, последнее послание Гавилара и недоверчивое выражение на лице короля. Кажется, во время долгого пути обратно в лагерь ему будет о чем подумать.

Далинар следил за тем, как сын спешно уходит, чтобы выполнить его указания. Нагрудник юноши все еще был покрыт сетью тонких трещин, хотя бурсвет из него уже не вытекал. Со временем доспех сам себя отремонтирует. Он мог восстановиться, даже если был полностью разбит.

У Адолина имелась склонность пререкаться, но он был лучшим сыном, о каком только можно мечтать. Преданным до самозабвения, деятельным, умеющим командовать. Солдаты его любили. Возможно, он слишком с ними дружил, но это простительно. Даже на его горячность можно закрыть глаза, при условии, что сын научится направлять ее в нужное русло.

Далинар предоставил молодому человеку заниматься своим делом, а сам отправился провести Храбреца. Он нашел ришадума в окружении конюхов, которые соорудили в южной части плато загон для лошадей. Они перевязали все царапины, и конь уже наступал на копыто.

Далинар похлопал большого жеребца по шее, заглянул в его непроницаемо-черные глаза. Конь казался пристыженным.

– Храбрец, ты не виноват, что сбросил меня, – мягко проговорил Далинар. – Я очень рад, что ты не сильно пострадал. – Великий князь повернулся к ближайшему конюху. – Дайте ему этим вечером побольше еды и две твердодыни.

– Да, светлорд. Но он не станет есть больше, чем следует. Мы пытались, но Храбрец не ест.

– Сегодня съест, – сказал Далинар, снова похлопав ришадума по шее. – Он ест, только если понимает, что заслужил.

Молодой конюх смутился. Как и большинство остальных, он считал ришадума просто еще одной породой лошадей. По-настоящему понять, в чем дело, мог только тот, кого такой конь принял в качестве всадника. Это было похоже на ношение осколочного доспеха – совершенно неопишуемый опыт.

– Ты съешь обе твердодыни. – Далинар ткнул пальцем в коня. – Ты их заслужил.

Храбрец беспокойно заржал.

– Заслужил, – настойчиво повторил князь. Конь фыркнул, успокаиваясь. Далинар проверил его ногу, потом кивнул конюху. – Сынок, хорошенько позаботься о нем. Я возьму другого, когда поедем назад.

– Да, светлорд.

Ему нашли лошадь – крепкую серую кобылу. Он с особым вниманием забрался в седло. Обычные лошади казались ему очень хрупкими.

Король выехал следом за первой группой войск в сопровождении Шута. Садеас, как подметил Далинар, пристроился позади – там, где Шут не смог бы его достать.

Мостовой расчет молча ждал, отдыхая, пока король и его свита не пересекут пропасть. Как и большинство мостовых расчетов Садеаса, этот состоял из разнообразного отребья. Чужаки, дезертиры, воры, убийцы и рабы. Многие, возможно, заслужили наказание, но то, каким жутким образом Садеас с ними расправлялся, выводило Далинара из себя. Сколько времени пройдет, прежде чем у него закончатся подходящие для мостовых расчетов ничтожества? И заслужил ли такую судьбу хоть один человек, пусть даже убийца?

В памяти Далинара против воли всплыл отрывок из «Пути королей». Ему читали эту книгу чаще, чем князь сказал Адолину.

«Я однажды увидел, как тощий человек несет на спине камень больше собственной головы. Незнакомец спотыкался от тяжести и был в одной лишь набедренной повязке, так что солнце жгло его кожу. Он продвигался по оживленной улице. Люди расступались перед ним. Не потому, что уважали, а потому, что боялись, как бы он на них не налетел. Когда видишь такого человека, сразу хочется уйти с дороги.

Монарх на него похож – он бредет по дороге, спотыкаясь, и несет свое королевство на плечах. Многие перед ним расступаются, но мало кто по доброй воле подходит и предлагает помощь. Они не хотят связываться с такой работой, поскольку понимают, что тогда обрекут себя на жизнь, полную лишних забот.

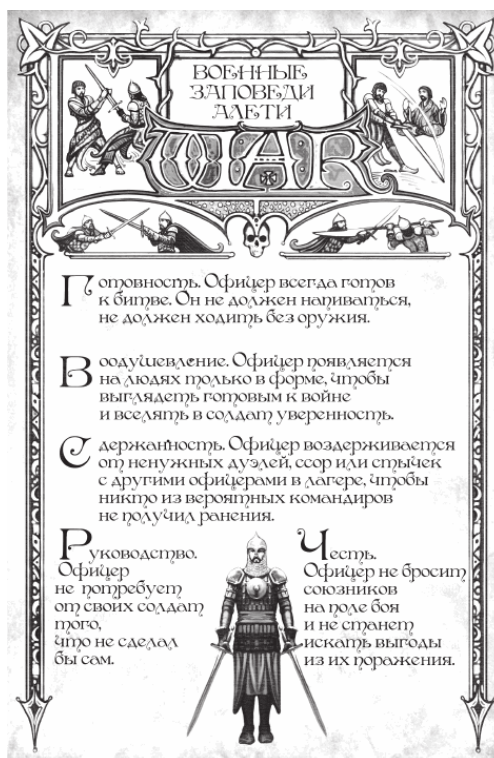
В тот день я выбрался из своей кареты и, забрав камень у этого человека, понес. Думаю, моих охранников это расстроило. Можно не обращать внимания на полуголого беднягу, занятого таким трудом, но никто не может не заметить короля, который взвалил на себя подобную ношу. Возможно, нам следует чаще меняться местами. Если станет ясно, что король готов разделить с беднейшими их груз, то, вероятно, кто-то захочет помочь ему с его собственным грузом, невидимым, но внушающим страх».

Далинар был потрясен тем, что вспомнил историю полностью, хотя удивляться нечему. Пытаясь разузнать смысл последнего послания Гавилара, он требовал, чтобы ему читали эту книгу почти каждый день на протяжении нескольких месяцев.

Он был разочарован, когда понял, что ясного смысла у оставленной Гавиларом цитаты нет. И все равно продолжал слушать, хотя и старался скрывать интерес. Репутация у книги неважная, и не только потому, что ее история связана с Сияющими отступниками. Рассказы о монархе, который трудится вместо чернорабочего, были не самой неудобной ее частью. Кое-где в ней напрямую говорилось, что светлоглазые по своему положению находятся ниже темноглазых. Это противоречило воринским доктринам.

Да, лучше о таком не распространяться. Далинар был искренен, когда сказал Адолину, что его не заботят пересуды. Но если слухи мешают защищать Элокара, значит они опасны. Следовало соблюдать осторожность.

Он развернул лошадь и направил ее на мост, а потом в знак благодарности кивнул мостовикам. В войске они занимали самое низкое положение, но при этом носили королей на своих плечах.

16

Кокон

Семь с половиной лет назад

— Он хочет послать меня в Харбрант, — сказал Кэл, сидя на высоком камне. — Чтобы я там выучился на лекаря.

— Серьезно? — Лараль прохаживалась по валуну прямо перед ним.

Она балансировала, раскинув руки, и ветер играл ее черные распущенными волосами, в которых блистали золотые прядки.

Необычные волосы. Но разумеется, еще более необычными были ее глаза — бледно-зеленые, яркие. Совсем не такие, как карие и черные глаза горожан. Все-таки светлоглазые сильно отличаются от простолюдинов.

— Да, серьезно. — Кэл тяжело вздохнул. — Он об этом говорит вот уже пару лет.

— И ты мне не сказал?

Кэл пожал плечами. Они с Лараль устроились на вершине груды валунов на востоке от Пода. Тьен, его младший брат, перебирал камни у подножия. Справа от Кэла, к западу, виднелся ряд невысоких холмов. По склонам протянулись лависовые поля с наполовину созревшими полипами.

Он чувствовал странную печаль, когда глядел на эти склоны со множеством погруженных в работу крестьян. Темно-коричневые полипы, вырастая, превращались в дыни, заполненные зерном. Подсушенное, это зерно кормило целый город и войска их великого князя. Ревнителю, что посещали их края, старательно объясняли: Призвание фермера — благородное, одно из высших, не считая Призвания солдата. Отец Кэла бормотал себе под нос, что, по его мнению, больше чести в том, чтобы кормить королевство, чем в том, чтобы сражаться и умирать в бесполезных войнах.

— Кэл? — настойчиво спросила Лараль. — Почему же ты мне не сказал?

— Прости, я сомневался, что отец настроен серьезно. И решил промолчать.

Это была ложь. Он знал, что отец не передумает. Кэл просто не хотел говорить о том, что ему придется уехать и сделаться лекарем, – особенно обсуждать это с Лараль.

Она уперла руки в боки:

– Я думала, ты собираешься стать солдатом.

Кэл пожал плечами.

Девочка закатила глаза и перепрыгнула со своего валуна на тот, где сидел он.

– Ты разве не хочешь стать светлоглазым? Добыть осколочный клинок?

– Отец говорит, такое случается нечасто.

Она присела рядом с ним:

– Уверена, ты мог бы этого добиться.

До чего же у нее яркие глаза, мерцающие зеленым, цветом самой жизни...

Кэл все сильнее понимал, что ему нравится смотреть на Лараль. Он знал, в чем причина. Отец объяснил ему, что такое взросление, с хирургической точностью. Но оказалось, что в этом деле весьма важную роль играют чувства и эмоции, по поводу которых стерильные описания отца ничего не проясняли. Некоторые эмоции касались Лараль и других девушек из города. Иные возникали, когда его без предупреждения окутывала тоска, словно укрывая причудливым одеялом.

– Я... – начал Кэл.

– Погляди-ка. – Лараль вновь забралась на свой валун. Ее красивое желтое платье трепетало на ветру. Еще год, и она начнет носить перчатку на левой руке – так принято было указывать, что девочка превратилась в девушку. – Ну же, вставай. Посмотри туда.

Кэл заставил себя подняться и повернулся к востоку. Там у корней крепких маркеловых деревьев темнели густые заросли лохматника.

– Что ты видишь? – требовательно спросила Лараль.

– Коричневый лохматник. Кажется, мертвый.

– Там Изначалье, – сказала она, тыкая пальцем. – Это буре-земли. Отец говорит, мы тут словно ветролом, что защищает более нежные края на западе. – Лараль повернулась к нему. – У нас благородная миссия, Кэл, и у темноглазых, и у светлоглазых. Поэтому в Алеткаре всегда рождались лучшие воители. Великий князь Садеас, генерал Амарам... да и сам король Гавилар.

– Наверное.

Она преувеличенно вздохнула:

– Чтоб ты знал – ненавижу с тобой разговаривать, когда ты такой.

– Какой?

– Вот такой. Хандришь, вздыхаешь.

– Это ты сейчас вздыхала.

– Ты знаешь, о чем я.

Она спрыгнула с валуна и пошла прочь, надув губы. Иногда подруга устраивала такие сцены. Кэл остался стоять на валуне, глядя на восток. Мальчик сам не знал, что чувствует. Его отец действительно хотел, чтобы он стал лекарем, но Кэл колебался. Не только из-за историй, которые восхищали и удивляли. Он чувствовал, что если сделается солдатом, то сможет что-то изменить. На самом деле изменить. Часть его мечтала о том, как отправится на войну, будет защищать Алеткар, сражаться рядом со светлоглазыми героями. Делать что-то хорошее в другом месте, а не в городишке, куда важные люди даже не заглядывали.

Он сел. Иногда ему о таком мечталось. А в другие дни было на все наплевать. Внутри его черным угрем извивалось уныние. Лохматник внизу выживал в бурю, потому что его кусты росли очень плотно и близко друг к другу у стволов могучих маркеловых деревьев с каменной корой и ветками толщиной с мужскую ногу. Но теперь лохматник умер. Он не выжил. Сплочения оказалось недостаточно.

– Каладин? – раздалось позади.

Он повернулся и увидел младшего брата, который сложил ладони ковшиком. Тьену исполнилось десять – на два года меньше, чем Кэлу, – хотя мальчишка казался совсем маленьким. Другие дети дразнили его карликом, но Лириин объяснил, что Тьен просто еще не начал по-настоящему расти. Но хрупкий, круглолицый и румяный Тьен в самом деле выглядел так, словно ему было в два раза меньше лет.

– Каладин, – сказал он взволнованно, – на что ты смотришь?

– На мертвые сорняки.

– А-а. Погляди-ка теперь на это.

– На что?

Тьен раскрыл ладони, демонстрируя маленький камень, обточенный ветром; по одной стороне змеилась трещина. Кэл рассмотрел камешек. Не увидел ничего особенного. Обычная галька.

– Просто камень.

– Не просто камень!

Тьен взял его флягу. Намочил большой палец, потер плоскую часть камня. От влаги тот потемнел и покрылся россыпью белых узоров.

– Видишь? – спросил Тьен, протягивая камень обратно.

В камне чередовались белые, коричневые и черные слои. Переплетаясь, они образовывали удивительный рисунок. Конечно, штуковина, которую Кэл держал в руках, оставалась простым камнем, но он почему-то улыбнулся.

– Тьен, это здорово!

Он протянул камень брату. Тьен покачал головой:

– Я для тебя его нашел. Чтобы у тебя поднялось настроение.

– Я... – Это ведь был просто глупый камень. Но Кэл необъяснимым образом и впрямь почувствовал себя лучше. – Спасибо. Эй, знаешь что? Готов поспорить, где-то в этих камнях прячется парочка лургов. Давай посмотрим, сумеем ли мы найти хоть одного?

– Да-да-да! – воскликнул брат.

Тьен засмеялся и начал спускаться с груды валунов. Кэл последовал было за ним, но остановился, вспомнив, что сказал отец.

Он вылил немного воды из фляги на ладонь и обрызгал коричневый лохматник. Куст мгновенно зазеленел, словно на него угодили капли краски. Растение не умерло; оно просто пересохло и ждало, когда придет буря. Кэл следил, как зеленые пятна медленно превращаются в коричневые, по мере впитывания воды.

– Каладин! – прокричал Тьен. Он часто называл Кэла полным именем, хотя тот просил этого не делать. – Это они?

Каладин сунул в карман подаренный камень и стал спускаться, пробираясь сквозь валуны. Он прошел мимо Лараль. Она смотрела на запад, на особняк своей семьи. Ее отец был градоначальником Пода. Кэл опять с трудом отвел от нее взгляд. До чего красивы эти двухцветные волосы...

Она повернулась к Кэлу и нахмурилась.

– Мы собираемся поохотиться на лургов, – объяснил он с улыбкой и махнул в сторону Тьена. – Идем с нами.

– Что-то ты вдруг повеселел.

– Сам не ожидал. Мне лучше.

– Как он это делает? Просто чудо.

– Делает – кто?

– Твой брат. – Лараль бросила взгляд на Тьена. – Он тебя меняет.

Голова Тьена то появлялась, то исчезала за камнями, и он нетерпеливо махал, подпрыгивая от возбуждения.

– Просто рядом с ним тяжело быть угрюмым, – пояснил Кэл. – Пошли. Ты хочешь поймать лурга или нет?

– Думаю, да. – Лараль вздохнула и протянула ему руку.

– Это еще зачем? – удивился Кэл.

– Помоги мне спуститься.

– Лараль, ты карабкаешься по скалам лучше, чем я или Тьен. Тебе не нужна помощь.

– Тупица, это называется «вежливость».

Кэл протянул ей руку, а потом девочка прыгнула, не опираясь и ничуть не нуждаясь в его помощи.

«В последнее время, – подумал Кэл, – она ведет себя очень странно».

Они вдвоем присоединились к Тьену, который прыгнул в ложбину между несколькими валунами и на что-то нетерпеливо указал пальцем. Из трещины в камне выглядывал ком белых шелковистых нитей размером с кулак мальчишки.

– Я прав, да? – спросил Тьен. – Это он?

Кэл поднял флягу и налил воды на камень чуть повыше белого кома. Нити растворились в неожиданном дожде, кокон растаял, открыв маленькое существо с гладкой коричнево-зеленой шкурой. У лурга было шесть лапок, которыми тот цеплялся к камням, а глаза располагались в центре спины. Он прыгнул с валуна в поисках насекомых. Тьен весело смеялся, наблюдая, как существо носится туда-сюда, прилипая к камням. Оно везде оставляло после себя пятна слизи.

Кэл прислонился к валуну, глядя на брата и вспоминая те дни, когда выслеживать лургов было куда интереснее.

– Итак, – заговорила Лараль, скрестив руки на груди, – что ты собираешься делать? Если отец решит послать тебя в Харбрант?

– Не знаю. Лекари никого не принимают до шестнадцатого Плача, так что у меня еще есть время подумать.

В Харбранте обучались лучшие лекари и целители. Все об этом знали. Болтали, там больше госпиталей, чем таверн.

– Похоже, отец вынуждает тебя сделать то, что хочется ему, а не тебе, – заметила Лараль.

– Но так у всех! – Кэл почесал в затылке. – Другие мальчишки станут фермерами, ведь их родители фермеры, а Рал только что сделался новым городским плотником. Он не возражал, потому что этим занимался его отец. Почему я не должен становиться лекарем?

– Я просто... – Похоже, Лараль рассердилась. – Кэл, если ты пойдешь воевать и добудешь осколочный клинок, то станешь светлоглазым... И тогда... Ох, это все бесполезно.

Она ушла в себя и еще плотнее скрестила руки.

Кэл почесал в затылке. Она и в самом деле вела себя очень странно.

– Можно и на войну отправиться ради чести и всего прочего. Но особенно мне бы хотелось путешествовать. Повидать другие края.

Он слышал об экзотических животных – громадных панцирниках, поющих угрях. О Ралл-Элориме, городе теней, и о Курте, городе молний.

Кэл потратил немало времени на учебу в последние годы. Мать все твердила, что не надо лишать его детства, уделяя так много внимания будущему. Отец возражал – испытания для желающих обучаться у харбрантских лекарей очень суровы. Если Кэл хочет не упустить свой шанс, нужно обучиться всему заранее.

И все же, стать солдатом... Другие мальчишки мечтали, как вступят в армию и будут сражаться за короля Гавилара. Также говорили, будто наконец-то начнется война с Йа-Кеве-

дом. Что бы он почувствовал, увидев тех, о ком рассказывали столько историй? Сражаясь бок о бок с великим князем Садеасом или Далинаром Черным Шипом?

В конце концов лург понял, что его обманули. Он устроился на камне, чтобы снова сплести себе кокон. Кэл подобрал с земли маленький гладкий камень и положил Тьену руку на плечо, не давая мальчику опять ткнуть усталую амфибию. Кэл шагнул вперед и двумя пальцами аккуратно подтолкнул лурга, заставив его перепрыгнуть с валуна на свой камень. И вручил Тьену, который широко распахнутыми глазами смотрел, как лург плетет кокон, выплевывая влажный шелк и обматывая лапками вокруг себя. Кокон изнутри был водонепроницаемым, запечатанным сухой слизью, но дождевая вода его растворяла.

Кэл улыбнулся и отхлебнул из фляги. Вода была прохладная и чистая, отстоявшаяся, без крема. Крем – похожая на ил коричневая субстанция, растворенная в дожде, – мог сделать человека больным. Об этом знали все, не только лекари. Вода должна отстаиваться день, потом ее сливали, а из осадка гончары делали посуду.

Лург наконец-то закончил кокон. Тьен тотчас же потянулся за флягой.

Кэл высоко поднял ее:

– Тьен, он устал и больше не будет скакать туда-сюда.

– Ой.

Кэл опустил флягу и похлопал брата по плечу:

– Я посадил его на камень, чтобы ты смог забрать его с собой. Потом выпустишь. – Он улыбнулся. – Или бросишь отцу в ванну через окно.

Тьен многообещающе ухмыльнулся. Кэл взъерошил темные волосы мальчика.

– Поищи-ка еще кокон. Если поймает двоих, у тебя будет один, чтобы играть, а другой – чтобы бросить в ванну.

Тьен аккуратно положил добычу на камень, а потом умчался куда-то за валуны. Склон холма в этом месте осыпался во время Великой бури, случившейся несколько месяцев назад. Развалился на части, словно какой-нибудь гигант ударил по нему кулаком. Люди говорили, что так же могло уничтожить и целый дом! Они возжигали благодарственные молитвы Всемогущему и одновременно шептались об опасных тварях, что приходили вместе с тьмой во время настоящей бури. Кого следовало винить в разрушениях – Приносящих пустоту или призраков Сияющих отступников?

Лараль снова смотрела на особняк. Она нервно разгладила платье – в последнее время девочка стала больше заботиться об одежде и уже не возвращалась домой грязная, как раньше.

– Ты все еще думаешь о войне? – спросил Кэл.

– Э-э-э... ну да.

– Я так и понял. – Пару недель назад в городе побывали армейские вербовщики и забрали нескольких парней постарше, но лишь после того, как градоначальник Уистиоу дал свое разрешение. – Как по-твоему, что разбило эти скалы во время Великой бури?

– Понятия не имею.

Кэл посмотрел на восток. Кто насылал бури? Его отец говорил, ни один корабль, отплывший к Изначалью, не вернулся обратно. Не многим удалось просто даже отойти от берега. Оказаться застигнутым бурей в открытом море означало, по слухам, верную смерть.

Он сделал еще глоток и закрыл флягу, приберегая остаток на случай, если Тьен найдет еще одного лурга. Далеко в полях работали крестьяне в робах, зашнурованных рубахах и крепких ботинках.

Шел сезон червячения. Один-единственный червь мог испортить целый полип. Он устраивался внутри и медленно поедая растущие зерна. Вскрыв полип осенью, можно было обнаружить лишь жирного слизня размером с два мужских кулака. И потому их искали весной, осматривая каждый полип на поле. Заметив червоточину, в нее совали тростник, смо-

ченный в сахаре, к которому цеплялся червь. Вредителя вытаскивали и давили, а дырочку заклеивали кремом.

Чтобы очистить все поле как следует, требовались недели, и фермеры обычно прочесывали холмы три-четыре раза, заодно и удобряя их. Кэл слушал о том, как это делается, уже сотни раз. В городишках вроде Пода и дня не проходило без того, чтобы кто-то не пожаловался на червей.

Вдруг у подножия одного из холмов он заметил группу знакомых мальчишек постарше. Джост и Джест, братья. Морд, Тифт, Нагет, Хав и прочие. У каждого были солидные имена, как и полагается темноглазым алети. Не такие, как имя Каладина.

– Почему они не червячат? – спросил он.

– Не знаю. – Лараль тоже обратила внимание на мальчиков. В ее взгляде было что-то странное. – Пошли узнаем.

Девочка побежала вниз по склону быстрее, чем Кэл успел возразить.

Он почесал в затылке, искал взглядом Тьена:

– Мы уходим к подножию вон того холма.

Над валуном показалась голова брата. Тьен энергично закивал, потом снова бросился на поиски. Кэл соскользнул с валуна и пошел вниз, следом за Лараль. Она уже подошла к мальчикам, и они смотрели на нее, явно испытывая неловкость. Девочка не проводила с ними столько времени, сколько с Кэлом и Тьеном. Их отцы давно дружили, хоть один из них был светлоглазым, а другой – темноглазым.

Лараль уселась на ближайший высокий камень и принялась молча ждать. Кэл приблизился. Зачем она сюда пришла, если не собиралась ни с кем разговаривать?

– Джост, привет, – поздоровался Кэл.

Джосту исполнилось четырнадцать – самый старший в компании, почти мужчина и по возрасту, и по виду. У него была не по годам широкая грудь, крепкие мускулистые ноги, как у отца. Он держал в руках палку – молодое деревце, с которого обрубили все ветки, соорудив грубое подобие боевого посоха.

– Почему вы не червячите?

Это был неправильный вопрос – Кэл понял, как только спросил. У нескольких мальчишек помрачнело лицо. Ребята недолюбливали Кэла за то, что ему не нужно было работать в холмах. Он мог сколько угодно протестовать, говоря, что часами заучивает мышцы, кости и лекарственные снадобья, но его никто не слушал. Мальчики видели перед собой ровесника, который прохлаждался в тени, пока они мучительно трудились под палящим солнцем.

– Старый Тарн нашел делянку полипов, которые растут неправильно, – наконец сказал Джост, бросив взгляд на Лараль. – Отпустил нас на день, пока все решают, посадить ли там что-то другое или оставить как есть и поглядеть, что из них получится.

Кэл кивнул, и перед девятью мальчиками ему сделалось не по себе. Они были в поту, колени их штанов выпачкались в креме, а сами штаны износились, вытираясь о камни. А Кэл чистенький, в хороших брюках, которые мать купила для него всего-то несколько недель назад. Отец отпустил его и Тьена на день, пока сам был чем-то занят в особняке градоначальника. Кэлу предстояло расплатиться за передышку учебой допоздна, при свете бурсветной лампы, но объяснять это другим мальчикам не было никакого смысла.

– Ну, это... – заговорил Кэл. – И о чем вы тут болтали?

Вместо ответа Нагет – светловолосый и тощий, самый высокий в компании – сказал:

– Кэл, ты много знаешь. Да? Про мир и все такое?

– Ага, – согласился Кэл, почесав в затылке. – Вроде того.

– Ты слышал о том, чтобы темноглазый становился светлоглазым? – спросил Нагет.

– Конечно, такое бывает, мне отец говорил. Богатые темноглазые женятся на низко-рожденных светлоглазых и становятся частью семьи. Потом у них рождаются светлоглазые дети. Ну как-то так.

– Нет, не так, – возразил Хав. У него были низкие брови, и он как будто все время мрачно ухмылялся. – Ты знаешь, о чем я. Настоящие темноглазые. Как мы.

«Не как ты», – намекал его тон. Семья Кэла была единственной семьей второго нана в городе. Все остальные были четвертого или пятого, и положение Кэла заставляло их чувствовать себя неуютно в его присутствии. Странная профессия его отца делу не помогала.

Из-за этого Кэлу все время было не по себе.

– Вы же знаете, как это бывает. Спросите Лараль. Она только что об этом говорила. Если человек добудет на поле битвы осколочный клинок, его глаза сделаются светлыми.

– Это правда, – подтвердила Лараль. – Это все знают. Даже раб может стать светлоглазым, если добудет осколочный клинок.

Мальчики закивали; у них у всех глаза были карие, черные или другого темного цвета. Добыть осколочный клинок – вот одна из главных причин, что влекла простолюдинов на войну. В воринских королевствах у всех есть шанс возвыситься. На этом, как выразился бы отец Кэла, зиждилось их общество.

– Ага, – нетерпеливо проговорил Нагет. – Но вы слышали о том, чтобы это когда-нибудь происходило? Ну, не в байках. Такое взаправду бывало?

– Конечно, – ответил Кэл. – Я уверен. Иначе зачем столько мужчин шли бы на войну?

– Затем, – сказал Джест, – что надо готовить людей, которые будут сражаться за Чертоги Спокойствия. Мы должны посылать Вестникам солдат. Ревнителю все время об этом говорят.

– Ага, а потом они говорят нам, что быть фермером хорошо, – насмешливо заметил Хав. – Вроде как фермер – чуть ли не второй после солдата, и прочая чушь.

– Эй! – вскинулся Тифт. – Мой папаша фермер, и всем доволен. Это благородное Призвание! И у всех вас отцы тем же занимаются.

– Ладно-ладно, – согласился Джест. – Мы же не об этом. Речь про рыцарей-осколочников. Кто пойдет на войну и добудет осколочный клинок, станет светлоглазым. Мой папаша, чтоб вы знали, должен был получить этот самый клинок. Но мужик, который был с ним рядом, забрал добычу, пока папаша был в отключке. Сказал офицеру, что это он убил владельца осколочного меча, и получил клинок в награду, а мой папаша...

Его перебил звонкий смех Лараль. Кэл нахмурился. Он впервые слышал, чтобы подруга смеялась так неестественно и раздражающе.

– Джест, ты хочешь сказать, что твой отец добыл осколочный клинок?! – спросила она.

– Нет. Его забрали, – ответил парнишка.

– Разве твой отец сражался не в ерундовых стычках на севере? Каладин, скажи ему.

– Джест, она права. Там не было воинов с осколочным оружием... только реши-бандиты, которые думали, что можно воспользоваться сумятицей после восхождения на престол нового короля. У них не было осколочных клинков. Твой отец, наверное, перепутал.

– Перепутал? – процедил Джест.

– Э-э-э, ну да, – поспешно сказал Кэл. – Я не говорю, что он врет. У него, возможно, были галлюцинации после травмы, что-то в этом роде.

Мальчики притихли, глядя на Кэла. Один почесал голову.

Джест сплунул. Он как будто наблюдал за Лараль краем глаза. Она смотрела только на Кэла и улыбалась ему.

– Вечно ты делаешь так, что все вокруг чувствуют себя идиотами, да, Кэл? – спросил Джест.

– Что? Нет, я...

– Ты хотел выставить моего папашу идиотом, – перебил Джост, и лицо его побагровело. – Как и меня. Что ж, кое-кому из нас не так повезло, чтобы целыми днями поедать фрукты и валяться без дела. Мы должны работать.

– Я не...

Джост бросил Кэлу посох. Тот неуклюже его поймал. Потом Джост взял у брата второй посох:

– Ты оскорбил моего папашу, теперь дерись. Это называется честь. У тебя есть честь, лорденыш?

– Я не лорденыш. – Кэл сплюнул. – Буреотец, Джост, я лишь на пару нанов выше тебя. От упоминания нанов глаза Джоста сделались злее. Он поднял посох:

– Ты будешь драться или нет?

У его ног появились ярко-красные лужицы – спрены гнева.

Кэл знал, что делает Джост. Мальчики не в первый раз искали способы показать, что они лучше его. Отец Кэла говорил, что дело в их неуверенности. Он бы велел Кэлу просто бросить посох и уйти.

Но там сидела Лараль и улыбалась. И ведь мужчины не становятся героями, уходя.

– Ну хорошо. Ладно.

Кэл поднял посох.

Джост тотчас же ударил – быстрее, чем Кэл мог бы предположить. Другие мальчики наблюдали со смесью радости, потрясения и удивления. Кэл едва успел поднять посох. Деревянные орудия с треском сомкнулись, и по рукам пробежала дрожь.

Он потерял равновесие. Джост проворно шагнул в сторону и ударил посохом снизу, прямо по ступне Кэла. Мальчик закричал, когда сильная боль пронзила его ногу, и одной рукой потянулся вниз, другой продолжая держать посох.

Джост замахнулся и ударил Кэла в бок. Кэл охнул, выпустил посох и, схватившись за живот, упал на колени. Он едва мог дышать от боли. Из камня вокруг него выбирались маленькие и тощие спрены боли – мерцающие бледно-оранжевые существа, похожие на растянутые сухожилия или мышцы.

Кэл уперся одной рукой в камни и наклонился, продолжая прижимать другую руку к боку. «Надеюсь, ты не сломал мне ребра, кремлец...» – подумал он.

Краем глаза он увидел, как Лараль поджала губы, и ощутил внезапный всепоглощающий стыд.

Джост со смущенным видом опустил посох.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь ты видишь, что мой папаша обу чал меня как следует. Может, после этого до тебя дойдет. Он говорит правду и...

Кэл зарычал от ярости и боли, схватил с земли посох и прыгнул на Джоста. Парнишка выругался, отпрянул и вскинул оружие. Кэл заорал и нанес удар.

В этот миг что-то переменялось. Сжимая посох, Кэл чувствовал некую силу, а от возбуждения его боль исчезла. Он повернулся и ударил Джоста по руке.

Джост разжал пальцы, вскрикнув. Кэл крутанул посохом и ударил парня в бок. Он никогда раньше не держал в руках оружия, никогда не участвовал в более опасной драке, чем потасовка с Тьеном. Но деревяшка в его пальцах казалась... правильной. Он был потрясен тем чудесным ощущением, что подарил ему этот миг.

Джост охнул, опять подался назад, и Кэл занес оружие, готовясь ударить Джоста по лицу. Поднял посох, а потом застыл. Из раны на руке Джоста текла кровь. Совсем немного, но все-таки текла.

Он причинил боль.

Джост взревел и рванулся вперед. Кэл не успел даже вскрикнуть, как высокий и крупный парень сбил его с ног и отправил на землю бездыханным. От этого ушибленный бок

вспыхнул, и спрены боли резво побежали отовсюду, цепляясь к его боку, где и замерли, точно оранжевый шрам, питаюсь его мучениями.

Джост отступил на шаг. Кэл лежал на спине, еле дыша. Он не понимал, что произошло. Тот момент, когда руки сжимали посох, был чудесным. Невероятным. В то же самое время он видел Лараль. Она встала и вместо того, чтобы броситься к нему и помочь, повернулась и ушла, направляясь к особняку градоначальника.

Глаза Кэла наполнились слезами. Мальчик с криком перекатился и опять схватил посох. Он не сдастся!

– Довольно, – сказал позади Джост. Кэл почувствовал что-то жесткое на спине – ботинок, который придавил его к камням. Джест забрал посох из пальцев Кэла.

«Ничего не вышло. Я... проиграл».

Он ненавидел это чувство, ненавидел куда сильнее, чем боль.

– А ты неплохо дрался, – ворчливо признался Джост. – Но все, отвали. Я не хочу настоящего тебя отделать.

Кэл опустил голову, упершись лбом в теплый, нагретый солнцем камень. Джост убрал ногу, и мальчики двинулись прочь, о чем-то переговариваясь, их ботинки заскрипели по камням. Кэл вынудил себя сначала подняться на четвереньки, потом – встать.

– Научи меня, – сказал Кэл.

Джост опасливо повернулся, сжимая одной рукой посох, и, удивленно моргая, посмотрел на сына лекаря.

– Научи, – взмолился Кэл, шагнув вперед. – Я буду за тебя червячить. Отец дает мне два часа на отдых каждый день. Я буду делать твою работу, если ты по вечерам станешь учить меня обращаться с посохом, как тебя учит твой отец.

Он должен был узнать. Должен был снова почувствовать в руках оружие. Должен был понять, не случайно ли то мгновение. Джост поразмыслил, потом покачал головой:

– Не могу. Твой папаша меня прибьет. Покрыть твои лекарские ручки мозолями? Это будет неправильно. – Он повернулся спиной. – Кэл, ты оставайся тем, кто ты есть. Я буду тем, кто я есть.

Кэл долго стоял и смотрел, как они уходят. Потом сел на камни. Лараль ушла уже совсем далеко. По склону холма ей навстречу направлялись слуги. Может, стоит побежать за ней? Бок у него все еще болел, и он злился на нее, потому что это ведь она привела его сюда. И, кроме того, он по-прежнему хандрил.

Кэл лег на спину. Внутри бурлили чувства, в которых невозможно было разобраться.

– Каладин?

Он повернулся, со стыдом понимая, что плачет, и увидел Тьена, который восседал неподалеку.

– Давно ты тут? – резко спросил Кэл.

Тьен улыбнулся, потом положил на землю какой-то камень.

Вскочил и убежал, не остановившись, когда Кэл его позвал. Ворча, мальчик поднялся и подошел взять камень.

И снова совершенно обычная галька. У Тьена была привычка собирать такие, думая, что они невероятно ценные. Дома он хранил целую коллекцию. Брат помнил, где нашел каждый, и мог сказать, что в нем особенного.

Со вздохом Кэл зашагал домой.

«Ты оставайся тем, кто ты есть. Я буду тем, кто я есть».

Бок терзала жгучая боль. Почему он не ударил Джоста, когда был шанс? Можно ли научиться не замирать вот так в бою? Он сможет понять, как причинять боль. Ведь поймет же?

Ему это нужно, так?

«Ты оставайся тем, кто ты есть».

А что, если он не знает, кто он есть? Или даже кем хочет стать?

В конце концов мальчик добрался до Пода. Около сотни городских домов располагались рядами, каждый имел форму клина, чья заостренная сторона указывала туда, откуда приходили бури. Крыши из крепкого дерева, просмоленные, чтобы не пропускать дождь. На северных и южных стенах домов редко встречались окна, но фасады, обращенные прочь от бурь, оставались открытыми. Как и жизнь растений на буреземлях, жизнь людей во всем подчинялась Великим бурям.

Дом лекаря был выстроен почти на самой окраине. Больше многих и шире, чтобы вместить хирургическую комнату с отдельным входом. Дверь оказалась распахнута, и Кэл заглянул внутрь. Он думал, что застанет мать за уборкой, но обнаружил, что отец уже вернулся из особняка светлорда Уистиоу. Лирин сидел на краю операционного стола, сложив руки на коленях и склонив лысую голову. Очки он держал в руке и выглядел измотанным.

– Отец? – позвал Кэл. – Почему ты сидишь в темноте?

Лирин поднял голову. Лицо у него было мрачное и холодное.

– Отец? – Кэл забеспокоился.

– Светлорда Уистиоу унесли ветра.

– Он умер?! – Мальчика так потрясла эта новость, что он забыл про свой бок. Уистиоу всегда был где-то рядом и просто не мог исчезнуть. А что же будет с Лараль? – С ним же все было в порядке на той неделе!

– Он всегда был хрупкого здоровья, – объяснил Лирин. – Всемогущий в конце концов призывает всех людей в Духовную сферу.

– И ты ничего не сделал? – выпалил Кэл, тотчас же пожалев о своих словах.

– Я сделал все, что мог. – Отец поднялся. – Возможно, кто-нибудь более умелый, чем я... Что ж, сожаления бессмысленны.

Он снял черный чехол с лампы-кубка, заполненной бриллиантовыми сферами. Она тотчас же осветила всю комнату, сияя, как маленькое солнце.

– Теперь у нас нет градоначальника, – проговорил Кэл, прикрывая глаза ладонью. – У него не было сына...

– В Холинаре назначат нового. Пусть Всемогущий позаботится о том, чтобы там сделали мудрый выбор.

Кэл посмотрел на лампу. Это были сферы градоначальника. Небольшое состояние.

Отец Кэла опять накинул чехол на кубок, словно и не снимал его только что. Комната снова погрузилась во тьму, и Кэл заморгал, привыкая.

– Это он оставил нам, – сказал Лирин.

Кэл вздрогнул:

– Что?!

– Тебя следует отправить в Харбрант после шестнадцатого Плача. Эти сферы оплатят твое путешествие... Светлорд Уистиоу об этом попросил, таков был его последний поступок в знак заботы о своих подданных. Ты отправишься туда и станешь настоящим лекарем, а потом вернешься в Под.

В этот миг Кэл понял, что его судьба решена. Если светлорд Уистиоу этого потребовал, Кэл отправится в Харбрант. Он повернулся и вышел из хирургической комнаты на солнечный свет, не сказав отцу больше ни слова.

Сел на ступеньки крыльца. Чего же он хочет? Непонятно. В этом и состоит проблема. Слава, честь, то, о чем говорила Лараль... они на самом деле ничего для него не значат. Но что-то случилось, когда он держал посох. И теперь его вдруг лишили возможности выбирать.

Камешки, которые дал ему Тьен, все еще оттягивали карман. Он их вытащил и омыл водой из фляги. На первом камне проступили белые завитки и слои. На другом тоже обнаружился рисунок.

Это походило на улыбающееся лицо – лицо из белых полос в камне. Кэл против собственной воли улыбнулся, хотя все быстро исчезло. Камень не мог подсказать, как быть.

К несчастью, хоть Кэл много времени потратил на размышления, проблема осталась нерешенной. Он не был уверен, что хочет быть лекарем, и внезапно ощутил, как жизнь давит на него, вынуждая подчиниться.

Но ведь в тот миг, когда Кэл держал посох, внутри его звучала песня! И только это воспоминание было сейчас четким и ясным в этом запутанном мире.

17

Кроваво-красный закат

Могу ли я быть откровенным? Ты однажды спросил, отчего я такой встревоженный. Вот в чем причина.

– Какой же он старый, – потрясенно сказала Сил, порхая вокруг аптекаря. – Очень-очень старый. Я и не знала, что люди могут быть такими старыми. Уверен, что он не спрен разложения в человеческом обличье?

Каладин улыбнулся, а аптекарь в темной мантии заковылял к нему, опираясь на трость и даже не догадываясь о присутствии невидимого спрена ветра. На кончике его носа сидели толстые очки, а морщин было не меньше, чем расщелин на Расколотых равнинах, и они как будто сплетались в узоры вокруг его глубоко посаженных глаз.

Отец Каладина рассказывал ему про аптекарей – людей, что были кем-то средним между травниками и лекарями. Простолюдины относились к целительским искусствам с суеверным страхом, и аптекари напускали на себя таинственный вид. Деревянные стены лавки были задрапированы тканями с охранными глифами, превращенными в загадочные узоры, а за прилавком высились полки с рядами банок. В дальнем углу висел полный человеческий скелет, скрепленный проволокой. Комнату без окон освещали связки гранатовых сфер по углам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.